

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. И. Шерemet

ПОСЛЕДНИЙ ОСМАН

Избранные труды

Том 2

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 63.3(5)
Ш 49

Ответственный редактор и составитель
Л. В. Зеленина

Рецензенты
д. и. н. В. В. Беляков
д. и. н. В. М. Запорожец

Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

Шеремет В. И.

Ш49 Последний осман. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. / Отв. ред. и составитель
Л. В. Зеленина; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 264 с.

ISBN 978-5-907384-62-0 (общ.)
ISBN 978-5-907384-64-4 (Т. 2)

В книгу вошли избранные труды по истории Османской империи и русско-турецких отношений выдающегося российского востоковеда Виталия Ивановича Шеремета (1940–2012), а также его статьи, в которых рассматриваются некоторые теоретические проблемы востоковедения.

ББК 63.3(5)

© В. И. Шеремет, наследники, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

На обложке: Левша [Мухаммед]. © And M. Osmanlı Tasvir Sanatları 1: Minyatür. С. 536.
İstanbul: Albüm [BL, Or. 2709]. IÜK T9364

Виталий Иванович Шеремет
(1940–2012)

Содержание

Раздел 1. Крымская война	7
Суэц и колониальные державы в 30–40-х гг. XIX века	9
Вольный город Иерусалим. Урок прошлого	18
Непобежденные. К 150-летию выхода России из Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.	20
П. С. Нахимов. Труженик войны	108
Раздел 2. Первая мировая война	121
Россия и Турция в канун Первой мировой войны в документах русских и турецких спецслужб	123
Забытый резидент	132
О перспективах русско-турецкого военного союза К 90-летию начального этапа Первой мировой войны	166
Дарданелльская операция Великобритании в годы Первой мировой войны Силы и замыслы	180
Раздел 3. Вопросы теории	185
Становление Османской империи	187
Европейская Турция как контактная зона междивизиационного обмена в османскую эпоху. XIV — начало XX века	203
Султан и Патриарх. Заметки по исторической конфликтологии	211
Христианские подданные как иницилирующее начало и первый адресат османских реформ в XIX веке	217
О Парижском мире 1856 года	228
Проблема «свой — чужой» глазами христианского Запада и мусульманского Востока. Эволюция во времени и пространстве	232
Архивное востоковедение: пыль веков или информационное оружие эпохи глобализма?	255

English Resume

Vitaliy I. Sheremet. Vol. 2 The Last Osman

The book includes selected works on the history of the Ottoman Empire and Russian-Turkish relations by the outstanding Russian orientalist Vitaly Ivanovich Sheremet (1940–2012), as well as his articles, dealing with some theoretical problems of Oriental studies.

Раздел 1

Крымская война

Суэц и колониальные державы в 30–40-х гг. XIX века

В истории стран Балканского полуострова и Восточного Средиземноморья вторая четверть XIX в. отмечена национальными движениями против османского господства и новым этапом колониальной экспансии капиталистических держав Западной Европы. Британский колониализм распространялся в направлении от Индии к Персидскому заливу и Аравийскому полуострову. В планах Франции после оккупации Алжира вновь выдвигались в числе ближайших целей Египет и Левант (Сирия и Палестина). Австрия заняла к 1840-м гг. Боснию и Герцеговину, но в Вене жаждали также влияния на торговых путях Черного и Средиземного морей, на Леванте. Интересы этих держав пересекались в нескольких точках. В начале 1840-х гг. «наибольшую остроту приобрели вопрос о Черноморских проливах и проблема коммуникаций между Западной Европой и Средним Востоком, Индией. В соответствии с Лондонскими конвенциями 1840–1841 гг. Босфор и Дарданеллы оказались поставленными под коллективный контроль держав. Россия и Франция были, однако, оттеснены, преобладание получила Англия»¹. Политика «свободной торговли», сокрушавшая национальное производство в Малой Азии, должна была быть распространена на другие территории Османской империи, прежде всего на сильный и независимый Египет — потенциальный центр объединения арабов.

В конце 30-х – 40-х гг. XIX в. между египетскими силами, представленными независимым от османского правительства пашой Египта Мухаммедом Али, и соперничавшими между собой Англией, Францией

¹ Подробнее см.: Киняпина Н. С. Георгиев В. А., Панченкова М. Т., Шеремет В. И. *Восточный вопрос во внешней политике России*. Гл. IV. М., 1978.

и Австрией развернулась борьба за Суэц — оптимальный путь из Средиземного моря к странам бассейна Индийского океана².

После захвата в 1834 г. о. Сокотра, в 1839 г. — Адена, а также после серии соглашений, навязанных шейхам Джавассы, Договорного Омана, Маската и Бахрейна, Англия имела в зоне Персидского залива и Красного моря лишь одного реального соперника — Мухаммеда Али, укрепившегося в Неджде и аль-Хассе и угрожавшего факториям Ост-Индской компании на Бахрейне и в Омане. Англо-австрийская интервенция в Сирии в 1840 г. и антиегипетские выступления в Ливане и Палестине положили конец планам правителя Египта создать общеарабское государство, включающее Египет, страны Леванта, Аравию³. При этом Франция, не оказавшая Египту военной помощи, на которую так рассчитывал в 1840 г. Мухаммед Али, и не сумевшая поддержать его на Лондонских конференциях, рисковала своими позициями в Египте и начала искать новые средства для их укрепления.

Одновременно ширилась торговая экспансия Англии, Франции, Австро-Венгрии в Малую Азию и страны Благодатного полумесяца. Экономическая жизнь в приморских городах Восточного Средиземноморья переориентировалась из центров национального производства в центры обслуживания внешней торговли со странами Запада и опорные пункты проникновения колониальных держав во внутренние районы Азии и Африки. «Революция» в морском транспорте в 30–40-х гг. XIX в. и переход к паровому и крупнотоннажному флоту использовалась западноевропейскими державами для обслуживания растущего грузопотока между Европой и Востоком и для оперативной переброски крупных контингентов колониальных войск⁴.

² Хорошо изучена история строительства Суэцкого канала и дипломатической борьбы Англии и Франции при пассивной роли Порты и самого Египта. См.: Ерофеев Н. А. *Английский колониализм в середине XIX в.* М., 1977. С. 129–162; Виноградов К. Б. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала. *Вопросы истории.* 1969. № 11; Vidalenc J. Le canal de Suez dans l'histoire 1854–1956. *Révue de l'histoire économique et social.* 1972. № 2. Важно, однако, изучить более ранние этапы этой борьбы и собственные проекты египетских властей в отношении Суэца, которые в историографии практически не освещены.

³ О первой попытке создания крупного арабского государства см.: Тума Э. *Национально-освободительное движение и проблема арабского единства.* М., 1977. С. 24–33. Об англо-египетских противоречиях на Аравийском полуострове см.: Kelly J. B. Mehemet Ali's Expedition to the Persian Gulf 1837–1840. *Middle Eastern Studies.* L., 1965. Vol. 2, No. 1. P. 31–65.

⁴ После 1834–1835 гг. были установлены регулярные пароходные сообщения между английскими и черноморскими портами Турции, Бейрутом, Александрией. С 1835 г. открылись линейные рейсы Марсель — Александрия. Спустя три года в портах Египта и Сирии появились пароходы

Воедино сплеталась борьба держав за азиатские рынки, новые колониальные владения и оптимальные пути к ним.

Узкому и ровному Суэцкому перешейку как будто самой природой было предуготовлено стать местом соединения Средиземного моря и Индийского океана посредством судоходного канала. Планы строительства такого канала уже вынашивались на протяжении многих лет⁵. Наиболее обстоятельно к проектам строительства морского канала через Суэц подходили во Франции. При этом правительственные круги Франции исходили прежде всего из стратегических соображений.

Речь шла о стремлении противопоставить французское влияние в Египте британскому — в Турции. Для Англии же проблема заключалась прежде всего в установлении контроля над транзитным путем Средиземное море — Суэц — Персидский залив и вытеснении Франции из Египта, подобно тому, как это произошло с Россией в Турции после овладения Англией транзитом Босфор — Трабзон — Тебриз.

Мухаммед Али, прекрасно сознававший важность налаженных коммуникаций как для развития экономики Египта, так и для его международного авторитета, позаботился о регулярном караванном сообщении между Средиземноморским побережьем (Александрия), Каиром и Красным морем (Суэц). С 1819 г. действовали канал Александрия — Атф на розетском рукаве Нила и несколько небольших, но тщательно оберегаемых от заносов каналов в низовьях Нила. Караванным путем и каналами пользовалась в 1841–1846 гг. египетская транзитная компания⁶, принадлежавшая английскому капиталу, но находившаяся под контролем чиновников Мухаммеда Али, лично следившего за своевременным повышением тарифов в зависимости от изменения мировых цен. Несмотря на многочисленные представления английских и австрийских консулов, капитаны и экипажи судов, перевозивших европейские товары во внутренних водах Египта и в Красном море, набирались только из египтян. Флаг поднимался османский⁷.

под австрийским флагом. К началу 1841 г. 76 пароходов Англии, Франции и Австрии поддерживали регулярные рейсы между Европой и портами Египта и Сирии, часть из них принимали участие в высадке десанта во время Сирийской экспедиции держав против египетских войск.

⁵ См.: Ерофеев Н. А. *Английский колониализм*. С. 132.

⁶ Компания «лопнула» в 1846 г. не без помощи Франции, как отметил английский исследователь: Hoskins H. L. *British Routes to India*. L., 1966. P. 241.

⁷ См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1842 г. Д. 2. Л. 3–19. Генконсул России в Александрии Л. И. Кремер — К. В. Нессельроде, 20 ноября (1 декабря) 1841 г.; там же, 1841 г. Д. 45. Л. 70. Посланник В. П. Титов — К. В. Нессельроде, 21 ноября (2 декабря) 1841 г.

В январе 1842 г. представителям европейских торговых компаний и дипломатам было объявлено, что Египет будет стремиться к созданию собственного торгового флота, способного широко участвовать в торговле между Востоком и Западом. Защищалось также право египетских властей устанавливать режим навигации на Ниле и в каналах — как существующих, так и будущих, в соответствии с интересами страны⁸.

Трудно согласиться с теми исследователями, которые трактуют отказы Мухаммеда Али предоставить концессию на строительство морского канала в 1834 г. французскому дельцу А. Фурнелю, а через десять лет сен-симонисту Б.-П. Анфантену как общее негативное отношение к идее канала между Средиземным и Красным морями⁹. Мухаммед Али, его сын — выдающийся военачальник и государственный деятель Ибрахим-паша, их ближайшие сподвижники Нубар Богос-бей, Артин-бей трезво оценивали неравные шансы Египта в борьбе за независимое политическое положение и торговые позиции и очень настороженно отнеслись к серии проектов путей через Египет или Левант далее на Восток.

Известно, что с начала 1830-х гг. правительство Англии и правление Ост-Индской компании уделяли особое внимание изучению перспектив направления грузопотока Англия — Индия через Суэц или через Тигр — Евфрат. Серию переговоров по этому вопросу вели с османским правительством посланники Англии в Константинополе и торговые представители Ост-Индской компании¹⁰. В свою очередь Франция в ходе Лондонских переговоров о Черноморских проливах в 1840 г. предлагала обязать Порту открыть и Евфрат, и Суэцкий перешеек для «свободной транспортировки товаров» европейских держав¹¹. Предложение было отклонено Англией и Россией, но французские дипломаты продолжали к нему возвращаться в контексте международной опеки над святынями Палестины и над христианским населением Леванта.

В июле 1840 г. Мухаммеду Али были предложены два французских проекта морского судоходного канала: Суэц — Каир протяженностью в 142 км и Суэц — Пелуза (к востоку от нынешнего Порт-Саида) — в 160 км¹². Французские представители убеждали правителя Египта, что

⁸ См. там же, л. 44–45: Л. И. Кремер — К. В. Нессельроде, 11 (23) января 1842 г.

⁹ Sabry M. *L'Empire Égyptien sous Mohamed Ali*. Le Caire, 1930, p. 564; Herschlag Z. Y. *Introduction to the Modern Economic History of the Middle East*. Leiden, 1964. P. 124.

¹⁰ Kelly J. B. *Britain and the Persian Gulf 1795–1880*. Oxford, 1968. P. 214–272.

¹¹ См.: АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1841 г. Л. 15.

¹² См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1842 г. Д. 2. Л. 80–101 об.; Л. И. Кремер — К. В. Нессельроде, 8 (20) марта 1842 г. Планы и объяснительные записки.

акционерная компания А. Кордые и К^о не только построит в течение 5 лет канал глубиной до 10 м и шириной до 60 м, но и проведет со временем вдоль канала железную дорогу, «устроит показательные сельскохозяйственные и ремесленные поселения в зоне канала»¹³.

В объяснительной записке подробнейшим образом расписывалось, как повелитель Египта станет «политическим властелином» важнейших торговых артерий между Европой и Востоком. Мухаммеда Али убеждали, что вся Европа от Испании и Франции до Англии и Голландии станет ревниво соблюдать «неделимость, нейтралитет и независимость» Египта. Режим эксплуатации канала и право собственности на него, однако, не затрагивались.

Внимание каирских властей привлекал в это же время проект французского инженера Л. де Беллофонда, возглавлявшего в Египте ведомство дорог и мостов¹⁴. Разработанный по личному приказу Мухаммеда Али проект предусматривал строительство 180-километрового канала от Пелузы через полузабытые каналы фараонов, озеро Тимсах и Горькие озера до Суэца. При глубине в 9–10 м и ширине 50 м канал мог быть построен, согласно расчетам Л. Де Беллофонда, за 365 дней непрерывной работы 10 тысяч египетских солдат.

Относительно невысокая стоимость — 3,75 млн франков — и возможность обойтись без участия европейского капитала привлекли «живой и деятельный ум истребителя мамлюков». Разрабатывавшийся и обсуждавшийся в самом узком кругу советников (на этом настаивал Мухаммед Али) проект, однако, стал известен резиденту Ост-Индской компании в Александрии и через него «большой прессе Великобритании». Как писал Л. И. Кремер, английские газеты сделали все возможное, чтобы дискредитировать идею египетского морского канала как в техническом, так и в политическом плане.

Английский посол в Константинополе Стрэтфорд Каннинг в свою очередь не жалел усилий, убеждая Порту запретить любой проект «нового Босфора» как опасный для Османской империи и для мусульманского мира, поскольку он исходит от мятежного паши и приблизит коварную Европу к святым местам — Мекке и Медине¹⁵.

¹³ Стоимость 25 млн франков. Капиталы и техника в долг от А. Кордые и Ко, 12 тыс. постоянных рабочих от Египта, погашение долга в период строительства.

¹⁴ См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 33. Л. 350–367: посланник А. П. Бутенев — К. В. Нессельроде, 20 февраля (4 марта) 1843 г. Упоминание о проекте см.: Mazuel J. *L'oeuvre géographique de Linant de Bellofonds*. Le Caire, 1937. Pp. 236–244, 280.

¹⁵ Уместно напомнить, что в марте – апреле 1842 г. Каир и Константинополь «согласно от-

Начал быстро обрастать техническими деталями первый реальный проект займа Порте в 300 млн курушей (3 млн ф. ст.) от группы лондонских банкиров¹⁶.

Ч. Макгрегор, экономический советник британского посольства, один из соавторов печально известной конвенции 1838 г., представил Порте проект судоходного канала Кюстенджи — Силистрия, в обход «русского» устья Дуная. С министрами торговли и финансов Турции он вел одновременно переговоры о заключении англо-турецко-австрийского договора, предусматривавшего создание обширной зоны «свободной торговли» от Адриатики до Ирана.

Во всех проектах и на переговорах звучала одна общая мысль: Порте трудно контролировать положение на всей территории империи от Балкан до Аравии, и следует полагаться на английских друзей, которые позаботятся и о «спокойствии» на османских землях, и о выгодах для султанской казны¹⁷.

В Лондоне понимали, что ни Франция, ни Россия не допустят исключительного влияния Англии на египетских коммуникациях, и поэтому, отвергая на словах идею строительства столь нужного британскому флоту канала, активизировали восточную политику своего австрийского партнера и начали готовить экономическое соглашение египетских властей с Ост-Индской компанией под гарантией британского кабинета.

Австрия действовала согласованно с Англией в период кризиса 1839–1841 гг. В Вене, кроме того, уделяли большое внимание возможности использовать Суэц как транзитный путь для австрийских товаров. Емкость собственно египетского рынка канцлер К. Меттерних оценивал в 1,5 млрд флоринов ввоза из Австрии и в 200 млн флоринов вывоза из

вергли» все домогательства С. Каннинга на транспортировку через Суэц и Красное море 20-тысячного экспедиционного корпуса для военных действий в Афганистане (АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1842 г. Д. 40. Л. 432; В. П. Титов — К. В. Нессельроде, 6 (18) апреля 1842 г.).

¹⁶ Текст см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1840 г. Д. 44. Л. 443–458; В. П. Титов — К. В. Нессельроде, 24 сентября (16 октября) 1840 г. О займе 1840 г. см. Yeniyay N. *Osmanlı borçları tarihi*. 2-ci baskı. İstanbul, 1964. S. 11.

¹⁷ Проекты Макгрегора стали известны послу России в Лондоне Ф. И. Бруннову, сообщившему их в Петербург. В Константинополе все эти планы и пояснения Стрэтфорда Каннинга вызывали большое беспокойство. Заем был отвергнут. Ибрагим-паше рекомендовали отклонить проекты канала Суэц — Пелуза. Порта искала у России поддержки по вопросам навигации по Дунаю, на Черном море, в отношениях с Австрией и с Ираном. См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 33. Л. 549–550; Сарым-эфенди — А. П. Бутеневу, 18 ребнуль-завеля 1259 г.; и др.

Египта. 5600 австрийских судов общим тоннажем в 2,8 млн тонн могли бы, по мнению К. Меттерниха, принять участие в перевозках через Суэцкий морской канал, вывести Австрию к Красному морю¹⁸.

Вскоре после «фритредерских» договоров 1838–1939 гг. Австрия начала требовать от Порты, впрочем, безуспешно, учреждения консульства в Суэце. Интернационализация Черноморских проливов позволила австрийской дипломатии выступить в июле 1844 г. с инициативой установления международного статуса канала, который будет проложен на Суэце. Ближайшая задача состояла, по словам Меттерниха, в создании системы надежного контроля Австрии и Англии над судоходством в Средиземном море; «чтобы решить эту проблему, столь же важную, как и новую, надо достичь общего согласия о принципах навигации в новом Босфоре» на равных основах с Дарданеллами (и Босфором. — *В. III.*), т. е. исключить проход через новый канал всех военных судов¹⁹. Впрочем, исключение допускалось — для военных кораблей Британской Индии и собственно Великобритании, но «только в интересах охраны английских колоний», — подчеркивал Меттерних.

Международный статус будущего канала должны были обеспечить Англия, Австрия, возможно, Франция. Россия исключалась. Порту следовало индемнизировать увеличением египетской дани, египетские власти — правом следить за маяками на канале, содержать лоцманов и определять тоннаж проходящих судов.

Меттерних поторопился. До начала работ на Суэце оставалось 17 лет, до открытия канала — 27 лет. Основная борьба за Суэц была впереди. Тогда, в 1843 г., и Англия, и Франция, и стоявшая в стороне от этих интриг Россия Австрию не поддержали²⁰. В Каире и Константинополе проект Меттерниха не обсуждался.

Обеспокоенная Франция попыталась нейтрализовать австрийскую активность, поддержав новую миссию в Египет сен-симонистов во главе с Б.-П. Анфантемом, продолжавших добиваться разрешения на постройку

¹⁸ Данные были собраны генконсулом Австрии в Александрии А. Лорином, в дополненном виде разосланы К. Меттернихом австрийским представителям в Османской империи и стали известны в дипломатических кругах (АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 34. Л. 442: Л. И. Кремер — В.П. Титову, 26 июня 1843 г.).

¹⁹ См. там же, л. 209. Из письма К. Меттерниха А. Лорину, май 1843 г.

²⁰ См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 33. Л. 209–215: Л. И. Кремер — А. П. Бутеневу, 14 (26) мая 1843 г.; там же, 1844 г. Д. 41. Л. 566–567: Л. И. Кремер — В. П. Титову, 4 (16) июля 1844 г.

канала²¹. Одновременно в Александрию был послан новый генконсул — энергичный и жесткий Ш.-Ж. де ла Валетт, вручивший в конце ноября 1843 г. Мухаммеду Али подробный проект оборонительных сооружений в долине Нила, укрепленных карантинных на побережье Красного и Средиземного морей²².

Иной была позиция Англии после провала инициативы Меттерниха. Принимая в середине декабря 1843 г. Артин-бея, английский премьер Р. Пиль настойчиво подчеркивал, что Великобритания не заинтересована ни в канале, ни в железной дороге через Суэц; и просит лишь гарантировать провоз почты в Индию²³.

Впрочем, британский премьер недоговаривал. Внимание Лондона к проблеме Суэца обострилось, когда были получены сведения, что Мухаммед Али и Ибрахим-паша, видимо, окончательно высказались в пользу внутреннего судоходного канала Каир — Суэц при одновременном завершении большой Нильской плотины²⁴. Контроль над грузопотоком Александрия — Каир — Суэц и создание орошаемых государственных плантаций хлопка представлялись правительству Египта предприятием более важным, чем морской канал Суэц — Средиземное море, отвечавший, по его мнению, интересам европейских держав много больше, чем Египта. «А кроме того, — говорил Мухаммед Али, — я не хочу для Египта “нового Босфора” со всеми его старыми осложнениями»²⁵.

Подобная позиция вполне отвечала настроениям Лондона, как как исключалось, на время, как мы знаем, участие Франции в создании канала на Суэце. Летом 1842 г. Египет был вынужден признать условия англо-турецкой торговой конвенции 1838 г. Вступили в действие фритредерские принципы колониального ограбления под лозунгом равноправной торговли.

Англия сделала новый шаг к коммуникациям через Египет. Под руководством постоянного представителя Ост-Индской компании

²¹ См.: Ерофеев Н. А. *Английский колониализм*. С. 132.

²² См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 85. Л. 84; В. П. Титов — К. В. Нессельроде, 24 ноября (6 декабря) 1843 г.; *там же*, л. 118–120: Л. И. Кремер — В. П. Титову, 23 октября (4 ноября) 1843 г.

²³ См. *там же*, д. 40. Л. 169. Л. И. Кремер — В. П. Титову, 27 декабря 1843 г. (8 января 1844 г.).

²⁴ Об экономической политике Мухаммеда Али см.: Аль-Барави Р. и Улеиш М. Х. *Экономическое развитие Египта в новое время*. М., 1954. С. 11–14; Тума Э. *Национально-освободительное движение*. С. 25–31.

²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 43. Л. 33. Запись Л. И. Кремера о беседе с Мухаммедом-Али.

в Александрии капитана А. Лионса, брата посла Англии в Афинах, осенью — зимой 1843 г. инженеры транспортного отдела компании разработали проект 80-мильной железной дороги Каир — Суэц. Компания готова была выдать паше безвозмездную ссуду в 1 млн ф. ст. при сметной стоимости проекта не более 800 тысяч ф. ст. Правитель Египта должен был получать 40 тысяч ф. ст. в год в виде пошлины за провоз любых грузов и проезд гражданских или военных лиц через Египет. Технический и административно-финансовый контроль должны были осуществлять особые чиновники Ост-Индской компании²⁶.

Еще в мае 1842 г. Мухаммед Али выражал готовность открыть и обеспечивать своими средствами и силами египетский участок почтово-пассажирской трассы Лондон — Суэц — Бомбей с таможенным центром в Каире. Однако атмосфера откровенного ажиотажа, возникавшая вокруг проекта железной дороги, встревожила и насторожила Мухаммеда Али.

Потребовалась миссия генерал-губернатора Индии Г. Хардинга в Каир в июле 1844 г., «совершенно случайная» встреча в Египте членов наблюдательного Совета Ост-Индской компании в сентябре 1844 г. А. Теранта и Э. Элленборо с вице-директором почтового ведомства Англии Р. Бёрном и консулом в Александрии Ч. Барнеттом, чтобы убедить правителя Египта отказаться от планов создания смешанной англо-египетской почтовой компании во главе с Ибрахим-пашой и согласиться на исключительные права Англии эксплуатировать важнейшую торговую артерию Египта Александрия — Суэц как часть магистрального пути Лондон — Бомбей. Компания сохраняла право на техническую доработку проекта железной дороги Каир – Суэц.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. совместными действиями Англии и Франции были парализованы все попытки сохранить египетский национальный контроль над Суэцем — важнейшей коммуникацией между Средиземным морем и Индийским океаном. Только в 1956 г. египетский народ взял судьбу канала в свои руки.

²⁶ См. там же, д. 0. Л. 171–172, 176: Л. И. Кремер — В. П. Титову, 27 декабря 1843 г., 15 января 1844 г.

Вольный город Иерусалим

Урок прошлого

Завершение практически безрезультатно очередного раунда палестино-израильских переговоров об установлении мира на Ближнем Востоке заставляет участников переговоров обратиться к помощи США и России. Державы, переставшие противоборствовать, конечно, окажут миротворческое влияние. Оно будет тем более позитивно, если будет учтен исторический опыт.

Сто пятьдесят лет назад, когда Сирия и Палестина входили в империю султана Махмуда II Реформатора, казалось, открылся путь к мирному труду и покою на благословенной земле. К началу 1840-х гг. относится идея, возникающая, по существу, одновременно в еврейских банкирских домах Лондона и в султанском дворце на Босфоре. Тупиковую ситуацию, которая заключалась в бесконечной череде восстаний и междоусобиц местного населения — евреев и арабов, оказалось, можно разрядить. Возник проект превратить Иерусалим в вольный город, с равным представительством в управлении евреев, арабов и... турок.

В Стамбуле идея сразу обрела поддержку. Влиятельные финансовые еврейские круги Европы стали быстро обдумывать вопросы еврейской колонизации Палестины. Обнаруженные мною русские документы той эпохи свидетельствуют, что Николай I с одобрением отнесся к возможности создания вольного города Иерусалима. Державы Запада и России могли начать новый этап ближневосточной политики, не оглядываясь с подозрением на партнера — не держит ли тот в рукаве палестинскую карту. Выигрывал мир. Выигрывало арабо-еврейское население — земли пророков и мудрецов. Кстати, личный посланец Папы Римского в беседе с Махмудом II тоже одобрил идею создания вольного города.

Но вмешались силы, позднее получившие название неконтролируемого фактора мировой политики. Начались бесконечные переговоры и столь известные и ныне согласования позиций. Время шло. Революции 1848–1849 гг. потрясли Европу, всполюшили Восток, бросили русские войска в карательный поход в Венгрию, турецкие войска — в Дунайские княжества, на территорию современной Румынии. В Иерусалиме и Палестине сосед стал с подозрением поглядывать на соседа. Кое-где вынимали оружие... А потом пришла Крымская война. И уже не мирные переселенцы, а еврейский экспедиционный корпус для захвата Крыма, похода на Украину и Польшу начал собираться в апельсиновых рощах Хайфы...

Иерусалим так и не стал вольным городом, не вдохнул свежего воздуха, свободного от раздоров и соперничества...

Вечный Город — он принадлежит Человечеству.

Непобежденные

К 150-летию выхода России из Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

В марте 2006 г. исполнилось 150 лет одному из самых бесспорных, как казалось десятками лет, и, возможно, одному из наименее понимаемых мирных договоров России с внешним миром. Еще современники в 1850-х – 1860-х гг. расценили Парижский мирный трактат от 18 (30) марта 1856 г., завершивший Крымскую (Восточную) войну, однозначно как сокрушительное поражение России.

Правда, «западники» усматривали тому одну серию причин, славянофилы — другую. Политическая эмиграция в лице А. И. Герцена из сытого и обеспеченного, далекого от действительных российских нужд и тревог Лондона укоряла, не скрывая злорадства, — предупреждали, мол! Вот и получите позорный мир! Н. Г. Чернышевский уже «точил топор» и даже спустя пять-семь лет все сокрушался, что война «не нанесла России удара слишком тяжелого». Н. А. Добролюбов и еще кое-кто из круга светлых умов Отечества поучали, что каждый «...любящий Россию должен непременно желать, чтобы нас почаще били».

Что и говорить о суетной толпе публицистов, журналистов, энергичных толкователей событий в европейской прессе и о скороспелых брошюрах о войне в Крыму на тему дня. Все вдруг увидели то, что хотелось — ниспровержение российского колосса.

Серия действительно фатальных военных неудач России начала XX в. и социальные катаклизмы, завершившиеся крахом российской государственности в 1917 г., сделали проблему всей Крымской войны 1853–1856 гг. и Парижского мирного конгресса темой удобной и понятной для новых властей в России. И надолго — с 1920-х и до начала 1990-х гг.

Прекрасный повод для разоблачительства и всякого поругания царского прошлого и вероломства западных держав!

Оставим сейчас в стороне политическую подоплеку изнурительного для истории и публики бичевания пороков самодержавной России и Парижского мира как самого порочного в русской дипломатии. Академик Е. В. Тарле, любимец нескольких политических режимов в России, самозабвенно тому предававшийся, уже давно в иных мирах. Poleмика возможна не с лицом, а касательно фактов и значения Парижского мира и всей войны в целом.

Россия *согласилась* на мирные переговоры в Париже. Война с державами не стала Отечественной войной с последствиями негативно предсказуемыми. Мирный договор, подписанный в Париже, действительно знаменовал военное поражение феодальной монархии — России от союза промышленного капитализма и его резервной зоны, исламского Османского государства, шедшего по пути реформ и модернизации быстрее, чем Россия. Заметим, что Парижский мир все же явил новую эпоху — вскоре в России было отменено крепостное рабство, начались промышленная и военная перестройки.

Проворовавшиеся «паркетные генералы» в миг Парижского соглашения утратили смысл и назначение. Голодная и полураздетая русская армия (когда же будет сыт русский солдат?) ушла с разбитых бастионов Южной стороны Севастополя. Но мир запомнил, как русские старики, ветераны-инвалиды, защищали ценой жизни Аландские острова, а монахи, крестьяне и охотники отбросили десанты союзников на Русском Севере и в Приморье. Гением и трудолюбием военного реформатора Д. А. Милютина, новой плеяды гражданских и военных чинов пошел ускоряться процесс освобождения и обновления России, переставшей (на время) оглядываться на ненадежные союзы на Западе. Соседнему государству — Турции — мир 1856 г. дал мощный толчок к частичной либерализации, завершившейся установлением ограниченной монархии в стране азиатского деспотизма. Шло преодоление исламского отторжения от достижений западного мира, выравнивались права христиан и мусульман перед законом.

Западному миру Парижский мир 1856 г. ясно показал, что вооруженным путем Россию сломать невозможно. Побудить к пересмотру позиций — да, к гибким (или не очень) союзам — да. Поставить на колени — нет.

На Северную сторону Севастополя русские ушли непобежденными и в Париже заключили мирный договор, который, возможно, сохранил

европейское равновесие наиболее щадящим образом. Кровавых революционных событий по типу 1848 г. не последовало, а ведь и это могло бы иметь место, продлился война на 1856–1858 гг., как планировали в военных и финансовых кругах Лондона, и распространилась она на Восточную и Северную Европу, на Средний Восток.

Так что же дало Европе согласие России начать Парижские мирные переговоры, когда страна еще даже не поднялась на национальную войну с интервентами?

Западная Европа и вовлеченный в политический и военный обмен с нею Восток (Турция, Индия, Китай, Иран) отделались жестоким политическим и финансовым кризисом 1857–1858 гг., локальными национально-революционными бурями. И не более. Парижский мир в определенной мере обеспечил продолжение индустриальной революции среди западных держав.

Россия «прикрыла» неустойчивый социальный мир в странах-победительницах широко разлившимся в общественном сознании Европы удовлетворением от того, что «жандарм Европы» стоит на коленях, а его большая дубинка сломана. Черноморский флот упокоился на дне бухты в разграбленном Севастополе.

В первую очередь это было важно для Франции и Англии, которые за счет Крымской (Восточной) войны скомпенсировали последствия очередного, после 1847 г., экономического и социального кризиса. Режим победителей — в Париже и Лондоне — на гребне раздутых прессой успехов союзников и победной эйфории в обществе завершил второй и окончательный этап промышленного переворота. Наполеон III получил 15 лет (до 1870 г.) общественных восторгов: ну как же, победитель, покоритель Севастополя, «отомстивший русским за Березину». В Лондоне избежали, несмотря на системный кризис 1857 г., революционной бойни на манер революций 1848 г. на континенте; сохранили и укрепили Британскую империю, «подвинули» ее поближе к русской зоне интересов на Кавказе и в Центральной Азии.

Горделивая воинственная Сардиния и пока еще осторожничавшая, но сильная в военном смысле Пруссия устремились по пути объединения вокруг себя итальянских и германских земель как доказавшие свое право на гегемонию регионального уровня участием в победе над русским колоссом (Сардиния) или деятельным сочувствием к державам-воительницам (Пруссия).

Не забудем также, что перегретый котел национального движения в Индии все же рванул сипайским взрывом там, на Индостане, но не на

многонациональных и мультирелигиозных просторах Крыма и Кавказа, куда Лондон готовился перебросить сипаев, что вообще могло иметь трудно прогнозируемые последствия для всего Средиземноморья и Балкан.

Прекрасно вооруженный богатейшими банкирскими домами Европы — Ротшильдами и Монтефиоре еврейский экспедиционный корпус не вышел из-под Яффы на Одессу, не взорвал зыбкое социальное равновесие на Украине и в Польше своим походом через Юг России, предполагавшимся на 1856–1857 гг. Не сложился вариант провозглашения Иерусалима свободным городом, не началось переселение евреев в Иерусалимский пашалык.

Что же касается итогов войны 1853–1856 гг. для судеб балканского и ближневосточного православного (восточно-христианского) населения, пребывавшего под суверенитетом османского султана, то надо признать, что они до сих пор вообще не подведены. Ни политиками, ни историками. Толком никто еще не рассматривал весь процесс крупных подвижек русского влияния на христианском Востоке, включая и Сиро-Палестинский регион, и балкано-христианскую зону Османской Турции, активного участника войны.

Само мартовское «парижское сидение» 1856 г. закончилось для России военно-ограничительными, а не деструктивно-политическими статьями. В его ходе были отработаны, при сотрудничестве турецкой стороны и при консультациях с лучшими знатоками Православного Востока (Базили и круг его сослуживцев), предпосылки совместного исламско-христианского движения к модернизации, к реформаторству. В рамках сложившейся османской государственности, без смерти «больного человека на Босфоре», но с очевидной тенденцией к инициативной роли христианского реформаторского начала в многонациональной ближневосточной среде. Позднее, в конце 1870-х гг. Россия утратила завоеванные русской кровью и выдержкой дипломатов позиции инициатора перспективных преобразований для христиан и мусульман. Впрочем, это другая тема.

Не забудем, однако, что эпоха Крымской войны и Парижского мира открыла яркие страницы деятельности российских духовных православных миссий на Сиро-Палестинском Леванте. Равно как и активизации паломничества россиян-мусульман к святыням Мекки и Медины, Каира, Стамбула, Кума и Неджефа.

И совсем «мелочь»: вскоре после Парижского мира по всей России при всех православных церквях появились кружечки для пожертвований. С надписью «На улучшение быта православных паломников в Палестине». Русская душа болела за христианские святыни.

Так что же Крымская война для современного юношества, коему и Крым-то сам по себе уже не Россия, а перспектива совместных украинско-натовских военных маневров вырастает (ну, спасибо, СМИ!) до масштабов операции вторжения союзников в 1853–1856 гг.?

Мы хотим дать доступный самому широкому читателю непредвзятый, отстоявшийся за многие десятки лет авторской исследовательской работы в архивах и в полевых условиях объективный взгляд на столкновение интересов России и держав. Причем в зоне Крыма и Кавказа, Черного моря, Тихого океана, Дальнего Востока и Балтики. Простое перечисление основных театров военных действий (ТВД) в 1853–1856 гг. совпадает с горячими точками современных, т. е. наших дней, международных отношений.

Историческую правду можно замалчивать. Иногда — столетиями. Когда-нибудь либо она взорвет ситуацию, поскольку избыточно долгое умолчание неизбежно влечет повышение мощности информационного взрыва. Либо умолчание уведет наши представления о происхождении и динамике конфликта в сторону от вектора принятия оптимального решения. Все выходит худо, если не понять истоков столь глобальных событий, как война 1853–1856 гг. Мне менее всего хотелось бы декларировать ура-патриотические порывы и учить молодежь «Родину любить». Однако истинность деяний наших предков, если снять пресловутую ура-шелуху, будет весомее лакированных рассказов о матросе Кошке и Даше Севастопольской.

Итак, предлагается современный взгляд на события 1853–1856 гг. с опорой на неизвестные архивные документы, записки современников и книги авторов из числа стран — участниц конфликта. Обширная библиография преимущественно на русском языке (в целях массовой доступности) должна помочь читателю найти для себя чтение, расширяющее и углубляющее общие представления об эпохе и людях. Речь пойдет, естественно, о нашей Родине, в первую очередь, о ее интересах, потерях и обретениях. Полагаем также, что работа окажется полезной для учителей общеобразовательных школ России и библиотечных работников, которым выпадает сложнейшая миссия первыми, через новые книги, нести знание в самую широкую и любознательную российскую аудиторию.

В данной работе автор акцентирует наименее изученные либо оставшиеся в тени проблемы возникновения и завершения войны 1853–1856 гг. Фактографическая сторона военных действий хорошо известна, к тому же предлагается обширная военно-историческая библиография.

О прошлом и настоящем

«Восточная или Крымская, по своему театру действий, война была переломным моментом в истории международных отношений XIX века» Так начинал свою книгу (весна 1941 г.) П. Ф. Кухарский, ныне полузабытый, талантливейший любимый студент, затем аспирант блистательного академика Е. В. Тарле. «Пьер» Кухарский, как звали молодого ученого за увлечение языком и историей Франции его коллеги по Ленинградскому университету, погиб в ополчении в феврале 1942 г., защищая блокадный Ленинград²⁷. «Крымская война является одним из переломных моментов в истории международных отношений и в особенности в истории внутренней и внешней политики России»²⁸. Так начал свою триумфальную «Крымскую войну» (1950 г.) академик Тарле.

По свидетельству кандидата исторических наук, доцента И. Г. Гуткиной (скончалась в 1970 г.), преданной ученицы и многолетней добровольной помощницы Тарле, с которой автор данной работы имел честь работать, творчески сотрудничать на историческом факультете Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде (1967–1970 гг.) и впитывать из первых уст живую историю трудов и жизни Тарле, Пьер Кухарский начал работу над Крымской войной около 1932–1933 гг. Он объявил об этом в газете «Рабочая Москва».

Е. В. Тарле начал получать из государственных архивов документы к будущему легендарному творению, по словам И. Г. Гуткиной, только в 1937–1938 гг. Первые фрагменты «Крымской войны», по свидетельству авторитетного тарлевского биографа Е. И. Чапкевича (1975), увидели свет в 1939–1940 гг. Причем как чтение для старшего школьного возраста²⁹.

Прошло 150 лет со времён «севастопольской страды» (Л. Н. Толстой) и Парижского мира 1856 г. и свыше полусотни лет со времен двух лучших работ о Крымской войне, т. е. книги П. Кухарского и работы Е. В. Тарле. История обрастает легендами, пополняется исследованиями и документальными публикациями. Причем как в России, так и за рубежом.

²⁷ Кухарский П. Ф. *Франко-русские отношения накануне Крымской войны*. Лен. гос. универ., 1941. С. 8.

²⁸ Тарле Е. В. *Крымская война*. Второе, испр. и доп. изд. АН СССР, М., Ленинград, 1950. Т. 1. С. 3. Переиздано в 2003, 2004 г. в различных издательствах.

²⁹ Тарле Е. В. Оборона Севастополя. *Пионер*. 1939. № 2. С. 79–87; его же. *Нахимов*. М., 1940. См. Чапкевич Е. И. Е. В. Тарле — историк Крымской войны. *История и историки*. Историографический ежегодник. 1975. М., 1978. С. 131–153.

Сохраняют значение и смысл самые общие оценки, данные событиям 1853–1856 гг. безвестным и. о. доцента П. Ф. Кухарским и академиком Е. В. Тарле. Однако сумма новых знаний о подвиге нашего народа, в очередной раз заслонившего Отечество от вторжения извне («Крымская экспедиция» ведущих европейских держав и Османской империи не имеет иного синонима, как *вооруженная интервенция*), равно как и новые подходы российской науки начала XXI в. к событиям, всколыхнувшим Россию XIX в., формируют иной, по сравнению с эпохой П. Ф. Кухарского и Е. В. Тарле, уровень постановки вопроса, качественно иных обобщений. Тем более что наше время динамичных и неравновесных процессов глобализации, гипертрофированного понимания зоной «золотого миллиарда», т. е. узкой и замкнутой на себя группы сверхразвитых держав, своей ответственности за адекватность политических и экономических сдвигов в мире запаздывающего развития интересам «клуба сильных» имеет определенные аналогии с серединой XIX в. Рассмотрим, в чем именно.

Завершив первый этап своих промышленных революций, Англия и Франция в 1850-х гг. предприняли фактическую сценарную разработку будущего передела мира. Вовлечение стран зависимого потенциала развития (политически это была Сардиния, экономически — Османская Турция) отмечало уже иной, непрямой характер силового воздействия в регионах стран второго эшелона развития (Россия) и отстававшего (Османская империя). Итак, силовому, в разных вариантах, воздействию подвергались и будущий союзник — Стамбул, и противник — Петербург.

Были испробованы новые формы коалиционных военных союзов, новые методы военно-финансового воздействия на нестабильную ситуацию в «горячих точках» Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Приходится констатировать, что болевые точки середины XIX в. не только сохранялись полтора столетия, но «боль» геополитическая, социокультурная и этнорелигиозная сегодня иррадирует в самых неожиданных местах живого организма, именуемого Земля. Об этом чуть ниже.

Для истории России начала XXI в. остается принципиально значимым найти ответ на пару (всего пару?) вопросов. Как получилось, что Большая Кавказская война (1818–1864 гг.), война нашей страны и на своей территории — Российской империи вызвала столь острый интерес в Лондоне и Париже. Корреспондирует ли вообще борьба сановного Зимнего дворца с Гунибом и Видино мятежного имама Шамиля и упорное желание Парижа остановить Россию где-то за Терекком и Перекопом? Рассмотрим проблему.

Николаевская Россия, деятельно хлопотавшая о восстановлении «порядка и справедливости» вне своих границ — в охваченной гражданской войной Австрийской империи (1848–1849) и в бунтовавших против турок Молдавии и Валахии (1849), получила в 1853–1856 гг. полномасштабную войну сразу на шести фронтах, а именно: Кавказском, Дунайском, Крымском, Тихоокеанском (Камчатка), Северном (Соловки, Архангельск), Западном (Кронштадт, Балтика).

Изумленное сознание русских современников, сытенько дремавшее под полковые оркестры времен победы в Отечественной войне 1812 г., было потрясено в 1854–1856 гг.

Враг деловито занимает позиции в национальной святыне России — в сердце ее Юга, под стенами Севастополя! Пушки врага громят стены опоры православия — Соловецкой обители! Христианские святыни Святых Мест Палестины, как вмиг выяснилось, уже с 1830-х гг. стали почти не доступны русскому православному паломнику. Амбиции императора-заговорщика Наполеона III, закулисные маневры его дальнего родственника по материнской линии султана-халифа Абдул Меджида при поддержке джентльменов-финансистов лондонского Сити и прозелитизм католического владыки папского Ватикана едва не стерли за 15–20 лет все тысячелетнее присутствие России, культурно-религиозное и политическое, среди единоговерного православного мира Сирии и Палестины, тем более — Балкан.

Пока Зимний дворец и Дворцовая, дом 6, где располагались тогдашние мидовцы, размышляли о судьбах османского султаната-халифата, уясняя степень его прогрессирующего, как им казалось, паралича, «больной человек на Босфоре», т. е. турецкий султан и его войско, ретиво поднялся с «одра болезни» за счет вливания западных «лекарств» в виде полновесных фунтов стерлингов и собственного боевого духа.

Для России просчет политического центра в этом вопросе едва не стал фатальным. Во всяком случае, торговые позиции на Ближнем Востоке мы тогда утратили и не восстановили до сих пор. Как, впрочем, и военно-политические, столь важные и колоссальной кровью обретенные в течение полуторавековой борьбы за Восток — от Петра I и до Лондонских конвенций о Проливах 1841 г.

Я повторяю свой давний тезис: *в истории России война есть тяжкий труд всего народа*. Чья была война 1853–1856 гг.? В чьих интересах была развязана, и что она принесла нашему многострадальному Отечеству? Ответы получаются далеко не однозначные, если следовать правде де-

сятками лет замалчивавшихся архивных документов и стремиться взглянуть на совокупность фактов и обстоятельств, а также оценить интересы участвовавших сторон и, что принципиально важно для вооруженных конфликтов мирового уровня, не прямых участников событий.

«Инициативная роль Николая I во внезапном обострении Восточного вопроса в 1853 году не подлежит никакому сомнению, — писал Тарле семь десятков лет назад, — так же как не подлежит оспариванию несправедливый, захватнический характер войны против Турции, которую начал царь, отдав приказ о занятии русскими войсками Молдавии и Валахии в июне 1853 года».

Инициативность, внезапность — хорошие слова для развенчания «первого русского помещика», заинтересованного в защите своих торговых позиций на Юге России, на Леванте и на Балканах. «Безмерно преувеличивалось, — продолжал Тарле, — значение религиозного фактора». Емкая, или, как говорил сам Тарле, «немногословная формула» разоблачала царизм и заодно русскую православную церковь, безоговорочно, по мнению Тарле, поддерживавшую зарвавшегося царя.

Но что же искали индустриальные державы в регионах, где казалось бы, царил «жандарм Европы» со склонностью к высшей математике и большим физическим нагрузкам? И что подвигло турецкого султана — «больного на Босфоре» на столь отчаянный шаг, как война с усмирителем европейских революций в Польше (1830–1831) и Венгрии (1848–1849)?

У османских султанов за пятисотлетнюю историю династии накопилась масса недостатков. Но склонностью к самоубийству как монарха, как правителя не страдал никто. Тем паче, что в 1833 г., когда еще кипела и бурлила восставшая Польша, Николай I бескомпромиссно поддержал султана в его борьбе с мятежным правителем Египта. За спиной Мухаммеда Али отчетливо прорисовывались штыки и каски колониальных держав, а Николай I фактически спас султанский режим на Босфоре.

Подробный анализ будет проведен нами в большой монографии о событиях той эпохи, которая готовится к изданию. Здесь мы оценим ключевые моменты столкновения интересов держав и России в отношении ситуации на Балканах и Ближнем Востоке. Напомним, что Османская империя в 1853 г. простиралась от Индийского океана до Атлантического, занимала фактически весь регион Ближнего Востока и значительную часть Балканского полуострова.

Уже поэтому любая конфронтация двух соседей по Причерноморью и Кавказу выходила за уровень регионального, тем более локального конфликта.

Ватикан переходит в наступление

Религиозно-политическая составляющая Восточного вопроса, крайнее обострение которого повлекло за собой войну 1853–1856 гг., по разным причинам замалчивалась политиками и исследователями уже с 60-х гг. XIX в. и фактически до наших дней. Для советских ученых неодолимым был ленинский тезис о «несостоятельности дворянско-феодального крепостнического строя», что само по себе не вызывает сомнений, но недостаточно. Дореволюционных российских историков «глаголом жгли» затопление нашей национальной гордости — Черноморского флота и падение омытого русской кровью Малахова кургана под ударами зуавов — французских стрелков, выходцев из африканских колоний Парижа. Западные исследователи обходили весьма деликатную проблему объединения интересов банковских магнатов с функционерами Ватикана, т. е. с Римско-католической церковью, и исламским османским султанатом против Восточно-христианского православия и России, против ее интересов на Востоке в религиозно-культурном и экономическом отношениях.

Историография Османской империи и современной Турции с полной определенностью и гордостью всегда говорила о связях султанских министров с Ватиканом в канун Крымской войны. Однако кто владел старо-османским языком документов Высокой Порты XIX в.? Да и турецким-то владеет ограниченный круг историков. Эта идея так и осталась достоянием десятка османистов во всем мире.

Суть проблемы заключалась в следующем. С конца 20-х гг. XIX в. в Османской империи быстро набирал силу реформаторский процесс. К 1840-м гг. модернизации, вестернизации подверглись вооруженные силы, финансы, образование, госуправление. В 1839 г. было объявлено о правовом равенстве мусульман и немусульман. Серия торговых договоров Турции с западными державами (1838–1844 гг.) при всей односторонности в пользу европейских держав давала мощный стимул и для торговцев — османских подданных. Самыми богатыми, предприимчивыми, со связями в Марселе, Ливорно, Лондоне и т. д. были подданные султана из числа христиан. Причем значительную часть исключительно выгодной посреднической торговли «Европа — Восток» держали в своих руках торговцы-нетурки, обычно христиане, тесно связанные с торгово-политическими представителями Франции, Англии, Австрии на Балканах и Ближнем Востоке. Продвижению религиозно-культурному, т. е. прозелитизму католических и протестантских держав и их торгово-финансовых

представителей в Сирии, Ливане, Палестине, Египте, в Малой Азии серьезно мешало мощное традиционное, с XV в. устоявшееся, несмотря на падение Византии, влияние Восточно-христианской (православной) церкви в этих османских (в юридическом смысле) землях.

Еще более плотным было сотрудничество балканского, христианского по вере, торгово-предпринимательского люда с западными державами.

Традиционная, хоть и не всегда последовательная поддержка Россией и ее православной Церковью единоверцев на Балканах и в Восточном Средиземноморье после екатерининских войн с Турцией (1768–1774, 1787–1792) обрела правовую и устойчиво развивающуюся тенденцию. Это вызывало обостренную реакцию и в Стамбуле, ориентировавшемся на инициативные акции держав в развитии реформаторства, и в европейских столицах. Последние остро нуждались в обеспеченных коммуникациях через османские земли на Дальний Восток, в Индию, в Африку. Модернизация османского общества, почти на две трети состоявшего из немусульман (Балканы, Левант), создавала предпосылки сравнительно устойчивого, а главное — извне формируемого под запрос промышленной революции колоссального рынка сбыта, сырья и трудовых ресурсов.

Россия не могла в силу своего запаздывающего развития противопоставить индустриальным державам ничего, кроме духовного религиозного единства, основанного на общности восточно-православных ценностей. Правда, на стороне России оставался и еще один мощный фактор. Ее героическая армия, сокрушившая Наполеона, поддерживавшая легитимизм в рамках Венского Священного соглашения 1815 г.

Державы Запада готовились к новому, оптимальному для индустриального мира середины XIX века переделу Востока, причем желательно руками обитателей застывших в прошлом самих же восточных стран. Исламское государство — Османская Турция — с «управляемым» из Лондона, Вены, Парижа, продвинутым в культурном смысле христианским элементом 24-миллионного населения представлялось в планах колониальных глобалистов той поры идеальным компонентом новой системы международного разделения труда и охраны торговых путей «Европа — страны Индийского океана». Мешала Россия. Сама по себе наша страна представляла совокупность «центра силы», который надлежало предельно ослабить, и своей слабо развитой, «удобной» для расчленения периферии — Кавказ, Причерноморье (Крым), Дальний Восток. Эта периферия и стала мишенью при решении геополитических, экономических и, в

качестве первого шага, религиозно-культурных задач Англии и Франции в отношении Российской империи.

Документы Архива внешней политики Российской империи — например, отчеты МИД за 1841–1844 гг., изобилуют данными о готовности России по просьбе турецкого султана предоставить в его распоряжение мощную эскадру и 25-тысячный десант для сохранения во всей полноте суверенных прав на Черноморские проливы и любые другие земли. Петербург фактически отказался к 1841 г., т. е. ко времени подписания международного Лондонского соглашения о статусе Босфора и Дарданелл, от преобладающего влияния в Турции. Продолжалось таковое с конца 1829 г. (Адрианопольский мир) и включало Ункяр-Искелесийский военный договор 1833 г., серию уступок Турции и державам в отношении прав православного населения Балкан и Сиро-Палестинского региона.

Невыработанность определенного политического курса Петербурга в отношении турецких (османских) реформ, включая положение православных христиан, слабость торговых позиций и уступчивость царской дипломатии в ключевых вопросах (Проливы, открытие новых представительств (консульств) держав в крупных торговых и культурных центрах на Балканах и на Леванте), были по-своему истолкованы и использованы Западом. Святые места Палестины, включавшие вековые святыни иудеев, христиан и мусульман, стали объектом одновременно религиозного и торгово-политического давления на Турцию с целью распространения преобладающего влияния на всем Ближнем Востоке.

В 1839–1841 гг. Англия учредила вице-консульство в Иерусалиме и совместно с Пруссией добилась от султана разрешения на учреждение протестантского епископата и строительства в Иерусалиме протестантского храма. Немедленно свое консульство с мощным аппаратом служителей католического культа при нем открыла Франция. Обе державы требовали особых привилегий для своих единоверцев — подданных султана.

Ответный ход России на продекларированные акции Англии и Франции в защиту католиков и протестантов из армян, греков, арабов и выкрестов-иудеев был, на мой взгляд, решающим в том обвальном процессе гонки за преимущественные позиции в Святых местах Палестины, которая как повод и привела к вооруженному столкновению держав.

Российские дипломаты в Стамбуле выдвинули идею в рамках османской административно-территориальной системы выделить (учредить) Иерусалимский пашалык (условно — губернию). Предполагалось, что султанский ферман об учреждении нового пашалыка, включающего, раз-

умеется, Святые места, будет содержать пунктуальное перечисление прав православного населения и «станет основанием для разрешения грядущих споров с духовенством других толков и иными державами»³⁰.

В исходе 1841 г. Петербург осторожно поддержал иерусалимского митрополита Иакова, который жаловался, прибыв в Тифлис, на «бесчисленные захваты» католиками православных храмов в Мосуле и Алеппо. Позиция Петербурга формулировалась так: «Все наши действия по этому предмету (рост протестантско-католического прозелитизма и давление держав на султана. — *В. III.*) должны быть тем осмотрительнее и осторожнее, поскольку они не имеют основанием трактатных (т. е. Договорных. — *В. III.*) постановлений»³¹.

Реакция султанских властей на идею особого Иерусалимского пашалыка была заинтересовано выжидательной, западных держав — активно отрицательной.

Нарастание взаимного недовольства между конфессиями в Святых местах Палестины начало интенсивно использовать в торговых и политических целях султанское правительство — Высокая Порта. Продавались и перепродавались утверждения (ферманы) на кафедры митрополитов и патриархов, оказывалась поддержка тем иереям, за которыми стояли наиболее влиятельные торговые и финансовые представители Англии, Франции, Австрии. В гонке клубуков против полновесных фунтов стерлингов и франков православные иерархи все быстрее оттеснялись на вторые-третьи роли, стремительно падало их реальное духовное влияние на местную паству, (арабы, армяне, греки и др.), сокращались и без того не впечатляющие объемы сотрудничества православного клира Святых мест с церковными учреждениями в России.

В 1848 г. личный представитель папы Пия IX архиепископ Фариери был милостиво и сугубо конфиденциально принят султаном. Он получил после переговоров статус представителя при Высокой Порте, что означало восстановление прерванных Ватиканом в эпоху Крестовых походов (XI в.) отношений с исламским миром. Османские источники свидетельствуют, что наибольший интерес у Абдул Меджида вызвало послание Пия IX к православным подданным султана, прежде всего в Сирии и Палестине. Оно содержало предложение перейти «всем вместе и сразу» в католичество и получить тотчас покровительство папского престола, защиту и

³⁰ Цит. по: Отчет МИД за 1842 г. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты МИД, 1842 г. Л. 316–317.

³¹ Там же. Л. 315.

поддержку христианнейшего французского государства. В распространении соответствующих документов среди немусульман региона деятельно участвовали османские власти и очередной доверенный Пия IX епископ Валерга, утвержденный султаном в качестве главного «латинского патриарха Иерусалима». Начальник первой Русской духовной миссии в Святой земле архимандрит Порфирий (Успенский) оценил в 1848 г. совокупность действий Порты, Франции и Ватикана как полнейшее нарушение 400-летнего статуса христианских общин на Востоке, при котором иерархическое старшинство неизменно признавалось султанскими властями именно за православным патриархом Иерусалимским и всея Палестины.

Далекие от паникерства, трезвые и высокообразованные люди, горячие патриоты России, сам архимандрит Порфирий и наши дипломаты — посланник в Турции В. П. Титов и генконсул К. М. Базили — обобщили ситуацию: «Духовное влияние России на Святой земле падает быстро; еще быстрее упадет, если не принять мер, влияние политическое».

Был на исходе 1848 год — год революционных бурь в Европе. В МИДе и в Зимнем дворце предостережения восприняли серьезно, но реакция оказалась замедленной на несколько шагов по сравнению с динамизмом принца-президента Шарля Луи-Наполеона, объявившего себя в декабре 1851 г. императором Франции Наполеоном III, и папы Пия IX, деятельно его поддерживавшего в качестве «рыцаря католической веры».

Ватикан, заметим здесь, стремился отеснить на Востоке давних соперников — протестантов и англиканскую церковь, вытеснить их полностью, вернуть в лоно римско-католической церкви миллионы «заблудших душ» Православных Востока и Балкан. Наполеон III, слабая копия своего великого дядюшки Наполеона Бонапарта, полагал, что путь на Восток с «мечом и крестом» в конечном итоге приведет его к безграничной власти в Европе. Без России, погубившей Бонапарта, и, по возможности, без Англии, вечного соперника Франции в колониях Востока и Нового Света, а также в Испании, Италии, Греции.

Дела церковные, расчеты светские

Как известно из истории, при разделении в IV в. н. э. Восточной Римской и Западной Римской империи все святилища Святой Земли в Палестине отошли «под руку» иерусалимского духовенства. До раскола христианской церкви (1054) на Римско-католическую и Восточно-христианскую (православную) проблемы и разногласия клириков Святых

мест носили сугубо личный характер. Установление султанского исламского режима в Константинополе (1453) и не сразу сложившиеся, но достаточно прочные и уважительные отношения султана-халифа (после 1517) и Вселенского патриарха в Стамбуле (Константинополе) обеспечивали в целом стабильную ситуацию в Святых местах.

После 1099 г. (взятие католической крестоносной ордой Иерусалима), как один из итогов Крестовых походов западного католического мира на Восток, сложился такой порядок в Святых местах Палестины, что из двенадцати главных христианских святынь девять оказались в руках католического клира. Однако три главных святыни все же хранились православными священнослужителями. В том числе заветный ключ от главных больших дверей Вифлеемского храма (церковь Яслей Господних) и другой ключ от Иерусалимского храма (церковь Гроба Господнего), их хранили совместно православные греки и армяне. Все церемонии по обряду совершались в присутствии и под контролем светских османских властей. Дело в том, что хранение ключа и в христианской, и в исламской традициях воспринималось как право на владение целиком святыней и право на первоприсутствие в храме. Следствием были упрочившиеся за века чисто земные, материальные интересы: пожертвования и сборы от паломников, от налогов за приобретение или удорожание недвижимости и т. д. Незначительное количество, временами 5–8 человек, иногда всего 3–5 человек, католических монахов проживали при храме Святого гроба, но они пользовались правами экстерриториальности и полной защиты турецких властей. Таково было содержание ст. 33 франко-турецкого капитуляционного договора 1740 г. Все спорные межконфессиональные вопросы были обязаны к всеобщему удовлетворению решать османские власти — паша (правитель) в Сайде и местный иерусалимский турок-градоначальник (мутасаррыф).

Мелкие свары в среде местного арабо-армяно-греческого восточно-христианского клира не прекращались с XI в. и продолжают поныне. Однако целенаправленный политический характер придали им Наполеон III и Пий IX. На мой взгляд, в отличие от позиции Е. В. Тарле, сдвиг в оценке Палестинских святынь как политического оружия или инструмента произошел не столько под влиянием необходимости для Наполеона III доказать Франции и миру мощь своей новой империи (что в принципе неоспоримо), сколько под влиянием факторов более фундаментальных, жестких и отчетливо прослеживаемых на уровне не столь давно открытых документов.

Активизация, потенциально исключительно мощная, русских инициатив относительно создания нового Иерусалимского пашалыка практически не исследована, поскольку все проблемы Святых мест Палестины погребла война 1853–1856 гг. Инициатива нашей дипломатии (1847–1848) о выделении Иерусалима в некую небольшую зону «вольного города» под общей османской юрисдикцией, но с серьезными, как у всякого пашалыка, правами не могла не подвигнуть циничного и жесткого прагматика — Наполеона III «Маленького» на самые решительные шаги и акции. И вот почему.

Россия существенно выиграла в глазах Высокой Порты тем, что содействовала — без компенсаций в торговом или политическом статусе — умиротворению в Ливане (1845), где местные жители — друзья-мусульмане и марониты-христиане, — опираясь на деньги и оружие соответственно «своих» держав — Англии и Франции, братоубийственно истребляли друг друга, а заодно и ненавистную, чуждую им турецкую власть. Война бушевала в этом богатейшем уголке Леванта. Введение в Ливане при самом активном участии русских дипломатов (консультации, советы, посредничество и т. д.) системы прямого султанского управления двумя противостоявшими религиозными общинами посредством уполномоченных османского центра (независимые от местных властей каймакамы Порты) приостановило гражданскую войну в Ливане, притушило на какое-то время братоубийство, ограничило возможности турецких пашей-сепаратистов и западных интриганов греть руки на пепелищах домов несчастных ливанцев.

Перспектива восстания в Молдавии и Валахии, в других европейских землях Османской империи как отзвук революций в Европе 1848–1849 гг. была по крайней мере отодвинута русско-турецкой Балта-Лиманской конвенцией 1849 г. Выходило, что наша российская дипломатия активно и конструктивно содействовала предотвращению разрастания вооруженных конфликтов в различных областях Османской империи.

Трудно винить Николая I в том, что он не поддержал революцию в Дунайских княжествах или не поспособствовал разгоранию гражданской войны в Ливане. В том и в другом случае власть турецкого султана могла бы рухнуть, но новый статус территории отнюдь не был бы определен повстанцами, его решали бы державы. И не в интересах России.

Большую настроенность Франции вызвали, кроме того, деятельные и в конечном итоге успешные представления Англии в пользу создания особого патриархата греков Ионических островов (1840 г.), «всецело рас-

положенного с умилением взирать на британского посла-благодетеля». Этот архипелаг лежал вблизи Греции, которую Париж считал страной своих особых интересов.

Россия и Англия достигли в 1841 г. взаимосогласия рассматривать хребты Гиндукуша как естественную разделительную линию британских и русских интересов к востоку от османских границ. Довольно успешно они взаимодействовали в посредничестве в ирано-турецком пограничном урегулировании. Николай I и высшие сановники России зачастили в Англию.

— Русские все лечат подагру на водах, на курорте в британском Бате и обсуждают, причем с пониманием, судьбу «больного человека на Босфоре». Неужели в Европе нет других целебных вод, — раздражался Париж. — Не слишком ли близко они, Лондон и Петербург, подвигаются друг к другу...

Был и еще один не забитый гвоздик в сапоге французского властелина. Английская и прусская дипломатия в Стамбуле тесно сотрудничали с богатой, обладавшей обширными и устойчивыми финансовыми и коммерческими связями и на Востоке, и в Европе еврейской общиной Турции (*яхуди миллет*). Со времени подготовки и подписания англо-турецкого торгового договора 1838 г. эти связи умножились за счет посреднической торговли и ростовщичества, запретного для торговца-мусульманина. Три года спустя этнический еврей-выкрест М. Соломон был назначен первым епископом англиканской церкви в Иерусалиме (1841 г.) Там он деятельно защищал торговые интересы и Берлина, и Лондона и одновременно склонял, как гласит документ, «иудеев Святого города ко Христу».

Святые отцы протестантской конфессии зачастили в Сирию и Палестину, т. е. в зону повышенных забот Парижа. В разбухенной самой Францией при поддержке Ватикана активности вокруг покровительства османским немусульманам выявился неожиданный для Парижа поворот.

В октябре 1845 г. представительная депутация от иудейского (*яхуди*) миллета — общины посетила британского посланника в Стамбуле и вручила ему снабженную многочисленными подписями петицию. В документе говорилось, что в Османской империи все православные подданные султана находятся под покровительством России, католические — Франции и других европейских держав. Только евреи-иудеи «страдают и мучаются без покровительства и почтительно просят королеву Великобритании взять их под опеку». Менее чем через месяц (!) пришло указание лорда Абердина британским дипломатическим

службам в Османской империи оказывать яхуди миллету все возможное содействие, общую же идею британского покровительства еврейскому населению «обсуждать с лицами, того заслуживающими своим влиянием и положением среди единоверцев»³².

Не укрылось от Парижа и то обстоятельство, что богатейшие и влиятельнейшие в мире еврейские банковские дома Ротшильдов и Монтефиоре из-за плеча британских дипломатов, стамбульских, палестинских яхуди-ростовщиков стали очень внимательно поглядывать на купола Святой Земли. А старые банки с интересами от Лондона и Марселя до Каира и Стамбула — это опасная сила... Во все времена.

Турки-османы не без успеха искали займы в Европе. Высокая Порта неспешно и со знанием дела готовила реформы всего финансового хозяйства империи и готова была заключить на выгодных для себя долгосрочных условиях заем в Англии, у английских Ротшильдов в первую очередь. Те же Ротшильды готовы были и Петербургу ссуживать... Для Шарля Луи-Наполеона все это выходило скверно. И Шарль Луи-Наполеон сделал решительные шаги в двух направлениях: к императорским регалиям и к Святой Земле.

С начала 1850 г. католическая пресса Европы, прежде всего подконтрольная Луи-Наполеону и Ватикану, бесчисленные «беспристрастные наблюдатели» обрушили на читающий мир проблему Святых мест Палестины. Русская зарубежная публицистика и пресса (бельгийская газета «Норд» и др.), финансирувавшаяся через К. В. Нессельроде, были буквально смяты шквалом измышлений и наветов на русскую Православную Церковь, на ее культурно-духовную миссию на Леванте и на Балканах, на все миротворческие усилия русской церкви и дипломатии.

Вопрос о ключах к храму Гроба Господня стремительно покатился, обрстая осложнениями, в сторону прямой конфронтации.

Бесспорно, у нашего пытливого читателя из числа юношеской аудитории, из учительного корпуса звучат настойчивые и требовательные голоса: «Неужели академик Е. В. Тарле, сам Тарле не знал этих фактов?» Отвечаю. Да, многого он не знал, ибо архивные подборки ему готовились по приказу “сверху”. Тщательно отбирались документы, укладывавшиеся в “пораженческую” концепцию, умаляющую место Православной Церкви в Восточном вопросе и дела “проклятого царизма”.

³² АВПРИ. Ф. Главный архив V-A₂. 1845 г. Д. 515. Л. 99; 14 (26) октября 1845 г. В. П. Титов — Н. М. Воронцову-Дашкову.

Тарле, виртуоз стиля, разрабатывал эту концепцию пораженчества, подстраивая свою книгу под интересы и взгляды самого “Хозяина”. Многого Тарле не успел оценить и обобщить, ибо работал над темой всего 3–4 года. Не знал он восточных языков и соответственно уникальных документов. Бог ему судья, но он крайне небрежно относился к интересам крупнейшей, фактически единственной державы Ближнего Востока, Балкан и Северной Африки — Османской империи, тем более к судьбам ее регионов; ряд использовавшихся им информационных блоков XIX века по Турции были инспирированы (через материалы А. Убичини) военным ведомством Османской империи и т. д. Об этом см.: Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа. М., 1986.

Святые места и бесчестные интриги

Во второй половине 1852 г., когда темные тучи конфликта все плотнее стягивались на высоком и прозрачном небе Палестины, наш мудрый и прозорливый генеральный консул К. М. Базили, кстати, уроженец Константинополя, настойчиво (и, как всегда, деликатно) акцентировал перед российским МИДом острейшие проблемы Святых мест в политическом и конфессиональном контекстах. Дадим ему слово после 150 лет молчания.

Он писал, что в политике Порты, в целом спекулирующей на грызне между православным и католическим клиром за места близ Гроба Господня, наметился сдвиг. В Стамбуле несколько озадачены той чрезмерной энергией, с которой французская дипломатия защищает и без того «безмерно фаворитизируемых Портой католических подданных султана». Так, в очередном споре греческого патриарха в Святых местах и епископа Бейрута Порта предложила третейское решение через мнение трех других независимых епископов, не прибегая к апелляциям ни к Папе Римскому, ни к султану как главе всех миллетов империи.

Вообще, как писал Базили, речь пошла не только о правах и интересах православной церкви на Востоке, а о позиции России в целом в Османской империи. «Определенная недоброжелательность к нам со стороны турецких властей и слепое их расположение к Западу, новые разочарования их в нашей [политической] линии могут привести к большому конфликту в Иерусалиме и других местах Святой Земли». Базили предупреждал, что протекторат Франции над католиками на Леванте фактически сложился; таковой же Англии — над протестантами, «отчасти над другими

христианами из числа армян, арабов и иудеями». Франция не вполне удачлива, писал он, в своих восточных делах, а потому ей выгодно поддерживать напряженность на Леванте. Франция доминирует во влиянии на Порту, но только благодаря бесчисленным интригам своих представителей в Стамбуле и в Святых местах. Основная мишень Франции — Россия, и Париж на все пойдет ради осложнения русско-турецких отношений.

Базили предельно четко указал, что вопрос о ключах в Святых местах сугубо принципиальный, это вопрос позиции державы, ее влияния на Востоке. Ключ, за который шла свара, от двери входа с юга в пещеру (храм) Рождества, очень важен в христианском мире, поскольку сама дверь ведет в главную часть пещеры (в кувуклию). Не менее важен и ключ от главных дверей храма в Вифлееме. «Борьба за древние ключи, — прогнозировал ситуацию К. М. Базили, — уже привела к конфликтам в христианском мире, но неминуемо будет использована для упрочения власти фанатичной части мусульманского сообщества, когда всерьез перессорятся державы, которые стоят за конфессиями»³³.

Наглядным примером того, как Франция манипулировала различными аспектами проблемы статуса держав в Святых местах, был малоизвестный «казус флагов», имевший место еще летом 1843 г. Дипломаты Франции в Египте, Сирии и Палестине забились тревогу по поводу того, что Франция утрачивает решающее влияние на реального правителя Египта Мухаммеда Али, крайне озабоченного объемами проводок судов через Суэцкий канал и соответственно отчислений в казну Каира. Другая проблема — наследственные права сыновей Мухаммеда Али на Египет, которые жестко оспаривала Высокая Порта. В этих комбинациях присутствовали английские и австрийские дипломаты как посредники, а финансисты Лондона и Вены как особо заинтересованные стороны. Напомним, что в ирано-турецком разграничении в это же время медиацию осуществляли Лондон и Петербург, но не Париж.

Вот тут и развернулось. Консул Франции в Иерусалиме де Лентиви официальным представлением к Порте потребовал право поднять национальный флаг Франции над консульством. Ему было отказано со ссылкой на отсутствие таковой практики и на особое положение трехконфессиональной святыни — Иерусалима при полной невозможности что-либо менять в статусе консульств. Имелась отсылка и на деликатную хрупкость межконфессиональных отношений. Консул упорствовал.

³³ АВПРИ. Ф. Главный архив V-A₂. 1852 г. Д. 100. Л. 22–23, 36–42. 10 (22) июня 1852 г., 24 декабря (ст. ст.) 1852 г.

Вмешался совещательный Диван при султанах. Его вердикт был таков: Франция необоснованно и любыми путями стремится приумножить свои права и преимущества в Святых местах Палестины и... в Магрибе. Посольству Франции было передано мнение Дивана: Алжир не считается «утраченной землей османов» и Палестина есть суверенная территория империи Дома Османов. Ретивый консул в Иерусалиме притих, но тут посол Порты в Париже Нафи-эфенди сделал представление Парижу, в котором говорилось, что не флаги в суверенном (для султана) Иерусалиме Франции надлежит поднимать, а... вернуть Алжир.

Реакция официального Парижа была истеричной, с элементами угрозы. Диван, Порты и султан Абдул Меджид, тогда еще молодой и нотами держав не обстрелянный, сдались.

Это было не в пример его отцу Махмуду II, который, владея языком в качестве родного, читал документы с листа, не вставая с миндера, и кое-что рвал без объяснения — французская кровь матери Эме де Ривери, кузины незабвенной Жозефины де Богарне Бонапарт, закипала в Махмуде II, когда Париж, именно Париж давил на потомка нормандских рыцарей и османских владык половины Европы.

Франция получила право поднять свой флаг над генеральным консульством в Бейруте. В обмен на отказ от французского флага в Иерусалиме, но с увеличением льгот для потенциальных паломников-католиков к Гробу Господа нашего Иисуса Христа. Консул де Лентиви вполне утешился эксклюзивным правом прикупить новый участок земли вблизи Святогробских святынь³⁴. Париж шел на Восток...

Любой конфликт на Востоке, как полагали на Дворцовой площади, дом 6, можно было уладить путем переговоров, пока Англия не заняла единую позицию с Францией, но Париж «уперся» в проблему Святых мест... Как полагал, успокаивая себя, чиновный Петербург, на Востоке все спокойно. Отношения султана и патриарха складывались к взаимному удовлетворению. Наблюдатели сообщали, что «новый Вселенский патриарх Германос был с почетом принят султаном» (1852). Православный клир Дунайских княжеств часто обращался в Высокую Порту, «лаская тайным видам ея на укрепление влияния [турецкого — *В. III.*] на внутренние дела всей Восточной [православной — *В. III.*] церкви». Чего же более...

³⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 34. Л. 439–532. Дешеш Л. И. Кремера В. П. Титову и В. П. Титова к К. В. Нессельроде. 27 июня (9 июля) 1843 г. и 24 августа (5 сентября) 1843 г.

Заметим, что в 1852 г. в России по приходам было собрано до 15 тысяч рублей серебром на Храм Гроба Господня и еще до 8 тысяч рублей серебром на церкви Святой Земли³⁵.

В 1852 – начале 1853 г. русские миссии (консулы и т. д.) в Османской империи согласно сообщали, что Порты и местные власти в Святой Земле строго и четко выполняют султанский ферман от 29 января (10 февраля) 1852 г. о защите святынь Палестины и регулировании межконфессиональных проблем через третейское содействие местного турецкого паши. Лучшего и желать нельзя.

Увы, оказалась вне августейшего уха Николая I идеальная формула К. М. Базили: «Опора на Православную церковь на Востоке и содействие Порте в выборе политической системы через реформы наиболее соответствовало бы интересам Российской империи на Востоке»³⁶. Император создал мощную, как он полагал, систему власти, был истинно верующим, православным монархом. По-настоящему услышать глас служителей Бога он не сумел. Или глас тот был недостаточно зычным?..

Деятели российской православной церкви на самых различных уровнях — от паломников и миссионеров до высших иерархов — били тревогу по поводу обвального роста прозелитизма на Ближнем Востоке, и в Святой Земле в первую очередь. Святейший Синод, в том числе Н. А. Протасов и С. С. Уваров, т. е. лица из «первоприсутствующих», с начала 1840-х гг. озаботились сбором достоверной информации о быстром росте культурно-политического и экономического влияния (в первую очередь торгового, но при этом под прикрытием высоких фраз о защите христианских духовных ценностей на Леванте) держав на Леванте и на Балканах. Масса документов на сей счет еще ждет своего исследователя. Признаем, что Дворцовая площадь, дом 6, слишком долго отмалчивалась на представления Церкви.

В начале ноября 1841 г. один из патриархов православной церкви в Османской империи Константин направил в Синод взволнованное по духу и острое по содержанию послание. В нем, в частности, говорилось, что чиновники Высокой Порты, пользуясь невниманием к проблеме российских дипломатов в Турции, фактически продают свое официальное покровительство и административную защиту православных церквей и монастырей, которые они, власти, должны осуществлять в рамках османских законов и русско-турецких договоров и соглашений. Напрямую

³⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, отчет за 1852 г. Л. 285–295об.

³⁶ Там же. Л. 21–23об.

вмешиваются в распри между католиками и православными в Турции, как правило, принимают сторону гораздо более богатых и связанных с Западом своих католических подданных.

Так, турецкие власти по согласованию с Папой Римским и его неформальными представителями в Турции встали на сторону епископа Максима, главы османских католиков в Александрии, Антиохии и Иерусалиме, с целью создать в Сирии (и, следовательно, Египте) единый католический духовный центр, тогда как малейшая объединительная тенденция православных епархий жестко пресекалась. Под видом стабилизации положения дел, как писал патриарх, Порта стремится изъять управление доходами православных монастырей из рук православного клира, хотя монастыри имели соответствующие султанские разрешения с XV–XVI вв.³⁷

В бумагах Синода отмечено, что к 1850 г. в Османской империи наличествовали 4 патриарха, 22 митрополита, 19 архиепископов, 120 епископов. Они окормляли примерно 9 миллионов 260 тысяч православных из общего числа османских подданных в 25,5 млн человек. «В иностранных землях живет 17 миллионов православных», — говорит документ³⁸.

Январем 1846 г. помечена записка «О бедственном положении православной церкви в Болгарии». Автором ее был выпускник Одесской семинарии «природный болгарин» Захарий Петров (Княжевский), который не сумел «приискать себе место» в среде православного клира болгарских земель, несмотря на самые положительные рекомендации своих российских пастырей. Впрочем, речь не о нем. Автор остро реагирует на попытку местных (в Болгарии) османских властей определенным образом подменить саму систему православного миллета как такового католическим, а поскольку это было столь же нелепо, как шиит в должности шейх уль-ислама суннитской уммы в Турции, то Порта «действовала ...рублем» (или, в данном случае — курушем).

После 1844 г. архиепископские кафедры стали, по личным наблюдениям автора, продаваться турецкими властями грекам-священникам любого ранга за наличный расчет. Место самого низшего звена — священника в болгарском селе едва грамотный грек выкупает у архиерея (тоже грека)

³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода). Д. 28220. Л. 2–4; патриарх Константин — Н. А. Протасову. 4 (16) ноября 1841 г.

³⁸ Там же. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 503. Л. 1–10об. «Православные в Турции и Австрии». Составил К. С. Сербинович.

за полторы тысячи курушей (1 куруш — 6 копеек серебром). А место архиепископа, но уже у местного османского чиновного властелина, купить можно было за 300–500 тысяч курушей, т. е. от 180 тысяч до 300 тысяч русских рублей серебром.

«...Проторговавшиеся греки-купцы приобретают таковые места, — как пишет автор, — на самый последний момент, и в убытке не пребывают...» «...Такие иерархи, следуя османской вековой откупной системе, пасут себя сами, а не свое “стадо” (окормляемых). Живут роскошно, вовсе не радея о своем долге, питают закоренелое презрение к болгарам, их народности и языку, строго запрещают богослужение на языке славянском (болгарском), находя в том поддержку Порты...».

Захарий Петров, не драматизируя, а скорее концентрируя взгляд на главном, писал следующее. Молодежи из православных кругов очень трудно получить от Порты документы на поездку в Россию. Пропуск во Францию, Италию и Австрию выдается беспрепятственно, особо поощряются выпускники школ и кружков, расплотившихся вокруг католических миссионеров³⁹.

Архимандрит Владимир (Сухопан) прилагал свидетельские показания о том, что через турецкие власти можно купить благословение Константинопольского патриарха (4–5 тысяч курушей). «Избежание проклятия (местного, в Европейской Турции) лихоимца в митре стоит всего 300 курушей. Если не дашь, то в зиндан (тюрьму) к туркам и... по пяткам, чтобы кровь через чулки...» Все это с ведома и одобрения турка-муселима⁴⁰.

Документы, в том числе записка Захария Петрова, внимательно изучались в Синоде, о чем свидетельствуют пометки С. С. Уварова и Н. А. Протасова, копии шли к К. В. Нессельроде и, видимо, клались «под сукно». Впрочем, ряд столь же тревожных документов был не только изучен обер-прокурором Синода, но и доложен Николаю I. Тот многое, очень многое читал лично. Только вот на государственном уровне поддержки в должном объеме не последовало.

Царь затребовал, например, мнение Синода на пространную записку упомянутого архимандрита Владимира (Сухопана) из Константинополя (Стамбула) от 1(13) октября 1845г. Уроженец Австрии, архимандрит Владимир был истинным служителем православия, не столько патриотом России, сколь «радетелем душевным истинного, по вере и корню славян-

³⁹ Там же. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38206. Л. 2–6об.

⁴⁰ Там же. Л. 25–26об.

скому, сближения русского народа с единоверцами на Востоке» (из оценки записки, видимо, С.С. Уваровым).

Архимандрит Владимир обращал внимание Синода в России на проявления жесткого и далеко идущего по своим последствиям вмешательства Порты в имущественные споры между православными и католическими общинами и отдельными лицами, между клиром и прихожанами. Как писал отец Владимир, османские власти «близким к ним грекам предлагают за большие деньги целые приходы... У епископа, — писал он, — ищут успокоения как временного, так и вечного. ...Но [купивший свое место у турок. — В. III.] епископ считает епископство свое светским поместьем, которое он получил от константинопольского патриарха на откуп на неопределенное, большей частью весьма короткое время».

Преуспевают такие «клирики», по словам отца Владимира, «отменно на перепродаже мест, в бракоразводных делах и в исках касательно наложниц для мусульманских богатеев».

Архимандрит обращает внимание Синода в холодном Петербурге на огромную проблему — отсутствие должного внимания России к духовному просветительству через книги, школы и т. д., что влечет «незнание и отторжение в душах и мыслях единоверцев России в Болгарии и на Леванте». Наоборот, Франция не только щедро субсидирует стамбульского католического епископа (32 тыс. франков в год), но и открывает на деньги от правительства и с одобрения турок духовные семинарии и массу школ. Названы созданные всего за один год школы на острове Хиос, в Измире, две школы в Стамбуле, школы в Бейруте и Антиохии. В Бебеке, под Стамбулом, Франция открыла Духовную академию «с преимуществом поступления греческой молодежи, которая получает и образование, и перемену веры на католичество, и покровительство» (на основе капитуляций. — В. III.).

Любопытен еще один взгляд отца Владимира на «перспективный прозелитизм» французских духовных лиц в Турции вкупе с дипломатами. «Французское покровительство [с выдачей паспорта, т. е. двойное гражданство. — В. III.] располагает к переходу [в католичество], в особенности восточных армян, народа торгового. Они находят таким образом вернейшее поручительство для своей торговли и достаточную защиту против произвольной конфискации их имущества Портой, потому что им служат тогда [в случае конфликта с турками. — В. III.] посредниками... латинские священники, которые умеют всегда найти доступ к посланникам римско-католических дворов при Высокой Порте».

Архимандрит Владимир высоко оценивает проявления веротерпимости в Турции на всех уровнях — «от народного до чиновного». Но он справедливо обращает внимание на то, что специальный представитель Ватикана, высокий иерарх собора Святого Петра под защитой турецких кавасов (приставов) совершает помпезную многонедельную поездку по стране с мощами Святого Рената, «возвышая на Леванте и в Европе (Европейской Турции. — В.Ш.) интерес к политике Франции и Святого Престола». Замечание просто феноменальное для нашего перенасыщенного фундаментализмом времени.

Архимандрит Владимир мыслит широко и перспективно, видел глубокую политическую подоплеку в прозелитизме и сближении Порты с папским престолом. «Папа, — писал он, — старается распространить свое учение на (Ближнем) Востоке, а католические дворы, в особенности Франция, не жалеют денег, чтоб содействовать распространению папизма в османских пределах и через то парализовать нравственное влияние России на умы единоверцев на (Ближнем) Востоке».

Человек высокой моральной ответственности за судьбы своей паствы и очень наблюдательный аналитик, отец Владимир выделил несколько главных направлений, на которых прозелитизм смыкался с финансово-культурным и политическим давлением держав Запада в регионе. Напомним, в 1840-х гг. шла еще борьба политическая и духовная, а с 1848–1849 гг. усилился до кризисного уровня силовой компонент, влившийся в Крымскую войну.

К этим направлениям архимандрит относил частую смену патриархов в Константинополе, что особо поддерживалось Портой (5 патриархов сменилось за 1840–1845 гг.). Невежественность и корыстолюбие — вот главные черты этих выходцев из фанариотских кругов Стамбула, где Порта черпала своих драгоманов, советников, лоцманов и ...священнослужителей. «...Фанариоты, обласканные Портой, всегда и во всем патриархами недовольны. Требуют их смены, а потому он (патриарх) обращает все внимание, чтобы возвратить себе издержанные на свое избрание суммы».

Другое направление — начальное обучение православных детей католическими, ибо других мало или вовсе нет, учителями-миссионерами. О таких учителях отец Владимир писал, что они утром дают детям уроки арифметики и французского языка, а ближе к вечеру работают на турецкие власти или на турок-торговцев (бухгалтерские расчеты, посредничество, толмачи и т. д.). Такие «пастыри», отмечал отец Владимир (как и упомянутый Захарий Павлов), отнюдь не видят насильственной

исламизации болгар, убеждают Порту не принимать от России никакой богослужебной литературы, что идет в дар православным. Зато фанариот — Константинопольский патриарх в циркулярном письме епархиям предложил митрополитам и епископам употреблять в личном общении и в быту только греческий язык, «заставляя забывать природные языки»⁴¹.

Как будто застеснявшись своего обличительства в адрес православного клира, отец Владимир обращает внимание Синода не только на «нравственное падение» русского влияния на Востоке, но и на то, что доходы от Святых мест уходят от «взора и пользы православия», а огромные, веками скопленные там сокровища, бесценные для духовного мира всего Православия, под угрозой. От «хищной Порты», от бесчестных фанариотов и от злонамеренного католического прозелитизма и тех, кто его «поправляет» против России⁴².

Какова была реакция Синода и чиновного Петербурга, включая самого царя? Извольте, читатель. К. В. Нессельроде отписал Н. А. Протасову 27 февраля (ст. ст.) 1848 г.: «...Вещи и богослужебные книги, собранные для Болгарии доброхотно в ряде епархий России, числом 13 ящиков... чтобы не возбудить неблагодарного внимания Турции, осторожно (так в тексте. — В. III.) переслать в Константинополь, а не в Болгарию»⁴³. Еще одно письмо К. В. Нессельроде Н. А. Протасову, 14 августа (ст. ст.) 1851 г.: «...Не следует беспокоить турецкую цензуру насчет книг церковного содержания; все, что собирается, следует направлять посланнику В. П. Титову в Константинополь на усмотрение его». Отсылать книги и т. д. православным на Левант считать «неудобоисполнимым»⁴⁴.

Сам В. П. Титов там, на месте, в османской столице, на все нестроение в делах восточного православия отзывался так: много пишут (о записках в Синод и прочем) любопытного, много правды, но много и пристрастного...

Шел уже 1852 год! Посланник наш блаженно покуривал яблочный кальян, вкушал покой, а мед прозелитизма заливал тем временем все трещины и щели нашего духовного нестроения на Леванте. Не повторять бы ошибок прошлого...

«...Бедность, обнищание торговцев из православных, ущемляемых согласно Портой и латинянами, — вот суть причина принимать право-

⁴¹ Там же. Ф. 797. Оп. 15. Д. 38106. Л. 49, 64–65. Письма Захария Павлова (Княжевского) в Синод от 26 июня и 14 июля (ст. ст.) 1846 г. С приложением писем православных из Стамбула.

⁴² Там же. Л. 26–28 об.

⁴³ Там же. Ф. 797. Оп. 1. Д. 38106. Л. 157.

⁴⁴ Там же. Д. 38106. Л. 157, 267–268, 270.

славных магометанскую или латинскую веру». Это уже из очередного, едва не кровью писаного послания Захария Павлова от 19 октября 1850 г.

И далее: «...иеромонахи исповедуют либо по-гречески, либо по-турецки. Не знаешь языка — уходи или... плати. Приобщение Святых тайн часто идет на турецком языке, не хочешь — иди в паломничество, а на какие деньги?»

Католические миссионеры, как писал Захарий Павлов, поступают очень умно. Они говорят: вас, православных грабят два волка — грек-пастырь и турок-чиновник. Папа Римский обещает вам сохранение родного языка в церквях, приумножение денег — в ваших кошельках, ибо Папа обеспечит вам защиту имущества, а детям вашим — школу и далее обучение на Западе. Что делает для вас, православных, Россия? — вопрошал, витийствуя, лукавый прозелит. Молчала горько паства православная...

«В каждом городке Болгарии есть по несколько десятков болгар, отступивших от православия, охладевших к религии, к своей народности, нерасположенных к России», — таков был печальный вывод Захария Павлова.

Человек более приближенный к мирским заботам, чем отец Владимир, этот «русский болгарин» прогнозировал (1850 год!) ситуацию, реализовавшуюся в Крымской войне. «В случае войны какой-либо европейской державы с Турцией болгары-римляне [католики], по всей вероятности, будут стоять за римлян или за христиан другого западного исповедания, а не за православных. Особенно при злокозненном влиянии отступивших от христианской веры [и перешедших в ислам и на турецкую службу. — *В. Ш.*] поляков и венгров, рассеянных по всей Турции... Напоенные западным духом, они все равнодушны к родине, неприязненны к России...»⁴⁵.

Противостоявшие в назревавшем столкновении стороны из этой сложнейшей ситуации делали выводы противоположные и... одинаково неверные. Николай Павлович записки и доклады читал прилежно, но вместо оказания помощи единоверцам, реальной, быстрой и действенной, сетовал: «Не велика моя надежда на них (задунайских христиан), разве на сербов. И до того удостоверения не очень (я) расположен идти далеко за Дунай».

Обнадеживался тщетной мыслью «замучить турок» демонстрациями силы, хотя в серии писем трезво оценивал русские силы в Закавказье как «недостаточные серьезным предприятиям»⁴⁶.

⁴⁵ Там же. Д. 38106. Л. 238–240.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1018. Оп. 10. Д. 32. Л. 3–3об. Николай I — И. Ф. Паскевичу. 21 ноября (3 декабря) 1853 г.

Западные советники при Порте, дипломаты-генералы и предпринимательские стамбульские коммерсанты с набором паспортов «первейших держав Европы» наперебой советовали туркам создавать ударные польские, венгерские, казацкие (некрасовские), еврейские легионы, набирать всех недовольных Россией в Дунайских княжествах и — вперед-вперед!

Светлейший князь Варшавский И. Ф. Паскевич, которого, по злому и несправедливому сарказму (в чем он превосходил даже Пушкина, в отношении, например, М. С. Воронцова) завистливого князя А. С. Меншикова, одолевали попеременно геморрой и охота к осведомительной деятельности, все это, т. е. «насупленность защищаемых Россией христиан, коим сие не в радость и не в пользу», а также сколачивание отрядов профессиональных военных волонтеров в Турции, предупреждал Николая следующим образом.

Инсургенты в Польше, Подолии, Волыни вполне ожидаемы и подкормлены, кто Австрией, а кто Лондоном и Парижем. Опасно, как он (Паскевич) считал, «появление партизанских отрядов» в Киевской и Херсонской губерниях, где много помещиков-католиков из поляков, а крестьяне сплошь православные. Конфиденты сообщали светлейшему (пугали?), что Париж обдумывает, не послать ли некие войсковые части в Австрию, да поближе к русской границе. «Достаточно появления одного французского корпуса, — писал “старый барс Кавказа, хитрый лис Варшавы”», — чтобы произвести если не восстание в Польше, то, по крайней мере, общее брожение умов».

«Заметки к воспоминаниям» — так называл Паскевич свои мысли, но не из ридикюля же он назвал царю примерную цифру в 26 тысяч франко-австрийских штыков у слабых западных границ России⁴⁷.

Запах пороха, или Аромат больших денег

То, что Крымская война явилась надменной Европе и равнодушному Востоку своеобразным клубком нескончаемых интриг, мы себе уяснили. Внесем ясность в непосредственные поводы и характер войны, оценим позиции участников.

Все знают, что война началась в 1853 г. и что во всем виноваты Восточный вопрос, царь и турки.

Однако русско-турецкий конфликт составил лишь фрагмент, хотя и принципиальный («пусковой»), в общей картине роста напряженности

⁴⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 10. Д. 23. Л. 295–297, 350–352, 382 об.–384. Конец 1854 г.

международных отношений в регионе с общим населением более 300 миллионов человек. Это был регион Юго-Восточной Европы и Причерноморья, Сирии, Палестины и Ливана, Малой Азии и Закавказья. В такой последовательности (в географическом смысле) шло вовлечение в конфликт земель и территорий Балкан и Ближнего Востока. Тенденция 1830–1840-х гг. к закреплению индустриальной Европы в этой густонаселенной при высоком спросе на западные массовые дешевые товары контактной зоне Восток — Запад осложнялась до уровня конфликтности двумя обстоятельствами.

Во-первых, борьбой Англии, Франции и Австрии (при их внутренних противоречиях) против влияния России и особенно против любого вероятного сближения православной России и мусульманской Турции при христианском доминирующем населении Османской империи. Во-вторых, игрой держав на мультинациональной и мультирелигиозной нестабильности на землях, имевших решающее, веками устоявшееся транспортно-коммуникационное значение (Проливы, караванные пути, порты и их влияние на темпы и параметры формирования первого варианта мирового рынка сырья и готовой продукции).

Восточный вопрос, зародившийся в эпоху начала промышленного переворота в Англии и Франции (последняя треть XVIII в.) и совпавший с началом реформаторского, «под Европу», процесса обновления империи Османов, к середине XIX в. приобрел особую сложность и остроту своих многочисленных граней. Он стал узлом, в котором сплелись национально-религиозные движения покоренных турками народов на Балканах и на Ближнем Востоке. Причем некоторые из народов — греки, армяне, арабы Леванта и др. — уже вступили на путь внутренних реформ. Они использовали религиозный фактор как знамя национального возрождения, а экономические связи (транспорт, финансы, посредничество с Западом или Россией) применяли как оружие в борьбе с османами.

Восточный вопрос эпохи Крымской войны осложняли колониальные аппетиты держав первого эшелона индустриализации, готовившихся делить (переделит) и Африку, и Азию, равно и отстававшую в преобразованиях Россию. Духовные рубежи православной России на Балканах и в Святой Земле были незримы, но сокрушить их Западу было исключительно важно, чтобы нравственные начала русского православного влияния не могли скомпенсировать запаздывание экономического развития. Это получилось у России в великую эру екатерининского прорыва в Средиземноморье и Сиро-Палестинский

район в 1770–1790-х гг., когда Англия еще только «разгоняла» машины промышленного переворота.

Показательна статья в парижском официозном *Le Journal des Débats* (10.07.1850). В ней султана-халифа призывали встать во главе исламских подданных, чтобы подавить все выступления своих христианских подданных раньше, чем их, христиан Турции, поднимет против Стамбула Россия.

Чем не призыв к пресловутому джихаду? Пресса Франции, в несколько меньшей степени, но также и Англии, Австрии, Пруссии публиковала статьи, в которых «изучалась» перспектива всеславянского антиосманского восстания балканцев во главе с «православным вождем — русским монархом». Сирию, Палестину и в меньшей степени Египет запугивали новым крестовым походом православного русского царя против «сарацин Востока». Спасением и для Балкан, и для Сиро-Палестины должно было стать укрепление связей султана с Европой, опора султана-халифа на «цивилизованных и мирных» подданных, т. е. католиков и протестантов; сквозь зубы поминались иудеи, копты Египта. Все — тесно связанные культурно-религиозными и торговыми узами с западным миром, а не с Россией.

Османская империя и Россия с конца 1830-х гг. и до 1853 г. более или менее успешно уходили от ряда стимулировавшихся из Лондона, Вены, Парижа конфликтов. Среди таковых опасностей были революция 1848–1849 гг., краем опалившая Молдавию и Валахию — Дунайские княжества в составе Османской империи, и военная тревога 1849 г., когда флоты Англии и Франции стояли под парами, чтобы идти на помощь султану, равно и междоусобные конфликты в Ливане.

В период обострения социальной и политической нестабильности в Валахии Николай I 28 марта 1848 г. (старого стиля) твердо заверил султана Абдул Меджида, что Россия введет войска во владения султана *только по его, султана, личной просьбе*. 5-й пехотный корпус все же вошел 28 июня (10 июля) 1848 г. в Яссы, но не перешел реку Серет⁴⁸. Этот ввод войск прикрывал русско-турецкую границу. Реакцию Турции выразил ее великий везир: «Меня сейчас больше испугал бы уход русских войск из [восставших. — *В. Ш.*] княжеств, чем их присутствие»⁴⁹.

Порта уже отказалась от настойчивых предложений Луи-Наполеона относительно военного союза. Неудачей кончились попытки Лондона

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1848 г. Д. 43. Инструкции К. В. Нессельроде В. П. Титову в Константинополь.

⁴⁹ Там же. Д. 42. Л. 473. Из депеши В. П. Титова К. В. Нессельроде в Петербург.

навязать Стамбулу чисто военный заем на кабальных условиях и начать формирование христианских подразделений под командованием европейцев в составе мусульманских вооруженных сил Османской империи.

19 апреля (1 мая) 1849 г. Россия и Турция подписали Балта-Лиманскую конвенцию сроком на семь лет о двусторонней ответственности за поддержание мира на беспокойных границах в Дунайских княжествах. Отрабатался хотя бы в первом приближении механизм согласованных решений на случай восстаний в других областях Турции. Оказался «замиренным», как говорилось выше, «без крови за его пределами» Ливан. Состоялась важная дипломатическая акция — в России побывал специальный представитель султана, трехбунчужный паша и везир (министр) Фуад-паша.

Миссия Фуад-паши в Петербург во главе чрезвычайного посольства в сентябре-октябре 1849 г. носила характер дружелюбный и заинтересованный. В ходе официальных встреч в Азиатском департаменте МИД Фуад-паша подтверждал стремление султана все спорные вопросы решать на двусторонней основе. «Не только облачка, но даже легкой дымки, — заявил он, — не должно быть в отношениях двух держав... Все это [эмигранты, ренегаты, восстания и т. д. — *В. III.*] дело семейное, между Россией и Турцией... Мое правительство, — заверил он, — не желает никакого иностранного вмешательства в русско-турецкие отношения».

Действительно, в Петербурге Фуад-паша отклонил настоятельную просьбу австрийского посланника Блуменфельда о встрече. Он сослался на могущую возникнуть неловкость — он, Фуад, еще не был на аудиенции у русского императора. Более того, Фуад-паша просил передать Блуменфельду, что он здесь, в России, не для переговоров, а выполняет личное поручение султана — уладить кое-какие вопросы с русским царем. Как писал глава департамента, Фуад-паша категорически отрицал и саму возможность вмешательства не только Австрии, но и Англии в русско-турецкие отношения⁵⁰.

Сырая и ранняя петербургская осень 1849 г. вызвала обострение ревматизма у весьма слабого здоровьем турецкого посла. Кому положено, докладывали на Дворцовую, дом 6, что Фуад «с постелей не встает, крихтит, пьет декохты и ведет оживленную переписку с Константинополем... Курьеры другой раз и чаю не выпьют, а уже в обратный путь...». К. В. Нессельроде и сам умел стонать и охать преизрядно и в болезни посла усматривал

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1849 г. Д. 204. Л. 119–120. Л. Г. Сенявин — К. В. Нессельроде, 3 окт. 1849 г.

«кое-что политическое». Впрочем, царю Карл Васильевич рекомендовал всячески демонстрировать доброе расположение к Турции, особенно в тот момент, когда в турецкой столице идут переговоры султана с англичанами. Впрочем, намекнуть Фуаду о возможности на основании Балта-Лиманской конвенции (сенед) обратиться к «военной», IV статье этого документа было вовсе не лишним⁵¹.

В октябре 1849 г. мощная британская эскадра уже шла от Мальты к Дарданеллам, чтобы «спасти» укрывшихся в Турции повстанцев 1848 г. от карателей — русских. Воинственный лорд Пальмерстон в беседе по этому вопросу с послом России в Лондоне Ф. И. Брунновым прошупывал почву. «...Посылка эскадры к Дарданеллам... это все равно, что поднесение баночки с нюхательной солью к ноздрям дамы, у которой со страху помутилось сознание... Другое дело, если бы морские державы послали свои флоты в Балтийское море...»⁵². Себя же лорд Пальмерстон именовал «рассудительным хранителем» склянки с нюхательной солью⁵³. Сама склянка, впрочем, напоминала мощный паровой флот. В послании Лондона к британскому послу в Стамбуле уже запахло порохом Севастополя: «Помните, что правительство ее величества не может колебаться в отношении выполнения просьбы Турции в помощи...»⁵⁴.

Вот незадача для Англии! Султан все еще полагался на проверенную временем благожелательную позицию России и просить державы вводить флот в Босфор не собирался. Адмирал У. Паркер не был допущен даже в Мраморное море, финансовые эмиссары Лондона разочарованно покинули Стамбул: султан не взял денег на войну.

Тогда, когда не сработали военно-политические и военно-финансовые рычаги подталкивания Турции к конфликту с Россией, державы перешли к последнему и, как оказалось, беспроектному варианту — проблеме Святых мест Палестины. *Отступить, уступить в защите духовных начал православия Россия не могла по определению.*

Какие силы были заинтересованы в том, чтобы жестко стимулировать замедлившееся было соскальзывание к «большой войне в Причерноморье» и ускорить столкновение двух причерноморских держав?

⁵¹ Там же. Л.1 23–124, 125–125 об. К. В. Нессельроде — Николаю I, 12 и 24 окт. (ст. ст.) 1849 г.

⁵² См.: Тагитцев С. С. *Внешняя политика императора Николая I*. СПб., 1887. С. 606.

⁵³ Langford E. *Victoria R. I*. London, 1965. P. 254–255.

⁵⁴ *British and Foreign State Papers. 1854–1855*. Vol. 38. L., 1865. P. 1290–1291.

Английская дипломатия настойчиво и последовательно готовила военный союз с Османской империей с 1848 г. В замыслы Г. Пальмерстона в 1850–1852 гг. относительно войны, которую надлежало начать против России, входил главной задачей — территориальный экспансионизм в Европе, в Азии и Африке. Причем под флагом «спасения» Османской империи и по ее просьбе (то и другое для обмана общественного мнения собственной страны и для обоснования вмешательства во внутренние дела «спасаемого от русских государства османов»). Известно, что Пальмерстон своей «заветной целью» называл раздел России. При этом в награду за благожелательный нейтралитет или прямую поддержку он предполагал вознаградить российскими территориями Швецию, Пруссию и Австрию. «Крым и Грузию передать Турции. Черкессию либо сделать независимой, либо отдать под суверенитет султана»⁵⁵.

Подтвердить документальными данными соглашение о передаче Крыма или Кавказа Турции невозможно ввиду очевидной демагогичности заявлений Пальмерстона. Вместе с тем достоверно известно, что имперские интересы расширения территории Британской Индии в сторону Центральной Азии, сопредельной России, владели умами государственных деятелей Великобритании в период Крымской войны и обсуждались в прессе как нечто прозаическое — словно новый рецепт кекса к вечернему чаю⁵⁶.

К 1853 г. оформились английские планы оккупации Черноморских проливов и части Малой Азии, превращения Черного моря в «британский военный док», где корабли Соединенного Королевства должны были бы безраздельно господствовать и поддерживать распространение британского владычества на Месопотамию, на Курдистан. Высказывались предположения занять Багдад английскими войсками в качестве единственного средства, которое могло бы пресечь «русское давление на Турецкую империю в Азии, оградить персидскую границу, наконец, уравновесить русское присутствие в Закавказье, удержать русских подальше от северо-западных границ Индии».

В начале 1850-х гг. противоречия в Индии, окончательное завоевание которой формально относилось к 1849 г. (покорение Пенджаба), обострились до предела. Социальный и национальный конфликт населения Индии усугублялся деятельностью миссионеров, особенно рьяно насаждавших христианство в мусульманских районах. Перспектива участия взвинчен-

⁵⁵ Gueda P. Palmerston. L., 1926. P. 159–160.

⁵⁶ *Nineteenth Century*. Vol. I. L., 1877. P. 43.

ных прозелитизмом сипайских войск, в первую очередь из мусульман, в войне на стороне исламского султана-халифа должно было содействовать разрядке взрывоопасного положения в Британской Индии. Само присутствие сипайских войск в Турции, вблизи от западных границ Ирана, создание аналогичных сипаям частей в Турции при одновременном усилении англо-индийского контингента в Северо-Западных провинциях Индии недалеко от «Русской Средней Азии» — все это отвечало бы стратегическим планам Лондона в отношении и Османской империи, и Ирана, и... непокорного Афганистана. Оставалось лишь заставить сражаться самих турок, создать ситуацию лобового столкновения с русскими, а там... Главное, писали английские газеты, — «заставить ленивых турок воевать».

Отметим также, что в 1853 г. заканчивался десятилетний срок перемирия Англии с шейхами на южных берегах Персидского залива. Пребывание усиленной британской эскадры в Заливе в годы Крымской войны и серия провокаций против Бендер-Аббаса и принадлежавших Ирану островов осуществлялись силами султана Омана под прикрытием флага Османской империи. В том же 1853 г. против проанглийского правителя Бахрейна выступили шейхи Аль-Катифа и Неджда — формальные подданные Османской империи. Борьба с ними, вмешательство в местные конфликты под фальшивым лозунгом охранения целостности турецких владений составляли в 1853 г. одну из насущных проблем британской дипломатии в самой Османской империи — сюзерене этих земель — и командования британского экспедиционного корпуса, сформированного к началу 1853 г. для действий в районе Аравийского полуострова и Персидского залива. И это еще не все.

Кризис в отношениях между Россией и Турцией, превратившийся в войну на двух континентах, отвлечение сил России на войну с коалицией европейских государств было использовано Англией, Францией, затем США для достижения других политических целей на большом удалении от Османской империи — на Дальнем Востоке, в Китае и Японии. Предвоенные годы — 1850–1853 — стали периодом победного развития тайпинского движения, грозившего опрокинуть все зафиксированные в капитуляциях «успехи» Англии и Франции, а также США в Китае.

Военные действия Англии и Франции в районах русского Дальнего Востока, сопредельных с Китаем, позволяли, во-первых, бесперебойно снабжать оружием китайское цинское правительство в его войне против повстанцев-тайпинов и подготовить вторжение в Китай (1856). Во-вторых, втянув Россию в войну на Ближнем Востоке, Англия, Франция и США

смогли не только избежать совместного с Россией демарша в Цинской империи (соглашение об этом было достигнуто в мае 1853 г. в порядке отвлекающего Петербург маневра), но и попытались реализовать экспансионистские замыслы в отношении Камчатки и русского Приморья.

Готовилось также французское вторжение во Вьетнам, а гром пушек американского коммодора М. Перри знаменовал конец самоизоляции сёгуната Токугавы в Японии. США и Англия окончательно оттеснили Россию в борьбе за влияние в Японии. В условиях начавшейся Крымской войны преобладание этих держав было закреплено вследствие невыгодного для России Симодского русско-японского договора. Итак, наступление на Россию велось и в Западной Азии, и на дальневосточных рубежах империи.

В «подталкивании» турок к войне высокую заинтересованность с тех же имперских позиций неизменно проявляла Франция. В 1851 г. французская армия после трех лет упорных боев в основном подавила восстание в Малой Кабилии (Алжир). В 1853 г. развернулось новое восстание в Большой Кабилии. Вождь алжирских постанцев в 1830-х – 1840-х гг. Абд аль-Кадер, с 1852 г. проживавший в изгнании под Дамаском, поддерживал определенные связи с Алжиром. Во Франции было известно, что в Высокой Порте не исключали возможности восстановления османского господства в Алжире и связывали это именно с Абд аль-Кадером. Пресечь саму вероятность такого поворота событий, опасного для всех французских колоний в Африке, наиболее надежно мог все тот же военный союз с Османской империей. Нейтрализовать турецкое влияние в Магрибе, привлечь турок на свою сторону Франция и Англия, кроме того, стремились в связи с борьбой за влияние в Марокко и Тунисе, бывших под формальным протекторатом Стамбула.

Правитель Туниса Ахмед развернул к началу 50-х гг. XIX в. ряд реформ танзиматского образца, и с ним стремилась укрепить связи Высокая Порта. Перспектива усиления турецкого влияния в ливийском Триполи, а в 1851–1853 гг. Стамбул предпринял в этом направлении ряд конкретных шагов, столь же противоречила планам Франции и Англии по овладению этим районом, как и самостоятельное развитие некогда османских провинций — Алжира, Туниса или Марокко. Отвлечение сил Османской империи на войну с Россией и возможность контроля на правах военных союзников и советников над вооруженными силами Турции, включая ее северо-африканские территории, было умело использовано Англией и Францией для «расчистки» дороги и в Северную, и в Черную Африку, что южнее Сахары.

На территориях Османской империи в Северной Африке наиболее близко соприкасались границы колониальных империй Англии и Франции. Это усиливало их соперничество за влияние на турецкую армию, на возможности ее использования на рубежах колониальных владений в Африке. Армия Османской империи, перевооруженная и управляемая извне, могла быть нацелена на реализацию колониалистских планов держав за пределами Турции. В целом проблема «турецких сипаев» весьма убедительно вписывается в общее стремление Г. Пальмерстона и Наполеона III увеличить свои армии на перифериях колониальных владений, не прибегая к всеобщей мобилизации дома, в метрополиях. Лондону и Парижу было предпочтительнее действовать с помощью иностранных легионов, которые при необходимости могли транспортироваться их паровым флотом на большие расстояния — от Алжира до Бенгалии. Турецкая армия в этом отношении представлялась первым и самым перспективным опытом.

На ударную позицию выводилась Османская империя, оказавшаяся в 1850-х гг. в гораздо большем военно-политическом подчинении у западных держав по сравнению с Ираном, Китаем и Японией. Османская империя обладала необходимыми, с точки зрения держав, стратегическими данными и реформированной по европейскому образцу армией, вооруженной однотипным с Западной Европой стрелковым оружием и артиллерией, что существенно облегчало проблему снабжения турок боеприпасами, другим военным снаряжением. Однако сделало при этом турецкую армию и всю Османскую империю еще более зависимой от западных держав.

В начале войны

Итак, цели и задачи войны, ударное место в ней Османской империи были западноевропейскими державами определены. Изменение курса Высокой Порты в сторону мира могло сорвать длительно готовившуюся обширную экспансию держав. Этого не произошло, так как царь-рыцарь Николай I уже не мог не поднять расчетливо подброшенную ему перчатку.

Со стороны России эта «перчатка» выглядела как утрата Россией сколько-нибудь достойных уважения и признания в многомиллионном христианском православном мире позиций по защите Святых мест. Со стороны Турции «перчатка вызова» смотрелась как сохранение или потеря юрисдикции султана-халифа в Святой Земле, средоточии святынь трех мировых религий.

Высокая Порта рассматривала проблему участия христианских держав в судьбе иерусалимских Святых мест как закрепление ненавистного и нетерпимого для суверенной державы режима капитуляций, или иначе — неравноправных договоров Запада и России с Портой, заключенных в период с 1535 по 1774 г. — от Франциска I до Екатерины II. Любой, кроме султанского правления, режим Святых мест рассматривался Высокой Портой как коллективное или сепаратное вмешательство неисламских монархов с целью взять под контроль Святые реликвии и, по мнению султана и Порты, определять дальнейшую судьбу немусульманской, подавляющей, до 65–70 %, части населения Османской империи.

Для Англии, Франции, Австрии, других держав Европы Святые места действительно были связаны с последней возможностью минимизирующе воздействовать на Россию. И при этом одновременно решать перспективные проблемы культурно-религиозного манипулирования зоной высокой экономической значимости — Восточным Средиземноморьем, путями через Суэц в долину Тигра и Евфрата, через Синоп-Трабзон в Закавказье и далее на Средний Восток и в Индостан. Полузабытый Великий Шелковый путь и прогрессирующая военная мощь индустриальных держав! Мир мог быть иным, не подними Николай I сакраментальную «перчатку войны», но... Поразмыслите над этим, мой читатель.

В январе-феврале 1852 г. царь и султан обменялись письменными заверениями в стремлении сохранить мир. Абдул Меджид уверял Николая I, что считает своим личным долгом оберегать от злоупотреблений членов каких-либо конфессий христианские святыни в Иерусалиме; настаивал на своем праве проводить административные реформы, нужные его подданным всех религиозных убеждений⁵⁷.

Личные пометки Николая на неофициальных докладах ему от Нессельроде (5 и 26 апреля ст. ст. 1853 г.) свидетельствуют не в его пользу как прозорливого государя — император «закусил удила». Николай в этих пометках выражал твердое намерение занять Дунайские княжества, если Меншиков в Стамбуле не подпишет искомые соглашения. Следующий этап в таком случае включал признание Россией **независимости Дунайских княжеств** (последние три слова жирно подчеркнуты рукой царя. — *В. III.*).

Затем, полагал император, последует блокада Босфора. Следующим шагом ему видалось признание Россией **независимости Сербии** (снова подчеркнуто — *В. III.*).

⁵⁷ АВПРИ. Ф. Главный архив V-A₂. Подлинные послания Абдул Меджида Николаю I на старо-османском языке.

Николай на первом этапе полагался на моральную поддержку Австрии; на втором — угрожающее для султана приближение австрийских войск к турецким границам в Буковине; на третьем — занятие ее Австрией, а также «признание Австрией независимости соседних нам [турецких] провинций». Николай I полагал, что Австрия должна удовлетвориться заявлением о согласованности позиций Вены и Петербурга.

Немаловажным моментом Николай считал заявить Европе и Австрии в числе первоочередных демаршей о готовности России строго соблюдать в Турции интересы христиан-католиков при соблюдении австрийским императором интересов православных подданных Турции⁵⁸.

Полагаю, что это были не общие суждения императора великой державы. Николай ошибался, но попусту воздух не сотрясал никогда. В Стамбуле это прекрасно понимали и относились настороженно к любому заявлению или действию Петербурга.

В августе 1852 – феврале 1853 г. Россия поддержала крохотную Черногорию, подписавшую мирный договор с Турцией как суверенное княжество. Русские дипломаты добились отзыва с Балкан карателя балканцев, будущего героя войны 1853–1856 гг. Омер-паши. В Стамбуле в эти же тревожные месяцы султан раз за разом отвергал попытки французского и британского посланника «открыть туркам глаза» на вероломство России» во всем, что касается христиан и военных реформ в Турции.

Царь-рыцарь, полагая, что честность есть лучшая политика и что джентльмены на Темзе правильно поймут собратьев по клубу великих держав с берегов Невы, совершил две фатальных ошибки. Послу Англии в Петербурге он прозрачно намекнул на необходимость Лондону и Петербургу поскорее договориться о совместной позиции в отношении судьбы «больного человека на Босфоре». Он тотчас получил холодное до враждебности предостережение со стороны Англии — «воздерживаться от энергических развлечений и морских демонстраций для принуждения султана». Николай, естественно, взвинтился и «закусил удила». Все это блестяще изложено у Е. В. Тарле, но лично я, как автор и историк, здесь на стороне Николая.

Другая ошибка Николая состояла в выборе личности своего чрезвычайного посла в Стамбул. Морской министр и член негласного Азиатского комитета при государе с 1829 г. князь А. С. Меншиков к материи тончайшей, как лепесток едва раскрывшейся фиалки, именуемой *дипломатия*

⁵⁸ АВПРИ. Ф. Доклады, 1853 г. Д. 30. Л. 133–134 об.

на Востоке, имел отношение столь же далекое, как янычарский ага к управлению пансионом благородных девиц. Третий по личной доверенности после князя И. Ф. Паскевича и графа А. Ф. Орлова при августейшей особе князь Александр Сергеевич был безумно храбр, несметно богат, абсолютно честен и ... любому дураку говорил в глаза его диагноз. Нельзя было посылать героя войны с турками 1828–1829 гг., честнейшего вояку к прожженным интриганам, осевшим при султанском дворе. Не гнулась спина верного сына великой империи в среде паркетных шаркунов, как не сгибалась она и под пулями в боях.

Провал миссии Меншикова колоритно и как-то сладостно выписал Тарле, упустив в своем разоблачительстве промахов светлейшего князя содержание **личных** инструкций Николая своему сугубо доверенному посланцу. Эти бесценные документы ждут своих публикаций.

Речь шла о дополнительных инструкциях касательно нормализации положения на русско-турецкой границе в районе Гурии и Кабулети, о пресечении газетно-журнальной и иной антирусской «ажитации в пределах Османской империи, включая Сербию, Сирию и Палестину».

Детализировались перспективы роста торгового обмена морскими путями. В самой общей форме говорилось об удачных для обеих держав временах, когда их объединяли военные договоры. И не более того.

Отдельный проект касался уравнивания права России оказывать покровительство православным подданным султана в почти текстуальном совпадении с таковым же правом, зафиксированным во франко-турецкой конвенции от 1740 г.

А. С. Меншиков, который, согласно его личному дневнику, изначально зрил себя во главе десанта на Босфор, безглаголиво подаргивая раненным турецкой пулей плечом, демонстрировал недопустимое неуважение к османскому дворцовому протоколу на приамах. Посланники Англии и Франции раздували «досадные пассажи» Меншикова, запугивали султана: «Русские идут!». Абдул Меджид сделал в ответ на все нелепицы русского посла и демарши западных посланников отличный ход, оставшийся, увы, не замеченным ни тогдашней прессой, ни современными историками.

Второго дня месяца шабана 1269 г. хиджры, то есть 10 мая 1853 г., в ноте на имя Николая I султан брал на себя строгое обязательство ускорить и завершить разработку хатт-и хумайюна, иначе говоря — августейшего указа, предтечи знаменитого акта 1856 г. об уравнивании в правах христиан и мусульман при строгом соблюдении их интересов в Святых местах Палестины.

Формальная основа для урегулирования святоместных проблем была получена. Но это уже никого не интересовало — у войны своя логика.

Таковы основные вехи политического и дипломатического развития событий, малоизвестных или вовсе забытых, которые и привели к первому масштабному вооруженному противоборству держав эпохи промышленного капитализма.

«Печально приступили...»

26 июня (старого стиля) 1853 г. Николай I подписал Манифест о введении войск России в Дунайские княжества. 27 июня 1853 г. был обнаружен Манифест Высокой Порты к нации, призывавший к отпору врагу, но объявления войны не последовало. С 14 июня 1853 г. английская и французская эскадры стояли у входа в Дарданеллы, а посланники держав дорабатывали тексты залежавшегося военного договора держав с Турцией; султан с договором не спешил, но и не отказывался, как несколько месяцев назад.

Наиболее подготовленной к войне оказалась французская армия (около полумиллиона человек при 1182 орудиях). Уже несколько лет, после грозы 1848 г., она была готова как к акциям внутри страны, так и к действиям за рубежом. Затем шли турецкая (440–450 тыс. человек, 372 орудия) и сардинская (около 120 тыс. человек, 256 орудий).

Султаны готовили свою армию современного регулярного типа в течение 30 лет и добились немалых успехов. Сардинская, почти профессиональная по уровню подготовки, армия была готова к боевым действиям в любых условиях Южной Европы и Ближнего Востока.

Хуже были подготовлены русская и английская армии. Огромная русская армия (более одного миллиона человек на действительной службе) жила по законам и принципам крепостного права, давно изжитого на Западе и неизвестного в Османской империи. Яркие и точные оценки отсталости русской армии на всех уровнях и неподготовленности к боевым действиям в условиях многочисленных и разнесенных на тысячи верст театров военных действий дали М. И. Богданович, Н. И. Дубровин, А. М. Зайончковский, Е. А. Разин, Е. В. Тарле, И. В. Бестужев и др.

Наиболее полно и объективно моральный дух русской армии оценил «генерал от истории» А. М. Зайончковский в труде к 50-летию Крымской войны. «...Сила духа русского войска, его грозное спокойствие и беспримерная стойкость особенно проявлялись в минуту тяжелых испытаний,

когда для него наглядно была затронута честь русского государства или когда ему приходилось встречать врага на своей земле. Здесь русский солдат проявлял ту непреодолимую мощь, которая одинаково показала себя и в Отечественную войну 1812 г., и в Крымскую кампанию»⁵⁹. Автор привел также весьма нелицеприятную оценку высшего командного состава русской армии. Исходила она из уст барона Д. Е. Остен-Сакена, участника севастопольских боев: «Генералы наши, исключая единиц, не соответствуют офицерам и солдатам. Я не говорю о личной храбрости, которая одна не достаточна для генералов»⁶⁰.

Как точно подметил современный британский историк К. Хибберт (2004 г.), англичане и русские умели отменно маршировать и красиво умирать. Воевать и проигрывать большинство из них не умело.

В 1854 г. на действительной службе в британской армии состояло около 143 тысяч человек; в Британской Индии числилось более 300 тысяч сипаев и 35 тысяч собственно английских войск. Однако выделить для военных действий против России Англия смогла не более 30–35 тысяч солдат⁶¹.

Современники отмечали, что английская наемная армия приучена скорее к казарменному комфорту, чем к полевым условиям. «...Солдат отважен и стоек в бою, если он выпался, наелся и... выпил»⁶².

Французская армия, по оценке Зайончковского, строилась на «сознательном отношении к службе как офицеров, так и нижних чинов, считавших позором нарушать требования дисциплины... Война была нормальным явлением для французской армии, и короткие промежутки мира не давали ей возможности усваивать сопряженные с ним пагубные привычки»⁶³.

Все лето и начало осени 1853 г. на Дунайском театре происходило сосредоточение русских войск на левом берегу Дуная, турецких — на правом. Они выжидали. Последовало очередное заявление Австрии, которая

⁵⁹ Детальный поименный разбор служебных и личных качеств командования действующей армии по запискам современника. Зайончковский А. М. *Восточная война 1856–1853 гг.* Т. I. СПб.: Полигон, 2002. С. 520.

⁶⁰ См. нашу публикацию в журнале «Восточный Архив». № 14–15. М.: Изд. ИВ РАН, 2006.

⁶¹ *Army Estimates*. L., 1856. P. 4–5.

⁶² Хибберт К. *Крымская кампания 1854–1855*. Перев. с англ. М.: Центрполиграф, 2004. С. 21. Приношу благодарность школьному учителю и неугомонному исследователю С. П. Еремину (Москва) за возможность опереться на его блестящую диссертацию «Английская армия в Восточной войне 1853–1856 гг.» М., МПГУ, 2004.

⁶³ Зайончковский А. М. *Восточная война 1856–1853 гг.* Т. I. С. 595.

негласно вводила усиленные части в пограничные с Турцией районы и на словах предлагала примирительные усилия, известные как Венская нота от 2 августа 1853 г. Султану миротворческая лъстивость австрийского посла и посулы займов от австрийской ветви Дома Ротшильдов казались перспективнее, чем жесткая настойчивость французского и английского посланников.

26 сентября (нов. ст.) 1853 г. 160 высших сановников и священнослужителей Турции поддержали военный вариант разрешения конфликта и одобрили заем у «ингилизов» на строго военные цели. 1 октября (нового стиля) 1853 г. соответствующий султанский указ о войне с Россией в переводе турецких специалистов был отослан в столицы **западных** держав. России был предложен (4 октября) ультиматум о выводе русских войск из Дунайских княжеств. Двумя днями ранее последовала долгожданная на Западе личная просьба султана о введении эскадр Англии и Франции во внутреннее Мраморное море, фактически на стамбульский рейд. Таков выверенный мной по европейским и турецким источникам ход событий.

20 октября (1 ноября) 1853 г. Россия объявила о состоянии войны с Турцией. 22 октября (3 ноября) в официозном «Журналь де Санкт-Петербург» был опубликован царский манифест о состоянии войны с Турцией.

Анализ в совокупности турецких и европейских документов дает основание утверждать — Османская империя в бесконечных комбинациях европейских политиков искала и полагала, что нашла, свой шанс. Влиятельная часть генералитета и духовенства рассчитывала «под музыку европейского оркестра» вернуть себе Крым, часть Закавказья, заставить, наконец, Шамиля признать суверенитет Высокой Порты, подавить «христианских бунтовщиков» на Балканах и на Леванте, пересмотреть договоры 1774–1812 гг. Впечатляющие планы! В стамбульской прессе тех лет нет-нет, да и мелькали довольные замечания турецких финансистов, что война аннулировала обременительные для османского бюджета выплаты в пользу «этих ненасытных гяуров».

В среде историков, от Е. В. Тарле и после него, как-то забылось, что Россия постаралась возложить на Турцию бремя издержек присутствия русских войск в Дунайских княжествах в 1948–1849 гг. Исчисленная сумма в 3,5 миллиона рублей серебром за постой русских войск подлежала к выплате с 1 июля 1952 г. В канун конфликта, в 1853 г., Порта приготовила, но не спешила отдавать России около 2 миллионов курушей, т. е. 120 ты-

сяч рублей серебром⁶⁴. Огромная сумма для тощего турецкого бюджета, нацеленного на модернизацию страны.

На Дунайском театре стояла 87-тысячная русская армия, и она начала движение к мощной турецкой крепости Силистрия, где, как турки надеялись, русские увязнут, словно арба на дороге в распутицу. Так оно и случилось.

Главный же удар Анатолийская турецкая армия (или, по турецкой терминологии, корпус) наносила на Кавказе, где русский Отдельный Кавказский корпус (ОКК) был связан беспокоящими рейдами Шамиля и угрожавшими передвижениями войск шаха Ирана в Прикаспии. Что именно шахские войска могли сотворить в Армении, Грузии и Азербайджане, уцелевшие местные старики помнили с кровавого 1795 года. Поэтому прикрывать иранскую границу приходилось плотно, чем и воспользовались турки.

План вторжения на «русский Кавказ» был выработан стамбульским командованием, как следует из турецких документов, задолго до войны, еще в 1849–1850 гг., причем в полном секрете от будущих союзников. Считалось, что Кавказ — «дело исламское», османы решат его по-своему, без держав, «в подходящее время». Не получилось. Первые неудачи русского Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), нацеленного в 1840-х – начале 1850-х гг. в первую очередь на замирение повстанцев горного Кавказа, сменились в 1854–1856 гг. впечатляющими победами. Во-вторых, после формального заключения военного договора англичане жестко контролировали Анатолийский корпус, так как придерживали его для реализации своих собственных стратегических планов на Среднем Востоке и на Северном Кавказе, намеченных на 1857 – начало 1860-х гг.

Стратегической целью наступавшего по нескольким направлениям Анатолийского корпуса было овладение центрами русской военной и гражданской администрации в Закавказье — Тифлисом, а также Александрополем и Ахалцихом. Предполагалось также операциями военно-морского флота Турции без участия англо-французской эскадры обезопасить коммерческую и военную навигацию на линии Стамбул — Синоп — Трабзон — Батум и наладить подвоз оружия и боеприпасов горцам Шамиля, которого султан уже рассматривал в качестве вновь обретенного вассала. Рановато, как оказалось...

⁶⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, отчет за 1852 г. Л. 261–266.

Стратегической целью русского Отдельного Кавказского корпуса были мощная турецкая город-крепость Карс, где находился штаб Анатолийского османского корпуса, а также Эрзерум, Ардаган и Батум, т. е. узловые центры сухопутных и морских коммуникаций между Европой и Средним Востоком, проходивших через Трабзон — Эрзерум — Тебриз.

Первыми начали военные действия турки. 28 октября (старого стиля) 1853 г. силами турецкого десанта из Батума была захвачена небольшая русская крепость, скорее, таможенный пост на правом берегу реки Чолок. Однако дальнейшее наступление турок в Гурии, на Кутаисском направлении русскими войсками было приостановлено.

Крупные силы из состава Анатолийского корпуса действовали тем временем в Армении, на правом берегу реки Арпа-чай. 14 ноября 1853 г. в сражении при Баяндуре потрепанные в горной войне с Шамилем русские войска потерпели неудачу и понесли значительные потери. Причиной этого были неумелое командование, отсутствие налаженной разведки, громоздкое линейное построение русских боевых порядков, наконец, 5-кратное численное и 2-кратное в орудиях превосходство свежих регулярных турецких войск. Однако дальнейшее продвижение турецкого Ардаганского отряда на Тифлис через Ахалцих и Боржомское ущелье было приостановлено стойкими оборонительными действиями незначительных по сравнению с турками сил русских солдат при поддержке местных ополченцев. Заметим, среди них были и христиане, и мусульмане, оказавшиеся абсолютно невосприимчивыми к джихадским призывам эмиссаров Стамбула.

Джихад против исключительно православных русских, грузин и армян при том, что другие «неверные» (англичане, французы и прочие христиане) были признаны союзниками султана-халифа по «антирусскому джихаду», был, с точки зрения правоверного ислама, полным абсурдом. Напомним, что духовный и военный лидер горцев имам Шамиль и его сподвижники ратовали за чистоту ислама.

Еще более значимо положение, упущенное исследователями. Шамиль строил новое **исламское** государство с самим собой, наследственно, во главе, во многом используя, но всегда по-своему, ибо велик и мудр был этот горский лидер, идеи «пуритан и радикалов ислама» — ваххабитов Арабистана и отчасти идеи иранского шиизма. Реформы Танзимата, проводившиеся османскими султанами в этот период, их западный, далекий от традиционного ислама характер, будь они распространены на «Кавказ Шамиля», уничтожили бы саму почву для имамата Шамиля. Пришлось

бы сражаться и со Стамбулом султана-халифа, и с Петербургом русского царя, да еще и с гяурами-франками. Великий горец, «наемник капиталистов и слуга турок», по нелепой оценке Е. В. Тарле, избрал одного врага, которого признал всего через десяток лет своим покровителем — русского императора. Власти суннитов-реформаторов Шамиль — прагматик и суфий — предпочел далекого царя. Тегерану он не верил вообще, впрочем, ему там тоже не доверяли...

Вот главные причины, почему горцы не кинулись в кинжалы резать отступавших, малочисленных в начале войны русских солдат Отдельного Кавказского корпуса⁶⁵.

Уже 19 ноября (1 декабря) 1853 г. при селении Башкадыклар русские солдаты и грузинские ополченцы (около 12 тысяч человек) нанесли чувствительное поражение объединенным силам регулярной турецкой пехоты, польских легионеров и курдской конницы (не менее 21 тысячи человек). Сражение произошло почти синхронно с Синопским боем 18 (30) ноября 1853 г. Оба события стимулировали союзников на активизацию Крымской кампании.

Дальнейшие боевые столкновения зимой 1853-го и весной 1854 г. на Кавказском фронте решающего значения для хода войны не имели (Е.В. Тарле). Союзники, прежде всего англичане, в ходе кампаний на Кавказе в 1855–1856 гг. сосредоточили свои усилия (советники, новое вооружение, деньги) и энтузиазм османских генералов на укреплении и без того неприступного Карса (более 50 верст по окружности), а также крепостей Эрзерум, Батум и еще двух-трех поменьше. Все они располагались на подконтрольной Англии важнейшей торговой артерии Синоп — Трабзон — Тебриз — Британская Индия. Кроме того, Карс прикрывал направление на Месопотамию и Персидский залив от возможного наступления русских войск, чего панически боялся Лондон (не без основания); от шахского Ирана — Восточную Анатолию и Закавказье, которые Лондон уже считал зоной своих интересов.

В российском МИДе и в военном ведомстве внимательно следили за ситуацией и на Кавказе, и вблизи среднеазиатских границ. На Кавказе шла война, а общий курс дипломатии в Иране и Афганистане заключался в том, «...чтобы не подавать персианам повода к каким-либо законным жалобам или столкновениям на границе...»

⁶⁵ О внешнеполитических воззрениях и военной политике Шамиля подробнее см.: *Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия*. М.: Эхо Кавказа, 1997. С. 65–90.

Настороженность, вполне оправданную, вызвало у Петербурга известие о том, что в середине 1854 г. Тегеран посетила внушительная французская миссия. Целью миссии было «примирить шаха и англичан...», возможны были более глубокие варианты тройственного англо-ирано-французского сближения. Все закончилось франко-иранским торговым соглашением. Это хорошо, но что же делали некие французские наблюдатели в Коканде и Бухаре⁶⁶?

Уже после начала войны озабоченность в России вызывало и внезапное «возвышение интересов австрийских негодантов» к иранскому рынку. Впрочем, дальше помпезного визита тегеранских владык базара в Вену сюжет не получил развития. Однако англо-иранский договор 1856 г. упрочил влияние Англии в сопредельных России землях, а с учетом влияния англо-австрийских финансовых и коммерческих связей (Ротшильды, Ллойд и др.) обеспечил интересы австрийской транзитной торговли в Иран и через Иран, как это имело место в Османской империи. Австрия сумела кое-что выгадать, и не участвуя напрямую в восточном походе.

Вернемся к событиям военным. После плотной систематической осады и ряда кровопролитных для обеих сторон штурмов 14 (26) ноября 1855 г. 16-тысячный гарнизон Карса на самых почетных условиях (сохранение личного оружия офицеров, помощь всем раненым, свободный отъезд европейских волонтеров и т. д.) сдался войскам генерала Н. Н. Муравьева.

Для Османской империи Карс означал то же, что для России — Севастополь. Карс стал крупнейшей победой России в этой войне; козырной картой на грядущих мирных переговорах в Париже. Неоднозначные события 1853–1854 гг. происходили на европейском Театре военных действий.

Введение русских войск в Дунайские княжества не улучшило для России общую стратегическую обстановку. Прежде всего потому, что 81-тысячной армии вторжения под командованием генерал-адъютанта князя М. Д. Горчакова, человека предельно честного и абсолютно безынициативного, не представлявшего, как и его штаб, не говоря уж о войсках, конечной цели кампании за Дунаем, противостояла мощная турецкая армия. 145 тысяч хорошо обученных и лучше вооруженных солдат при почти 50-тысячном иррегулярном конном войске прекрасно знали, что гяуры пришли на *их* землю. 45-летний хорват Михаил Латтас, ставший мусульманином Омер-пашой, был опытным, умелым и осторожным военачальником, не боявшимся брать ответственность на себя. Увы, ни

⁶⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты Азиатского департамента, 1855 г. Л. 211, 220–22 об.

Горчаков, ни А. С. Меншиков позволить себе этого не могли. Хуже всего было то, что 4-миллионное население Дунайских княжеств отнюдь не бросало «в воздух чепчики» по случаю вторжения русских войск. Освободителей здесь вовсе не ждали.

Дело в том, что процесс в целом перспективных реформ, проводившихся сверху, из Стамбула, шел вовсю. Помощь от России в свое время (революционное движение 1848–1849 гг.) не пришла вовсе, а имела другую цель — подавить бурю в Австрии. «Туземец смотрит косо, а просишь пить — делает вид, что не понимает», — вот яркая запись офицера русской армии. Дунайские княжества уже сориентировались на экономическое сотрудничество с Францией, Австрией, Англией и на политическое (временно) подчинение султану. До 5–6 тысяч инсургентов, участников антицаристского восстания в Польше 1831 г. и в Венгрии 1849 г., рвались в бой и были отличным резервом для Омер-паши.

В сражениях при селениях Ольтенице и Четати, при крепости Журжево осенью 1853 г. русские войска потерпели тактические поражения от численно превосходившего их в два-три раза противника. Турецкие регулярные части были дисциплинированы, хорошо управляемы и, к изумлению наших офицеров, активно и умело вязывались во встречный штыковой (рукопашный) бой. Неопределенность позиции Петербурга «договариваться, устрашая, или воевать до победы» оборачивалась жизнями стойких, но не понимавших за что воюют, русских солдат.

Форсирование Дуная 11 (23) марта 1854 г. крупными силами во главе с «легендой русской армии», престарелым душителем повстанцев и героем прошлых войн с турками князем Варшавским, графом Эриванским И. Ф. Паскевичем не изменило общего рисунка боевых действий. В середине апреля 1854 г. началась и в июне того же года закончилась отступление русских войск, а точнее говоря, очередным поражением осады Силистрии. Гордость империи Османов на Дунае господствовала в стратегическом плане на Дунайском театре и прикрывала театр от потенциального вторжения австрийских войск.

Сказывались цепкое и умелое сопротивление турецкого гарнизона, нависшая угроза удара турок из узлового опорного пункта — крепости Шумла. Наконец, 19 тысяч англичан и 41 тысяча французов из союзной армии с июля 1854 г. находились в приморской крепости Варна. Вместе с почти 100-тысячной армией Омер-паши и при недружественном нейтралитете Австрии все эти силы могли легко смять неуверенного ни в себе, ни в войсках русского командующего. До фактического столкновения войск

дело не дошло, потери русской армии были значительными, но не боевыми (эпидемии, плохое питание, почти полное отсутствие медицинской службы, небрежность командования и т. д.).

Главное — русская армия избежала весьма отчетливо вырисовывавшегося поражения. Мы ушли из Европейской Турции непобежденными. Так осознали ситуацию в русской армии. Так оно и было.

Два главных события определяли общую перспективу в оценке событий конца 1853–1856 г. Это Синоп и Севастополь в военном плане. Затем мирные переговоры и договор о мире с державами в Париже.

Синопское сражение

18 (30) ноября 1853 г. в Синопской бухте под прикрытием береговых батарей из 38 орудий крупного калибра турки сосредоточили эскадру из 14 парусных, давно устаревших, но хорошо вооруженных кораблей (427 орудий), а также 2 пароходо-фрегата. На борту парусников находились войска и снаряжение для группы войск Кутаисского направления. Русская Черноморская эскадра под командованием П. С. Нахимова насчитывала 8 парусных кораблей, имела решающий перевес в количестве орудий (720) и в их качестве (72 бомбические пушки); неизменно более высокими были подготовка русских артиллеристов, морально-боевые качества русских моряков.

Смелый тактический замысел П. С. Нахимова состоял в нападении силами всей эскадры на скученно стоявшего на рейде противника, в эффективном использовании корабельной артиллерии всех калибров при сосредоточенном прицельном огне нескольких русских кораблей на одном турецком корабле или на батарее, в использовании высокой точности и скорострельности стрельбы⁶⁷. В полной мере оправдала себя нахимовская тактика постоянного боевого крейсерства, которую он отработал до совершенства в период своего участия в морской блокаде восточного побережья Кавказа в годы борьбы с Шамилем. Это позволило скрытно обнаружить врага, быстро поймать ветер, избежать прибрежных мелей и перестроиться для сокрушительной атаки.

30 ноября 1853 г. при Синопе состоялось последнее в истории крупное сражение парусных флотов. Была вписана славная страница в боевую летопись русского Черноморского флота. Очередная, после Чесмы

⁶⁷ О личности и роли П. С. Нахимова см. в данном сборнике статью «П. С. Нахимов. Труженик войны». — Ред.

и Наварина. Разгром старого турецкого парусного флота был полным — было уничтожено 15 кораблей и все береговые батареи. Турция больше не строила парусных кораблей. Русская эскадра потерь в кораблях не имела. На 268 убитых и раненых русских моряков пришлось около 3,5 тысяч потерь у турок.

Несмотря на то, что уничтожена была лишь устаревшая часть турецкого флота, сражение при Синопе сыграло решающую роль в подавлении инициативы противника — как Турции, так и англо-французской эскадры, на весь период войны на Черном море вплоть до самозатопления русской эскадры на севастопольском рейде.

Эвакуация Дунайских княжеств. Начало Крымской кампании

Победы российского оружия на суше и на море в исходе 1853 г. оказали принципиальное влияние на развитие вооруженного конфликта на Черном море и на его глобализацию. В Турции, по словам современника, иллюзии на победу рассеялись, как дым от кальяна, и зять султана засобирился с чрезвычайным посольством к русскому царю с просьбой о мире. Это он поспешил — державы срочно выделили султану льготный заем на военные цели (11 миллионов франков), а франко-английская эскадра, нарушая все международные конвенции, до **заклочения** формального военного договора прошла Босфор курсом на Варну. Цель — угрожать русской Дунайской армии с ее слабо защищенного фланга, т. е. с болгарского побережья.

31 декабря 1853 г. Высокая Порта обратилась к деклариовавшей себя посредником Австрии с предложением восстановить мир с Россией на условиях держав. Эту последнюю мирную инициативу турок никто просто **не услышал**. Вене, Лондону и Парижу нужна была война, а не русско-турецкий мир. Исследователи вообще «потеряли» эту ноту вплоть до 1986 г.⁶⁸

12 марта 1854 г. в Стамбуле был подписан первый в истории стран Ближнего Востока многосторонний (турецко-англо-французский) военный договор. 9 апреля 1854 г. — уже без турок и в секрете от них — был подписан англо-австро-франко-прусский Венский протокол о незаключении сепаратных соглашений с Россией. Вопрос о реформах для христианского населения Турции предполагалось решать и без России, и без...

⁶⁸ См.: Шеремет В. И. *Османская империя и Западная Европа*. С. 198.

Турции. Короче говоря, ситуация обострилась и обнажилась, как кинжал в схватке.

Державы приняли решение добивать Россию на ее территории. В августе 1854 г. (одновременно с захватом Аландского архипелага на Балтике) союзники окончательно договорились об экспедиции в Крым. Главной целью была база Черноморского флота — Севастополь. Военные займы, которые должны были намертво пристегнуть Турцию к колеснице союзников, были согласованы. Австрия и Пруссия в апреле 1854 г. прикрылись дополнительным соглашением о мирных гарантиях в пользу Австрии, и Вена поспешила подписать со Стамбулом Военную конвенцию об оккупации Дунайских княжеств, полностью оставленных русскими войсками. Австрия и Пруссия высказались за свою долю при переделе сфер влияния на Балканах и на Леванте. Разумеется, по завершении русской экспедиции союзников.

Тем временем англо-французские войска оккупировали город Пирей в Греции, где ожидалось выступление греков в пользу России. К августу 1854 г. британские ружья, деньги и советники помогли Порте блокировать развитие курдского повстанческого движения, к которому могли присоединиться греки, армяне, айсоры, арабы Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Опасались, что и здесь Россия «приложит руку».

Однако державы стягивали вокруг России кольцо удушения не только через восточные окраины.

19 (31) августа 1853 г. союзники приняли последний вариант операции в Крыму. Высадка интервентов в незащищенной Евпатории началась в начале 9-го утра 14 сентября 1854 г.: около 28 тысяч англичан, до 8 тысяч турок и примерно 28–29 тысяч французов. Разбросанные от реки Альма до Севастополя, им противостояли не более 60 тысяч сухопутных русских войск, 34 тысячи человек личного состава числились по Черноморскому флоту. Общее командование силами армии и флота было возложено на князя А. С. Меншикова. Злые языки утверждали, что он так хотел стать во главе Босфорской экспедиции, что «накликал Босфор себе на голову».

О личностях нашего высшего комсостава написано много. Оценим интервентов.

Командовал английскими войсками лорд Фитцрой Джеймс Генри Сомерсет (1787–1855), одиннадцатый (самый младший) сын герцога Боуферта, ставший в 1852 г. первым лордом Рагланом. Корнет в 15 лет, лейтенант в 19, подполковник в 23 года, Фитцрой Сомерсет в 39 лет стал генерал-майором; кавалер ордена Бани (Англия), орденов Марии-Терезии

(Австрия), Святого Георгия (Россия) и т. д. Он сорок лет прослужил верой, правдой и всей душой при великом полководце, победителе Наполеона герцоге Веллингтоне, был рядом с ним при Ватерлоо, где потерял руку. Предельно скромный, честный, он не был генератором новых идей ни в военном деле, ни в политике — за шесть лет пребывания в Парламенте от него не услышали ни одного выступления, ни даже разговоров в кулуарах. Был холоден к живописи, книгам и музыке, предан идее величия Британской империи, прост в общении и любим в войсках. Ему было почти 70 лет, когда за «блестящую выдержку и тактичность», за отменный французский язык и, главное, за то, что тень великого герцога Веллингтона осеняла его благородное чело, лорд Раглан был предпочтен королевой Викторией и назначен (при трех сильных конкурентах) главнокомандующим на Востоке. Он сделал все, что мог, для победы под Севастополем, стал фельдмаршалом за Инкерман, но холера и осознание полной безнадежности «предприятия» унесли этого выдающегося человека 18 июня (нового стиля) 1855 г.

Совершенно иным по складу ума и характера был французский командующий, выходец из мелкобуржуазных кругов, талантливый во всем, кондотьер по призванию А. Ж. Сент-Арно. Он на деле был душой и мозгом армии.

За его спиной были опыт массовых «зачисток» повстанцев в колониальном Алжире и боев 1848 г. на улицах Парижа, знаменитый Иностраннный легион — «приют храбрецов и висельников». Годами балансируя между приступами личной храбрости, воинского искусства и полной беспринципности, А. Ж. Сент-Арно упорно шел к своей главной цели: «я должен прославиться».

Из рук Наполеона III Сент-Арно, деятельно помогавший совершить переворот и возвыситься племяннику гения с манерами элегантно авантюриста, получил в 1852 г. маршальский жезл и «всесилие на Востоке». В пределах, впрочем, экспедиционной армии в России. Государевым, т. е. наполеоновским оком при А. Ж. Сент-Арно был его старший адъютант и второе «я» Наполеона III полковник Трошу. Беспощадный к себе, к солдатам, прекрасный тактик, маршал Сент-Арно не мог, по определению, стать победителем в России. Его любимые «африканцы» прошли и по Южной стороне, и по Малахову кургану, но Сент-Арно не получил триумфа. Непостижимая стойкость русских солдат — «они, русские, — говорил Сент-Арно, — не умеют сдаваться», — непоколебимое спокойствие его коллеги, британского командующего, необходимость считаться с «какими-то

турками» — союзниками по коалиции, явные просчеты и тайные планы парижского командования, нескончаемые тяготы «этой безумной войны» сжигали маршала. И, увы, дикая антисанитария во французском лагере... Все это свело в могилу под Севастополем и этого героя колониальных войн.

Преемником Сент-Арно по личному приказу Наполеона III стал сорокапятiletний «колониальный генерал» Франсуа Канробер. Император Франции вообще доверял «алжирцам», возвышал безоглядно тех, кто пошел с ним на декабрьский государственный переворот и тем более, как Ф. Канробер, безжалостно расстреливал врагов Наполеона «по единому движению лихо закрученных императорских усов». Мастер усмирять беспорядки в бедуинских кочевьях и городских кварталах, склонный к драматичности поз, наработанных в месяцы личного адъютантства при особе Наполеона III, Ф. Канробер оставался по сути умелым колониальным офицером, но не более того: настороженным к опасности, заботливым к подчиненным, быстрым в движениях и в принятии решений. Он, так же, как и Сент-Арно, был шокирован «непостижимым мужеством» солдат и офицеров русской армии. В конце концов Севастополь подкосил и его. Правда, не жизнь, а карьеру.

Крымская война оказалась первой для Европы войной «механизированной». Были использованы и чисто военные технологии — и русские, и союзники активно ставили морские минные заграждения, не только англо-французские части, но и турецкая армия была вооружена новейшими нарезными ружьями... Не были забыты и технологии гражданские. Для снабжения войск союзников в Крыму активно использовались пароходы, для удобства передвижения союзники прокладывали узкоколейные железнодорожные пути. Не говорю уже о том, что новейшее искусство фотографии вышло за пределы модных студий и пришло на поля сражений, правда, пока запечатлевая в основном славные страницы парадов и побед, но не горечь самых страшных страниц войны. Английский фотограф, первый в мире военный фотокорреспондент Роджер Фентон создал впечатляющую коллекцию снимков, посвященных жизни английского лагеря в Крыму (сейчас вся коллекция, 363 снимка, хранится в Библиотеке Конгресса США).

Кроме того, это была первая война, когда информация с театра военных действий становилась известной в западных столицах чуть ли не в считанные часы: на помощь пришел телеграф. Он и стал причиной скандальной отставки Ф. Канробера.

В начале апреля 1855 г. артиллерия союзников бомбардировала укрепления Севастополя на протяжении десяти дней. По логике военной науки, после этого должен был последовать штурм с участием войск всех союзников. Но командующие начали активно советоваться относительно различных деталей предполагаемого наступления с вышестоящим начальством, пребывавшим, соответственно, в Стамбуле, Лондоне и Париже. Из столиц требовали уточнить те или иные аспекты предполагаемых действий, стремясь согласовать все мелочи не на месте действия, а в штабах и военных министерствах. Споры длились четыре недели!

У Канробера лопнуло терпение. В ярости от такого мелочного вмешательства далекого штабного начальства в свои действия он подал в отставку с поста главнокомандующего и остался в Крыму в качестве командира корпуса, а затем пехотной дивизии.

Его преемником стал генерал Ж.-Ж. Пелисье, о котором тот же Роджер Фентон, обладавший острым глазом художника, сказал, что он напоминал дикого кабана. В отличие от куда более деликатного Канробера, Пелисье не терпел вмешательства Парижа в свои дела и вскоре даже на прямые указания Наполеона III стал отвечать весьма невежливо...

Отличался от своих коллег-союзников равный им по званию турецкий командующий. Омер-паша, этнический хорват, католик по вере, принял ислам в 21 год. Благодаря хорошему образованию (он был выпускником кадетской школы в австрийском Задаре), военным дарованиям, исключительному трудолюбию, стойкости к воинским невзгодам и лишениям был уважаем в войсках. От султана получил высший воинский чин в Турции — мушира и полное доверие. Даже снобы — британские высшие офицеры отзывались о нем: «В отличие от прочих турок [в составе союзных войск. — *В. III.*], ненавидит показуху, обладает дьявольской энергией. Он очень спортивен, отлично ездит верхом и вообще обожает лошадей...» Каратель в балканских провинциях, Ирии и Курдистане, Омер-паша умел, однако, считать боевые варианты; он изначально был против десанта на Крым, много лучше других понимая силу русских. Он вообще берег свои войска как мог. При первой возможности постарался лучшие части перебросить в Мингрелию и сам ушел подальше от своих «преданных союзников». Дожил до глубокой почтенной старости в своем босфорском имении, оставил массу детей и любопытные мемуары...

Таковы краткие эскизы облика командующих тремя армиями вторжения в Крым.

Севастополь — наша боль и наша слава

Дорогу к Севастополю интервенты прошли совсем не так легко и уверенно, как произвели высадку. 8 (20) сентября 1854 г. при крохотной речушке Альма произошло первое столкновение союзников и русских войск. Русские позиции были предпочтительными, поскольку опирались на господствующие высоты, но остались совершенно необорудованными. Двукратное превосходство в живой силе и несоизмеримость нарезных штуцеров против русских гладкостволок решило дело в пользу союзников, несмотря на разногласия Сент-Арно и лорда Раглана. Дико читаются британские документы о трофеях. А. С. Меншиков как главнокомандующий самонадеянно пригласил со специального помоста понаблюдать «за его победой» дам из «приличного крымского общества». Русские войска были разбиты, всех дам без потерь увезли с поля битвы еще до окончания боя, а англичане собрали трофеи — массу театральных биноклей, зонтиков и очень милых шляпок.

Союзники потеряли до 4,5 тысяч человек, наша армия — почти 6 тысяч. Впрочем, союзники, как писал француз-современник, после Альмы «разучились громко смеяться».

Союзники подступали к Севастополю, «слава Богу, — как сказал адмирал В. И. Корнилов, — прогулочным шагом». Дело в том, что интервенты были удивлены, как чисты, ухожены и даже богаты личные дома русских. Они не знали, куда девать награбленное — хрустальные люстры выше человеческого роста, прекрасный фарфор и позолоченные безделушки. «Никогда в жизни не ел столько жирной курятины, кур мы ловили прямо на марше», — отписал домой один из участников вторжения в этот богатый край России.

Игривость тона камуфлировала отнюдь не победные настроения в армии союзников — сказывались многотысячные потери в личном составе и неколебимая стойкость русских боевых порядков. Наступать в глубину полуострова, т. е. на Симферополь, все три союзных командующих побоялись. Не решились они и с ходу атаковать Севастополь. За 10–11 дней передышки, которую наши войска получили после высадки союзников, В. А. Корнилов, возглавивший оборону города-крепости, совершил почти невозможное. Была создана укрепленная позиция протяженностью почти в 2 километра, где разместились на оборудованных позициях 29 орудий большого калибра и заняли рубежи более 11 тысяч солдат гарнизона. 9 (21) сентября 1853 г. семь кораблей были затоплены и загородили собой вход в бухту, матросы ушли на позиции.

Корнилов был везде, его слышали и видели все — от князя до рядового. Отметим, что невероятный по физической тяжести труд оборудования закрытых позиций и пр. вершился со словом Божиим, солдаты, матросы и горожане «внимали В. А. Корнилову с беспредельной доверенностью и горячей молитвой».

Вице-адмирал Корнилов отличался той особой религиозностью русско-го военного человека, которая в трудную минуту личной, или, что важнее, общей опасности давала ему полную уверенность в помощи Господней. Притом что он лично и все его окружавшие точно и наилучшим образом выполнили свои воинские обязанности, истовая вера спланивала всех перед интервентами.

Особо ценил вице-адмирал присутствие священников в боевых порядках. В его глазах мир земной и мир горний были практически неразделимы в великой и тяжелой страде обороны Отечества. Вера и Верность были для него неразрывны, и единство это служило опорой ему и вселяло силу в солдат и матросов и после гибели Корнилова.

«Донесите вы до солдата слово Господа нашего Иисуса Христа, а потом я и сам доведу до него слова государя императора», — говорил он священникам. Сочетание горячей искренней любви и трезвого командирского расчета, казалось, помогали Корнилову перенести все — и неприязнь к нему князя А. С. Меншикова, и практически непреодолимые проблемы организации обороны почти с нуля.

Видевший его в последние недели жизни штабной офицер записал «для памяти себе и для науки внукам»: «...С губ адмирала не сходила легкая улыбка. Его глаза, всегда такие пронизывающие и все понимающие, сияли ярче обычного. Он держал голову всегда гордо и прямо, всегда несколько сутулый, он, казалось, выпрямился и стал выше ростом».

Корнилов, получив приказ отстоять Севастополь любой ценой, воспринял это как испытание в вере. Любимец Николая, он отверг предложенный ему царем перевод на относительно спокойную службу на Балтике, отослал жену с детьми, в том числе с новорожденной дочерью, а сам решил разделить участь флота. Он как герой погиб на боевом посту 5 (17) октября.

Его преемника П. С. Нахимова, человека одинокого, вся жизнь которого прошла на кораблях, на флоте да и в войсках любили за глубокую человечность, за бережность к жизни рядового, за личную скромность и мужество. Его называли в глаза не по должности, а по имени-отчеству, за глаза — с суровой нежностью — наш «Нахименка-бесшабашный».

Он был смертельно ранен на Малаховом кургане 16 (28) июня 1854 г. и скончался два дня спустя.

В. А. Корнилов, П. С. Нахимов и их верные соратники адмирал В. И. Истомин (третий организатор обороны Севастополя, убитый прямым попаданием вражеского ядра возле Малахова кургана 7 марта 1855 г.) и военный инженер Э. И. Тотлебен сумели в сложнейших условиях под огнем противника совершенствовать оборону города, создавать систему укреплений, многие из которых остались неприступными твердынями.

38-летний подполковник Эдуард (Франц) Иванович Тотлебен, прибалтийский пруссак по происхождению и внешности (могучий рост и крепость тела, властные манеры при пронзительном холодном взгляде), был истинно русским патриотом. Он, служака и чистая душа, не распознал в главнокомандующем А. С. Меншикове скрытую неуверенность честолюбца и как-то раз резанул тому в глаза правду-матку о слабости севастопольских укреплений как следствии его, Меншикова, промахов. Несмотря на полную уверенность со стороны князя М. Д. Горчакова, оценившего широту и таланты молодого фортификатора еще при Силистрии, а возможно, и вопреки поддержке Горчакова, умнейший, но обидчивый до детскости в поступках и завистливый к чужой сильной мысли, светлейший князь Меншиков сходу отверг блестящую идею Э. И. Тотлебена о немедленном начале работ над эластичной и мобильной системой оборонительных сооружений Севастополя. Мол, уже осень, разве противник решится высаживаться на берег в такое время года! А тот решился. И теперь прочная, глубоко эшелонированная оборона Севастополя возводилась усилиями солдат, матросов и всего населения буквально под огнем противника.

От идеи взять Севастополь с ходу союзникам пришлось отказаться. Началась осада города. Тотлебен продолжал руководить оборонительными работами, но после ранения был вынужден оставить Севастополь. Но это позже. А пока...

Как уже сказано выше, Меншиков, натура которого годилась скорее для красочной битвы в поле, чем цепкой обороны крепости, не сильно озаботился укреплением сухопутной части Севастополя. Поэтому англо-франко-турецкий десант, несмотря на «заминку» при Альме, 29 сентября создал реальную угрозу для города и базы Черноморского флота. Русская сухопутная армия дважды пыталась остановить наступление союзников, но неудачно. А.С. Меншиков всю жизнь прожил беззаботно, «по обстоятельствам», и здесь, под Севастополем, руководствовался тем же принципом. Не прошло...

Замедленность действий Меншикова и его полевой армии стимулировали французов и англичан на обходные маневры на суше, с тем, чтобы сначала разбить осажденных на Южной, хуже оборудованной стороне, а потом добивать — на Северной.

5 (17) октября 1854 г. состоялась массированная артиллерийская обработка союзниками укреплений Южной стороны. 1462 орудия интервентов, разумеется, могли бы подавить 270 русских орудий в ходе шестичасового огневого шквала. Людей наших подавить было невозможно. Они устояли. Интервенты на наступление в этот день не решились, перенесли генеральный штурм Севастополя на 6 (18) ноября 1854 г.

За этот месяц произошли существенные подвижки в ситуации. В бою при Балаклаве, главной опорной базе союзников, русские войска проявили оперативную инициативу, но без необходимого усиления второй линии наступления, которое и захлебнулось. Сказались также «нестроения» союзников и слабая управляемость тремя национальными группировками, в результате чего бессмысленно (но не бесславно!) под нашими пушками полегла почти вся бригада английской легкой кавалерии, ее краса и гордость, сыновья британской аристократии...

Можно сказать — они искали славы. Мы защищали свою землю, иначе быть не могло.

Балаклава, Альма, редуты и бастионы Севастополя несколько взрумили тех в Лондоне и Париже, кто бросил свою молодежь на Россию. Еще раз отложить генеральный штурм союзников заставило сражение на Инкерманском плато, одном из доминирующих над Севастополем. Инициатива русских войск снова была парализована плохой управляемостью и несовместимостью наших плотных боевых порядков с противостоянием скорострельному нарезному оружию интервентов. Более 10 600 наших солдат и офицеров только в этом бою заплатили жизнью за военно-техническую отсталость своей страны. Союзники потеряли около 4 700 человек. И все же, безнадежный для нас штурм Севастополя союзники еще раз отсрочили. Развернулась позиционная война.

Инвалиды, горожане и монахи против морского десанта союзников

На Балтике и в Беломорье союзники воспользовались стратегией косвенных сближений. Морская кампания союзников на Балтике имела основной целью изолировать Россию от потенциального и опасного для

Англии по стратегическим соображениям союзника — Дании, от принадлежавших России территорий в Финляндии, от Швеции. Они стремились нанести максимальный урон устаревшему, но с огромной огневой мощью русскому парусному Балтийскому флоту, мечтали жестко блокировать Гельсингфорс, Свеаборг и Кронштадт. Главное было ослабить Россию на Балтике и закрыть по возможности надолго выход в Атлантику.

В середине июня 1854 г. адмирал Чарльз Нейпир покружил вблизи Кронштадта и убедился в его неприступности. Что до шальной идеи британских лордов прорваться в Петербург, то посол Сеймур заметил, что вообще-то можно, но Зимний дворец слишком велик, чтобы «перенести его и водрузить в Трафальгарском сквере» в Лондоне. Неприступны были берега и порты в Эстонии и Латвии. Оставался Бомарсунд — крепость и культурно-торговый центр Аландского архипелага, что лежит между Финляндией и Швецией (сейчас под юрисдикцией Финляндии) и с 1809 г. входил в состав России. Сейчас и тогда эти острова были предметом споров между шведами и финнами.

Аландским кусочком сыра Лондон надеялся заманить в ловушку Швецию и включить ее в стародавний (еще 1788 г.) план союза с Турцией при патронаже Лондона, а потом быстренько поделить в России, «что захватить удастся». Ведь в свое время, в эпоху войны 1787–1791 гг., турки готовы были послать янычар на штурм Петергофа (!), а шведскому королю Густаву III мерещился победный шведский поход к Персидскому заливу⁶⁹...

В 1854 г. планы были примерно на том же уровне, с разницей в том, что на Аландах стояло при орудиях всего 1600 человек из 2175 человек гарнизона, живших в недостроенных укреплениях, и размещались устаревшие на полсотни лет орудия малого калибра. 12-тысячный десант (преимущественно французских моряков) не решился штурмовать крохотный гарнизон, отвечавший убийственной меткостью огня. 123 русских солдата центрального форта держались под прицельным, как на учениях, огнем англо-французской эскадры ровно неделю. В плен попали, отказавшись сдаться, тяжело раненный командир подполковник Тешэ и 4 или 5 комендоров. Живые русские солдаты ушли в город Або непообежденными. Французский командующий десантом Барагэ д'Илье дал знать стоявшим насмерть героям, что озлобленные французы готовы к штыковому удару и не пощадят никого. Гарнизон (в живых осталось менее полусотни человек) решил спасти семьи мирных жителей и сложил оружие.

⁶⁹ Подробнее см.: Шеремет В. И., Зеленина Л. В. *Тень за троном*. М.: РИПОЛ-КЛАССИК; Наталис, 2006.

Шел август 1854 года. Русские ушли из Силистрии, союзники еще не осели под Севастополем. Кроважадному читателю на Сене и Темзе нужны были сведения о великих победах на Востоке, где именно — под Кюстенджи, Ольтеницей или Або — значения не имело. В глазах «военных партий» Европы разгром и полное уничтожение Бомарсунда должны были уравновесить шокирующий эффект нахимовского триумфа при Синопе.

Русские могилы, часто безымянные, ухожены и бережно охраняются памятными на Добро и Честь жителями современных Аланд (лето 2005 г.). В России все пережившие плен у британцев бомарсундцы были награждены и отмечены Александром II.

Тогда, в 1854 г. в Соловецком монастыре и на самих островах несвойственные сану и возрасту обязанности старшего воинского начальника взял на себя архимандрит Александр. Белое море подверглось вторжению двух 60-пушечных паровых британских фрегатов. Монахи и инвалидная команда располагали двумя трехфунтовыми пушчонками, 20 пудами пороха и массой топоры и секиры времен царя Федора Иоанновича. Девятичасовая прицельная пальба по стенам монастыря успеха интервентам не принесла — монастырь и его насельники от предложения сдаться отказались. Они решили умереть в бою. Убоявшись очевидной стойкости невидимого за вековыми стенами противника, фрегаты ретировались без десантирования.

Жестоким бомбардировкам в августе 1854 г. был подвергнут г. Кола. Маленький приморский городок под Архангельском (всего 745 жителей!), где стояло гарнизоном 50 инвалидов, при поддержке горожан отбил три попытки британского десанта. Городок был разрушен английской бортовой артиллерией полностью, но люди устояли и тем возвысили русский флаг на Белом море.

1–2 сентября 1854 г. порт Петропавловск-на-Камчатке был подвергнут мощному артиллерийскому обстрелу англо-французской эскадры (126 дальноточных орудий). Затем последовал десант, численностью до 1000 человек, который обрушился на главные городские укрепления.

Менее 300 русских матросов при поддержке всего одной конной пушки взяли интервентов в штаны. Победили мужество и умение сражаться компактными боевыми группами в 30–40 человек. До трети интервентов и 115–120 русских пали в этом кровавом боестолкновении. Тогда же стало известно о смерти британского адмирала Д. П. Прайса. Ходили слухи, что тот покончил с собой, сказав окружению, что это самый большой позор британского флага... Адмиралтейство Великобритании лишило всех уцелевших офицеров знаков отличия.

Россия устояла на своих самых дальних и незащищенных ничем, кроме воинской доблести своих сыновей, позициях. Наш легендарный адмирал Г. И. Невельской заметил в своих записках, что в Лондоне и Париже после невероятного с военной точки зрения успеха полубезоружного гарнизона Петропавловска раздавались голоса, требовавшие наказать Россию тотальным потоплением всех судов под российским флагом, встречаемых в Тихом океане.

Заметим здесь, что не слишком масштабные, но сугубо победные «деяния простого народа» на Балтике и на Камчатке, а именно так осознавали их, например, бывшие декабристы, гармонизировали сложные отношения в российском обществе. Знаменитый декабрист Сергей Трубецкой называл победу на Камчатке «домашним делом» из-за русской привычки считать всю Сибирь «одним двором, одним семейством»⁷⁰.

Таков был резонанс героических усилий русских людей в самых далеких уголках великой державы. Фрагментарность событий и низкий уровень боестолкновений на Балтике, русском Севере и на Камчатке не следует преуменьшать. Наши предки сражались в абсолютно безнадежных на успех условиях и побеждали. Они, монахи, горожане, солдаты и матросы, не дали державам **установить систему анклавов**, без своих войск, на русской земле. Подобная тактика в эту эпоху, например, в многомиллионном Китае в 1840-х – 1850-х гг. сработала безупречно для интервентов.

Угроза на западных границах

Можно сколько угодно ругать нерешительность А. С. Меншикова и «старческую вялость» И. Ф. Паскевича в Варшаве. «Клевреты царя» (А. И. Герцен) знали больше, чем говорили. Австрия подготовила осенью 1854 г. ударную группу войск в 125 тысяч человек в Галиции. Пруссия придвинула к вождленным границам Царства Польского до 180 тысяч отборных войск. По сугубо закрытому мнению руководства Военным министерством, «выдержать общую войну со всею Европою Россия могла бы не иначе, как имея всегда по полумиллиону войск»⁷¹. В наличии под ружьем было на конец 1854 года 186 тысяч человек.

С наибольшей четкостью и прямоотой остроту ситуации сформулировал в исходе 1855 – первые дни 1856 г. мудрый воин и «ревнитель госу-

⁷⁰ Рекомендую для юношества книгу А. И. Шепарневой «Крымская война в оценке русского общественного мнения. 1855–1856». Орел, 2005.

⁷¹ Цит. по: Бескровный Л. Г. *Русское военное искусство XIX в.* М.: Наука, 1974. С. 268.

дарственности российской» Паскевич в записке лично к императору. «... Сохранение Крыма и побережья Черного моря едва ли не гораздо важнее не только влиянием на Европу, но и на Азию и в особенности на наши закавказские области; я, однако же, отнюдь не полагаю, чтобы для сохранения нашего обладания на Юге следовало бы бросить Польшу без боя». Предлагалось на западном направлении (Петербург, Прибалтика, Финляндия, Польша) сосредоточить 347 батальонов пехоты, в Южной полевой армии иметь 165 батальонов и в Крыму — 434,5 батальона⁷².

Приоритеты были обозначены. Судьба Севастополя вырисовывалась вполне определенно.

Острой проблемой для наших войск на всех театрах военных действий явился «нежданный вовсе властями» (Б. Н. Чичерин) недостаток минимально обученного резерва и «малое до изумления» (Б. Н. Чичерин) число добровольцев. 29 декабря 1854 г. (10 января 1855 г.) появился Манифест о созыве Государственного подвижного ополчения.

Придать событиям характер Отечественной войны, однако, не получилось. Числившиеся на бумаге 359 тысяч человек собирались на основе *общинной повинности*. Это было не земское, *народное* по сути войско, а резерв Действующей армии. Выборными были (и не все) офицерские должности, на усмотрение местного дворянства. Личность *вождя* — «сурового проконсула Кавказа» и героя войны 1812 г. А. П. Ермолова не устроила Николая I. Проблема «зависла», а там и «войну повели к окончанию» (А. Б. Никитенко). Заметим, что обстоятельства и перспективы этого ополчения совершенно не изучены в нашей литературе.

Малоизвестен нашей читающей аудитории даже сам вопрос о первоначальном, как тогда, писали, «воспламенителе войны» в сознании российского общества.

Восточный вопрос и русское общественное мнение

События, связанные с обострением русско-турецких отношений и с последовавшей войной, всколыхнули общественное мнение России, но не столь глубоко, как ее последствия. Остается в литературе слабо освещенным вопрос об отношении русского общества к проблеме турецких реформ (Танзимат), к русско-турецким отношениям вообще как к состав-

⁷² Цит. и расчет см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА (Военно-ученый архив). Д. 5584. Л. 4–400.

ной части Восточного вопроса, стимулированного до кризисной фазы внешними факторами.

Острый кризис 1853 г. в отношениях с Турцией, внешне весьма благоприятно развивавшихся, как уже говорилось, после Ункяр-Искелессийского союзного договора 1833 г. и отмеченных военным сотрудничеством в 1848–1849 гг., был достаточно неожиданным для широких кругов русской общественности. В России со времен М. И. Кутузова и его небрежного — «турку мы всегда побьем» привыкли свысока говорить о турецких реформах, о шаткости политики Высокой Порты. Поэтому жесткий тон, уверенная мотивация позиции турецких памфлетистов, не только на равных соперничавших с дипломатами и публицистами под прикрытием П. А. Чихачевым, К. М. Базили, Л. О. Тенгоборским в 1850–1853 гг. на страницах европейской периодики, но и весьма успешно привлекавших к танзиматорам симпатии европейской общественности, вызвали в русской печати вначале растерянность, затем разброд оценок и лишь в отдельных случаях стремление разобраться, а что же, собственно, происходит.

В условиях достаточно распространенного под воздействием панславизма и официозных маршей «Москвитянина» сочувственного отношения в России к «войне за Святые места» уже в самом начале ее формировалась у части русского общества мнение, что «не турок есть подлинный противник России». По словам современника — публициста Д. П. Мордовцева, появлялось, кроме того, ощущение, «как многого России недостает, чтобы торжествовать над всеми». Вооруженное столкновение с Турцией поставило перед думающей Россией вопрос, насколько глубоко оказались реформы у южного соседа, которого почитали лениво дремлющим с кальяном, а тот оказался сытым, бодрым, хорошо одетым и со скорострельным штуцером в руке.

«В начале войны, — писал осенью 1856 г. видный критик николаевской рутины, западник П. А. Грановский, — за исключением немногих благомыслящих, все шло смело, без рассуждений, хотя и без патриотического воодушевления за правительством. Мы так были уверены в своей силе, что все дело принимали почти за шутку... Оказалось — турок не шутит... Трудно приходится нам в неравной борьбе...»

Турецкий вопрос в его дипломатическом и военно-политическом аспектах послужил своеобразным индикатором уровня оппозиционности к царизму в различных и по-разному его критиковавших кругах русского общества. Осмысление во многом ошибочности прежних представлений

о реформах в Турции содействовало эволюции взглядов либеральных критиков царизма. Коснемся некоторых из них.

Славянофилы 1840–1850 гг. А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков и К. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев, А. П. Блудова и другие полагали русскую и шире — православную, прежде всего славянскую, общину идеалом общественного развития и средством противодействия капитализму, как они его понимали, в России, на Леванте и на Балканах. Обострение Восточного вопроса, включая конфликт с Турцией, воспринималось ими через перспективу движения патриархальных общинников-славян под эгидой «царя-батюшки» против западного капитализма, прежде всего в лице Австрии (!), и восточного деспотизма с «западными подпорками» — то есть Высокой Порты. Единственное решение турецкого вопроса, которое они видели накануне и в начале кризиса 1850-х гг., состояло в сокрушении Турции, становившейся, на их взгляд, оплотом индустриального Запада, в овладении Стамбулом (Константинополем) и в создании некоего «славянского единения».

Наиболее дальновидные из славянофилов увидели, что за столкновением с турками неизбежно последует война с европейскими державами (ожидали — с Австрией и Англией). Однако и они (А. С. Хомяков, А. Д. Попов) упорствовали в идее «святой войны» (далеко ли уходя от «священной войны» — джихада, за которую ратовали в Стамбуле). Они не увидели глобальности катастрофы в столкновении с союзом капиталистических держав и реформированной ими Турции. Славянофилы неправомерно преувеличивали готовность царизма «спасти единоверцев» и лишь давали повод турецким памфлетистам на страницах прессы Англии, Франции, Бельгии сообщать о захватнических настроениях в русском обществе.

Вероятно, из этих кругов только дипломат, поэт и мыслитель Ф. И. Тютчев, профессионально изучавший Восточный вопрос, уже осенью 1853 г. сумел понять, что перед Россией главный противник не Турция, как трубил официоз, а западные державы, Турцию использовавшие. Он, правда, весьма идеалистически расценивал причины обострения турецкого вопроса в 1850-х гг. как конфликт между славянством-православием и западным безбожием — революцией. Тютчев сокрушался, что, дескать, «революция захватила уже и Стамбул». Он скорее как опытный дипломат, чем вдохновенный поэт, пришел к выводу, одним из первых в России, о столкновении феодальных устоев России с кардинальными переменами в обществе, идущими на Запад, в качестве главного содержания событий первой половины 1850-х гг.

Под влиянием изначально оказавшейся гораздо более тяжелой войны с турками и их союзниками, чем ожидалось, наиболее трезво настроенные славянофилы переходили от утопических планов «благоустройства христианских подданных Порты» к реалистичной критике внутреннего положения в России, где ситуация с личными свободами податного населения была хуже, чем в не знавшей крепостничества Турции.

В России 1850-х гг., когда, по словам П. А. Грановского, «голос имеет одно правительство, да тупые или немые патриоты, зовущие турка побить», война с Турцией заставила взглянуть критически на всю внутреннюю и внешнюю политику империи даже такого верного адепта царизма, как М. П. Погодин. Начав с одобрения Крымской войны, в которой он сначала узрел борьбу с «турецким варварством», Погодин по мере развития событий начал все более глубоко задумываться, почему «варвары-турки» лучше одеты, вооружены и обучены, почему народы Европы видят в самодержавной русской политике «главнейшее препятствие их развитию и преуспеванию».

Исследователь истории русского панславизма У. Пихт (Германия) в обстоятельной монографии о Погодине (1960) акцентировал крайнюю националистичность публикаций Погодина в 1853–1856 гг. Он убеждает читателя, что его труды якобы статично следовали задачам царской дипломатии в решении того, что Пихт называет «славянский вопрос в Османской империи». Возможно, это верно, но развитие во взглядах Погодина и славянофилов вообще происходило, и весьма интенсивно, в короткие месяцы начала (до Севастополя) войны с Турцией и державами, а затем произошла смена парадигмы развития России.

Известно, что в конце 1854 – начале 1855 г. при сокращении своих внешнеполитических высказываний Погодин в ряде статей и выступлениях по внутренним проблемам все больше ратовал за развитие просвещения и организацию специального образования в гражданской и военной сфере, за промышленное развитие и совершенствование путей сообщения, высказывая новые для него идеи в рамках буржуазной реформаторской направленности. Учитывал он и определенный успех преобразований эпохи Танзимата. Каково для николаевской России? «Больной человек на Босфоре» в качестве примера? Это сейчас все очевидно, а 150 лет назад...

В конце 1840-х гг. Погодин призывал сколачивать «славный союзец» миллионов славян под сенью самодержавия. Турецкий вопрос тогда заключался для него прежде всего в освобождении от османского ига всех славян. За это он деятельно ратовал, опираясь на личные связи с пред-

ставителями общественности славянских народностей. Где восточные православные люди Ближнего Востока — осталось и ему, и мне, в 2006 г., не ясно.

Кризисное развитие русско-турецких отношений в 1852–1854 гг. воспринималось Погодиным как близкое крушение двух главных угнетателей своих христианских подданных — Турции и Австрии. Однако не произошло ни «всеобщего воодушевления славян», ни увенчания российской монархии. Россия «терпела укорот», а подданные Османской империи с нетерпением ожидали не мифического освобождения, а окончания войны и осуществления обещанных Портой реформ.

С конца 1854 г. все реже звучат его «общеславянские беседы», он больше не прогнозирует судьбу Турции, а все более говорит о русской действительности. В его призывах слышится скорее страх перед революцией, которая от его «возлюбленных славян» может перекинуться на Россию, а не перспективы возрождения утраченной века назад государственности христианских подданных Порты. Однако отчетливо видно и стремление уберечь самодержавие от воздействия пагубного примера. Влияние Погодина на губернскую публику, мало знакомую с идеями вестернизации, было велико, и любое его сомнение шло на пользу критических программ осмысления русской действительности с привлечением турецких примеров.

Тенденция обратиться к внутреннему «неустройству России» в период войны с Турцией прослеживается в письмах других славянофилов в 1854–1856 гг. См., например, переписку А. С. Хомякова и А. Н. Языкова об исключительной важности проблемы крепостничества по сравнению с «цареградским вопросом», т. е. с падением Царьграда в русские руки и прочей ерундой.

Обострение отношений с Турцией было использовано также группой либералов-западников для осуждения с новых буржуазных позиций внутренней и внешней политики царизма. Своего рода программным документом западников явилась статья Б. Н. Чичерина по Восточному вопросу, в которой с наибольшей полнотой отразились и политическая изоляция режима Николая I, и оторванность его от динамических сдвигов в мире, и крайняя отсталость царизма в экономическом отношении, даже по сравнению с европеизировавшейся Турцией.

В среде западников весомо прозвучал и голос Грановского, который первым из современников в России заявил, что «война России с Турцией — это война с реформами». Западные державы хотя бы словом поддержива-

ли турецкое реформаторство, а Россия, по Грановскому, — старотурецкий уклад. «У нас самих, — с горечью, предвидя военное поражение, писал он, — все общественное устройство основано на тех же началах», (что и в султанской Турции. — *В. III*).

Патриот России Грановский объективно видел, что Турция оказалась в подчиненном положении в рамках военного союза с державами. Вероятно, единственный из общественных деятелей России этих лет, Грановский заинтересованно отметил, что для Турции «война вредна», а перспектива остаться независимой от могущественных военных союзников Англии и Франции весьма слаба. «Турция неминуемо должна совершенно внутренне преобразоваться или пасть», — писал он. Поскольку интересам России больше отвечает сохранение Турции, чем усиление других держав за ее счет, то продолжение реформ в послевоенной Турции и сближение с ней России отвечало бы, по мнению Грановского, и российским видам на Ближнем Востоке.

Западники Грановский и Чичерин на примере крупных просчетов царской политики в отношениях с Турцией показали, что «произвольность и нелепость» действий царизма в делах собственной страны переносились на внешнюю политику, тогда как действия другой стороны объективно не оценивались. Однако разоблачительные мотивы в их характеристике восточной политики Николая I были больше полемикой со славянофильством о «крестовом походе рыцарей христианства против угнетателей — турок».

Чичерин противопоставлял гибкую политику продвижения на Ближний Восток с учетом всех фактов международных отношений в Европе «любому твердолобству». Один из первых отечественных историков новой формации, Чичерин указал на связь внутренней и внешней политики России на Востоке, на необходимость «материальными средствами», то есть экономическими преобразованиями обеспечить активную восточную политику России, и прежде всего в отношении Османской Турции.

В заключение уместно привести несколько оценок турецкого вопроса русскими революционными демократами. Моя, авторская негативная оценка «размахивания топором» очевидна, но Чернышевский, если не витийствовал, был прозорлив и корректен. Он возлагал ответственность за обострение Восточного вопроса и отношений с Турцией в начале 50-х гг. прежде всего на правительство бывшего «гения республики, ставшего императором» — Наполеона III. Тот нарушил «тишину в Европе», чтобы «отвлечь внимание Франции от внутренних постыдных дел шумом иностранной политики». Чернышевский справедливо упрекал в разжигании

кризиса также и российских «трактирных бреттеров», маниловых, собакевичей, чичиковых, наводнявших царскую Россию этого периода.

Хорошо известна убедительная характеристика причин враждебности английских фабрикантов и промышленников США, положенная Чернышевским в основу его анализа Гражданской войны в США. Однако позиция Англии в начале 50-х гг. и принципиальное значение англо-русского торгового соперничества в Проливах, в Галаце, на Дунае и в Трапезунде трактуются Чернышевским, увы, как второстепенные по сравнению с тщеславными хитросплетениями кучки европейских дипломатов и амбициозных распрей двух деспотических монархий — России и Турции.

У Чернышевского встречались фритредерские идеи, близкие к взглядам Кобдена и Брайта, об исключительно торговых интересах России в Проливах и неизменном ее стремлении к сохранению мира с Турцией при полной ненужности для России Черноморских проливов. Вместе с тем оценки Чернышевского, сделанные им в полемической форме разбора фундаментального труда английского участника событий под Севастополем А. У. Кинглейка о Крымской войне, имели важное значение для последующего формирования русского общественного мнения. Именно Чернышевский дал отповедь славянофильской проповеди «всеславянского братства», но, в отличие от либералов-западников, он указывал, что царизм, «освобождающий славян», принесет им лишь иную форму угнетения.

Многие, даже радикально настроенные современники второй половины 1850-х — начала 1860-х гг. считали турецкую проблему вообще обременительной для русской дипломатии, склонялись к абсурдной по определению идее восстановления влияния России в Стамбуле силой оружия. «Скептик и циник» Чернышевский не только положительно оценивал возможность позитивного решения Восточного вопроса и конфликта с Турцией, что нередко вовсе отрицалось, но и намечал реальный для этого путь: создание федерации демократических национальных государств на месте деспотических режимов, таких, как Австрия, Турция и, конечно, Россия.

Чернышевский, единственный из общественных деятелей того времени, призывал отделить отношение к Османской империи как деспотическому государству от отношения к турецкому народу, носителю ряда положительных черт, рядом с которым, по его словам, было бы «легко уживаться славянам».

История его поддержала нашими, т. е. России после 1991 г., отношениями с Турцией как со стабильным и перспективным партнером в широкой сфере добрососедских контактов.

Единственным препятствием тогда, в 1850-х гг., по Чернышевскому, были русский царь и турецкий султан, мешающие подлинной свободе русского и турецкого народов, их равноправию на основе дружбы. Довольно сложно спорить по этому поводу, да и стоит ли? В конце концов, Турецкая республика после 1923 г. разрубила вместе с державами и Россией Восточный вопрос.

Обстоятельства крайнего обострения кризиса самодержавия в новой фазе конфликта с Турцией оказали мощное воздействие и на формирование взглядов молодого Н. А. Добролюбова. Особенно важно, что в 1854–1856 гг., когда в войну с Россией оказались втянутыми 10–12 народностей Европы и Азии, Добролюбов приближался к убеждению, что подлинный мир между народами и их сближение возможно только на путях глубокого социального «обновления народов». При этом Россия, избавившаяся от внутренних угнетателей, вошла бы в братство с другими народами, и возможно, Турция была бы в числе первых.

Волею судьбы в период всего развития Восточной (Крымской) войны представителем русской общественности на Западе был А. И. Герцен. Его взгляды времен Крымской войны, связи с либеральной критикой, публицистическая деятельность рассматривались в литературе, хотя его полемика с турецкими разведчиками-памфлетистами в Бельгии должна быть раскрыта отдельно⁷³.

Здесь следовало бы отметить следующее. Турецкий вопрос и отношения с Портой воспринимались Герценом не столько как международные проблемы, что было характерно для его современников, сколько как проявление предопределенного судьбами исторического развития столкновения славянскообщинной России с индустриальным Западом. С конца 1840-х гг. Герцен развивал идею о неизбежной войне между Россией и Турцией, которая положила бы конец не только угнетению славян и православных вообще султаном, но и самодержавию в России как следствие. Герцену виделась некая абстрактная социальная демократическая федерация со столицей в Стамбуле.

По мере обострения Восточного вопроса и отношений с Портой после 1851 г. он все более отчетливо понимал (особенно после государственно-

⁷³ Подробности см.: Шерemet В. И. *Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века*. М.: Наука, 1986.

го переворота Луи-Наполеона во Франции), что развитие кризиса идет в направлении столкновения России с Францией, которой война нужна в первую очередь, а также с Англией, и лишь вторично втягивается Турция, которую державы делают «застрельщиком войны».

Герцен напрочь отметал в своих выступлениях и письмах столь распространенные тогда в печати Запада и у некоторых русских публицистов утверждения об извечном антагонизме русских и турок, о некоей вражде Креста и Полумесяца. За что ему безмерная признательность от нас, живущих в тревогах начала XXI века. Он доказывал, что конфликт раздираемых противоречиями европейских держав более значителен, чем русско-турецкий конфликт, что простые люди имеют общего врага — феодальные монархии и общую цель — социальную революцию. Глубже многих современников понимая эволюцию интересов держав Европы и России, он, в отличие от Чернышевского, резко обличал колониальные планы Англии на Ближнем Востоке. Ошибаясь в оценке революционной ситуации в Европе и переоценивая силу турецкой реакции, Герцен вместе с тем умел делать и конкретные выводы в изменившейся ситуации. Призыв к революции он дополнил уже в ходе русско-турецкой войны призывом к русским солдатам «воспользоваться бурей», объединившись со всем трудовым людом, смести царизм. Первый призыв к вакханалии гражданской войны?

В 1854–1855 гг. Герцен снимает всякие упоминания о Стамбуле как о столице действительно нелепого по сути «демократического славянского братства». Он приходит к убеждению, что установление подлинного мира «праздника народной братовщины» и, естественно, завершение конфликта, в который оказались втянуты народы России, Турции и Европы, возможно, но только с победой социализма. Речь шла об утопическом славянском «общинном социализме». Впрочем, идея радикального завершения войны с Турцией и Восточного вопроса воплотилась, когда рухнули романовская Россия и османская Турция в горниле событий 1914–1918 гг. Так или иначе, но революции на Неве и на Босфоре обеспечили решение Восточного вопроса.

Турецкий вопрос как часть Восточного вопроса, таким образом, явился не только пробным камнем взглядов многих общественно-политических деятелей России середины XIX в., но и содействовал более определенному выяснению их позиций. Россия двинулась навстречу новому подъему в общественном развитии. Пробуждалось и общественное сознание турецкого этноса в Османской империи. Впрочем, это уже другая книга...

Общественное мнение в стане наших противников также заслуживает особой книги. Здесь ограничимся следующим обзором. Эра промышленной революции с ее практически моментальной телеграфной связью и скоростными по тем временам паровыми судами обеспечила доселе невиданный обмен информацией. Телеграфная связь Лондон — Ставка союзников под Севастополем — Калькутта и Бомбей (Индия) работала бесперебойно и, разумеется, использовалась англичанами в военных целях.

Никогда доселе не нагнеталось столько антирусского психоза в западном, да и в восточном общественном сознании. Причем от Лондона до Дели и Мельбурна. Из Австралии, например, поступали под Балаклаву сведения, что «волонтеры в Сиднее и Мельбурне упражняются в стрельбе и рукопашном бою, что они придут на помощь собратьям под Севастополь и отразят при случае русский десант в Австралии». Из Бомбея и Калькутты сообщали, что «там спешно складывают печи для каления ядер, которыми будут отбиваться от вторжения русских». Телеграф приносил сведения, что Англия разрешила своим сипаям наниматься на военную службу к хану Коканда, и что англо-мусульманские войска будут сражаться с русскими от Босфора до Пешавара. Разве что Тропическую Африку не «поднимали в ружьи» под крики прессы «русские идут!».

Вполне реалистически и без огласки начал осуществляться план Банка Ротшильда о создании Отдельного еврейского корпуса из числа *яхуди* — иудейских подданных султана. Вооружение, содержание — полностью от Банка Ротшильда, офицеры — англичане. Военно-учебный центр планировался близ современного города Хайфа. Стратегический план корпуса — высадка в Одессе и стремительный рейд на север (Киев — Варшава) для освобождения Украины и Польши от власти царя. Идея, живо и гласно дискутировавшаяся в британском парламенте, поддерживалась крупным англо-еврейским капиталом в Лондоне и в Турции и отвечала планам Лондона о переселении какой-то части еврейского населения Европы в Палестину. При этом гарантии держав по нейтрализации Иерусалима должны были уравновесить всполошившие финансово-дипломатические круги предложения России об Иерусалимском пашалыке.

Ротшильды и Монтефиоре уже начали было под Яффой создавать центры боевой подготовки этого корпуса под видом работ по посадке цитрусовых плантаций. Сдача Южной стороны и затем Парижский мир приостановили эту многоцелевую комбинацию.

Вооруженное столкновение России и Турции на Кавказе и на Дунае ускорили присылку в Стамбул 31 января (нов. ст.) 1854 г. деятельного и энергичного посланника Северо-Американских Соединенных Штатов. Новый посланник сосредоточился на сути конфликта России и Турции.

Собственно Малая Азия, даже Балканы и Левант не занимали серьезных позиций в перечне приоритетов САСШ на Востоке. Первые места принадлежали Европе, Тихому океану, Японии, России, странам Магриба. В январе 1854 г. министр иностранных дел Англии лорд Дж. Кларендон попытался было припугнуть американцев «счастливым согласием и полным взаимопониманием» между Англией и Францией. Причем не только на Востоке, но во всех других частях мира⁷⁴. Вашингтон сделал свой выбор в пользу врага Англии — России, слишком большое ослабление которой в Европе могло бы стимулировать недавнюю по историческим меркам метрополию, то есть Англию, на усиление своих позиций в Новом свете.

В американской прессе в начале 1854 г. прокатилась волна статей в пользу союза с Россией, что с удовлетворением отметила пресса в России. (См. «Московские ведомости» от 22 июля 1854 г.).

Интервенция союзников в Крым и осада Севастополя были довольно долго объектом искажавших ситуацию, часто совершенно фантастических сообщений британской прессы. Иной информации у Вашингтона почти не было. Однако и верить тому, что «русский царь сбежал из своего Ледового (Зимнего) дворца и скрывается где-то в лесах между Москвой и Казанью», здравомыслившая и неизменно настороженная по отношению к «птичкам с Флит-стрит» Америка не хотела. Правда о стойкости Севастополя и восторженно воспринятая в сначала в Калифорнии, а затем и в других штатах весть о «позорной эскападе, кровавой промашке» союзников у Петропавловска-на-Камчатке, судя по сообщениям русских дипломатов в Америке, окончательно переломили мнения американцев в пользу России. Окрепло намерение Вашингтона узнать из первых рук о том, как «старая Россия» оставила за флагом «драчливого галльского петушка и облезлого британского льва» (из «Московских ведомостей» за 1855 г.)⁷⁵.

В Америке нашлось несколько сотен добровольцев, готовых принять участие в обороне Севастополя. Их просьба была вежливо, но твердо отклонена, так как Петербургу было важнее знать, что англичане не смогут

⁷⁴ *Hansard's Parliamentary Debates*. 3rd series. Vol. CXXX. P. 43.

⁷⁵ См.: Болховитинов Н. Н., Полевой Б. П. Общественность США и оборона Севастополя. *Новая и новейшая история*. 1978. № 4. С. 42–44.

привлечь деятельных мореходов западного побережья США к пиратству на русском Дальнем Востоке и т. д. Зато 43 высокопрофессионально подготовленных врача-добровольца помогали лечить русских раненых в Крыму.

Несколько офицеров-американцев тщательно изучали опыт борьбы севастопольского порта и портовых укреплений против комбинированных действий десанта и флота. Они выполняли прямое указание военного министра США. Их опыт считался очень ценным в период Гражданской войны в США и организации обороны Нью-Йорка. Удивляет, насколько точны были данные американских военных о составе, боевых качествах и потерях сторон в Крымской кампании⁷⁶.

Первыми в западном мире, возможно, именно американцы выдвинули на страницах «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Геральд» и других газет мысль о том, что «Севастополь — это не Петербург», что падение Малахова кургана есть лишь частный эпизод, а Россия не проиграла войну, а «свернула ее». Отмечалась позитивная роль России в 1830 г., позволившая США установить дипломатические и выгодные торговые (судоходство в Средиземном море) отношения с Высокой Портой⁷⁷.

В ходе войны наметились перспективные проекты на закупки в США современного стрелкового оружия (Кольт и др.), а также в отношении судоходства в Русской Америке. Впрочем, звучали и другие голоса о необходимости избавиться от русского присутствия на Аляске и в той же «Русской Америке»...

Парижский мир был встречен в Америке с определенным разочарованием: деловые круги не заработали на военных поставках, «красномундирщиков»-англичан русские мало потрепали... В целом же события 1853–1856 гг. продвинули русско-американские отношения в сторону лучшего понимания интересов сторон. Коммодор М. Перри, под прицелом своих скорострельных корабельных пушек взломавший самоизоляцию Японии (1854), вполне сочувствовал доблестным русским морякам, но высказывал некоторое сожаление, что война России с Англией и Францией не продлилась подольше... В успехах русского флота он, впрочем, не сомневался.

⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2352. Материалы переписки военного министра США с великим князем Константином Николаевичем, февраль 1860 г.

⁷⁷ Подробнее см.: Шерemet В. И. *Турция и Адрианоопольский мир 1829 года*. М.: Наука, 1975. Подборку материалов см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1856 г. Д. 241 (брошюры, пресса США времен войны); «Морской сборник», 1858, № 12 (обзоры прессы, мнения военных и пр.).

Оставление Южной стороны Севастополя

После Инкермана, его потерь и крайнего ожесточения в бою обе стороны несколько изменили тактику. Русские войска старались беспокоящими вылазками и комбинацией полевой и крепостной систем обороны оттеснить интервентов от городских укреплений. Противник наращивал силы — подошли сардинские и новые турецкие войска, вел минную войну, накапливал оружейные припасы и личное оружие. Совершенствовались средства связи, управляемость и координация действий флота и сухопутных сил. Создавалась новая инфраструктура в зоне боевых действий — узкоколейка, гужевые дороги, терминалы и пр.

Союзники хорошо понимали, что если война для России и не приобрела общенародный характер, то это по неорганизованности генералов, а не от недостатка патриотизма. Можно было подстегивать усердие турок и зуавов-африканцев расстрелами из пушек на манер расправ с сипаями (опыт на сей счет у английских офицеров, переведенных из Британской Индии, был отмененный). Можно было вдохновлять турецкое правительство очередным крупным военным займом (турки получили 8 млн фунтов стерлингов займов, истратили еще 11 млн фунтов своих средств, а долги за участие в войне платили до 1914 г.). Нетрудно было обещать Сардинскому королевству территориальные приращения, прозрачно намекать на выгоды Австрии, Пруссии, Швеции... Но бурлила Британская Индия, где вскоре начнется грозное антиколониальное сипайское восстание. Непокойно было во Франции. Лондону, Парижу, да и Стамбулу, где всн чаще вспыхивали острые бунты против разнузданно державшихся в исламском городе союзников-оккупантов и раздавались требования туркам быстро-быстро уйти из Крыма, срочно были нужны победные акции. Близилась кульминация севастопольской эпопеи.

Ситуация в гарнизоне весной — летом 1855 г. ухудшалась. Были большие потери в личном составе, из-за отсутствия боеприпасов нередко молчали наши пушки. Самоотверженность русских врачей во главе с создателем военно-полевой хирургии Н. И. Пироговым и женщин из местного населения (Д. Ткач — Даша Севастопольская, Варя Велижева и др.) не могла восполнить катастрофическую нехватку самого примитивного инструмента и перевязочных средств. Дерзкие по смелости, хорошо продуманные вылазки охотников-добровольцев (первые герои морской пехоты — П. Кошка, П. Шевченко, А. Рыбаков и др.) отбили у французов и турок охоту к рукопашному бою. Изменить общую ситуацию, переломить ее в пользу

осажденных было реально, как считает авторитетный английский историк Кристофер Хибберт (2004), опираясь на растущую боевую инициативу русских войск, на увеличение численности гарнизона (до 110 тысяч человек) и уверенность, обретаемую постепенно, командования⁷⁸.

Кончина Николая I (18 февраля 1855 г.), увольнение им буквально в последние часы жизни с поста главнокомандующего А. С. Меншикова и назначение деловитого П. Д. Горчакова (17 февраля 1855 г.), неудачная попытка русских войск отбить Евпаторию (17 февраля 1855 г.), а также прибытие свежих войск союзников — все это стимулировало их осадные работы. Упорно носился слух, что сам (!) Наполеон III прибудет под Севастополь, и уж тогда...

28 апреля 1855 г. на Елисейских полях произошло малопонятное покушение на Наполеона III, и он отказался от идеи «совершить личный поход на Россию». А если в Севастополь прибудет молодой и энергичный Александр II? — озабоченно вопрошали союзники и писали домой тревожные письма.

6 (18) июня 1855 г. союзники предприняли мощную артиллерийскую обработку русских укреплений и пошли в атаку. Потеряв до 16 000 человек (против 4 800 у русских), союзники споткнулись на боевой выучке и мужестве русских солдат и матросов. Злейшие враги Николаевской России К. Маркс и Ф. Энгельс признали, что союзники потерпели первое серьезное поражение. Однако закрепить успех в сражении при реке Черная 6 (18) июня Горчаков не сумел, потерял до 8 000 человек и на сей раз утратил всякую инициативу.

Новые командующие союзников — решительный и беспощадный Ж.-Ж. Пелисье, недавно ставший маршалом, третий у французов после А. Ж. Сент-Арно и Ф. Канробера, и терявшийся на фоне «бешеных французов» британский генерал У. Симпсон повели свои войска на последний штурм становившегося для них братской могилой Севастополя.

Последовали 17–20 августа и 5–8 сентября (нов. ст.) 1855 г. обстрелы основных укреплений огнем из 807 орудий (против 540 у русских). В атаку на главные опорные точки обороны 2-й бастион и Малахов курган союзники (при решающей роли Пелисье) бросили 57 500 человек против 40 тысяч защитников города. Штурм начался 8 сентября 1855 года около полудня. К исходу дня бои затихли.

Наши солдаты и матросы выходили из-под огня кто группами, кто поодиночке с полностью расстрелянными подсумками и изломанными

⁷⁸ Хибберт К. *Крымская кампания 1854–1855 гг.* / Перев. с англ. М.: Центрполиграф, 2004.

в штыковых схватках ружьями. Напряженные и кровопролитные бои закончились взятием только Малахова кургана, но это была высота, где против 1 400 наших героев действовало более 6 тысяч французов. Она господствовала над городом, над переправой между Северной и Южной сторонами. Русское командование приняло единственно верное решение. В ночь на 9 сентября 1855 г. русские войска неожиданно для неприятеля взорвали склады и укрепления и, разводя за собой понтонный мост, в полном порядке отошли на Северную сторону. Через два дня вблизи от нее были затоплены остатки Черноморского флота — 12 парусных кораблей, 10 пароходофрегат, 6 транспортов.

Седоусые, прокопченные пороховой гарью, израненные ветераны Наварина и Синопа со слезами на глазах вставали на колени. В лучах предзакатного солнца под воду уходила черноморская слава России...

Союзники вошли в разгромленную и безжизненно пустынную Южную часть города. Русские войска готовы были продолжать борьбу. Стало «ясно, что Севастополь не истощил силы России в такой мере, как силы союзников», — разочарованно подвел Ф. Энгельс итог 349-дневной обороне города.

Разгромлены наголову были «паркетные генералы». Боевые — оставались со своими солдатами. Непокоренными уходили офицеры и рядовые — герои Балаклавы, Инкермана и Малахова кургана. Мы потеряли при обороне Севастополя 102 тысячи человек, союзники — 71 тысячу...

50-тысячная русская армия заняла господствующие Инкерманские и Мекензиевы высоты и уже в свою очередь систематически громила огнем интервентов, пытавшихся закрепиться на Южной стороне. Союзники тщетно попытались прощупать нашу оборону в Керченском проливе, под Одессой, Николаевом, Херсоном, Очаковом, в Днепро-Бугском лимане. Занять им удалось лишь Кинбурн при 30-кратном перевесе сил и при оборонительных сооружениях времен А. В. Суворова (1787–1788).

Россия сосредоточилась. Россия вставала на большую и беспощадную войну. К этому союзники оказались не готовы. Дальше Южной стороны Севастополя в Россию им ходу не было. Героическая 11-месячная оборона Севастополя стала одним из выдающихся военных событий нового времени. В истории русского военного искусства — это пример совместных действий армии и флота перед лицом технически и численно преобладавшего противника. Морально-боевые качества русских воинов и патриотизм населения, сражавшегося рядом с войсками, были проявлением единства нашего народа перед лицом иностранного вторжения.

Тайная война на переговорах о мире

Мирные переговоры, как правило, выявляют скрытые мотивы войны. Так было и на парижских мирных переговорах. Россия на Востоке (державы включали сюда и Черное море с Кавказом) и положение христиан в Османской империи — вот главные проблемы, вокруг которых сконцентрировалась борьба на мирном конгрессе в Париже.

Обсуждение тех или иных вариантов вывода России за предел возможности оказывать влияние на положение христианской церкви на Востоке предпринимались державами-союзниками еще до Парижа. При активном посредничестве Австрии в течение 1854–1855 гг. состоялось 14 (!) заседаний по предварительным условиям в Вене и одно — в Стамбуле. Выявилась взаимосвязь ограничительных намерений интервентов в отношении Черноморского флота и судеб христиан на Балканах и на Леванте.

Еще шла война, а русская дипломатия уже выдвинула перед державами «Предложения относительно прав христиан и их церкви». Документ был примечателен стремлением возложить на религиозные общины обязанности и права по развитию реформаторского движения в Османской империи. Святые места Палестины без детализации включались в общую канву межконфессионального и гражданского урегулирования. «Предложения» России были с большим подъемом встречены в среде православных и в Сиро-Палестинском районе, и на Балканах. Однако Высокая Порта не увидела в документе «своего вопроса» о капитуляциях, а державы Запада — механизма «выдавливания» России из христианской среды региона.

Следующий шаг России сделала уже в ходе мирных переговоров в Париже (февраль – март 1856 г.). Глава русской делегации генерал-адъютант и шеф Корпуса жандармов А.Ф. Орлов изначально предложил заложить в трактат о мире статью о совместных гарантиях держав равных прав всем миллетам (общинам) и равных прав подданных султана вне их вероисповедания. «Да это хуже ноты Меншикова в 1853 году», — воскликнул Дж. Кларендон, глава английской делегации, и уронил свеженабитую трубку. Он предпринял попытку «забыть» о Святых местах и связать права христиан в Дунайских княжествах с отказом России в пользу Турции от всех ее земель на левом берегу реки Кубань. Это был откровенный шаг Лондона к столь желанному разделу Юга России.

На заседании 26 февраля 1856 г. английская делегация сделала попытку увязать в один пакет возвращение России разгромленных Аландских островов с ее отказом от стратегического Карса и с прекращением

«протектората России в Имеретии, Гурии, Абхазии и Мингрелии». Это означало бы отдать державам всю Грузию, добровольно вошедшую в состав России. А. Ф. Орлов сделал вид, что ничего не понял в проекте. Он просто встал и вышел, пожав плечами — господа, здесь нет предмета для обсуждения.

Далее я вновь принципиально расхожусь с Е. В. Тарле, утверждавшим, что выдвинутый вслед за этим унижительным для России предложением вопрос о положении христиан в Турции «не имел даже и тени серьезного, реального значения в тот момент»⁷⁹.

Ситуация складывалась так. А. Ф. Орлов вне заседаний, кулуарно, достиг прямого согласования позиций с турецкой делегацией о демилитаризации Аландских островов и о нейтрализации Черного моря, кое в чем уступив туркам. В свою очередь личный и доверенный представитель султана великий везир Али-паша проявил понимание в защите А. Ф. Орловым позиций России в Восточном вопросе. Только поэтому, то есть благодаря русско-турецкому взаимопониманию, срыва работы конференции, как надеялась британская делегация, не произошло.

«Оставались еще некоторые трудности», — легко взмахнул пером Тарле. На деле это были интересы России в христианском мире в целом и в вопросе о судьбах единоверцев в контексте османских реформ. Не меньше трудностей скрывалось и в стремлении держав лишить Турцию права участвовать в устройстве послевоенной судьбы Дунайских княжеств. Заметим, что они стали фактической житницей Англии, начинавшей второй этап промышленной революции. Принципиальной проблемой всей Европы и Турции стал вопрос о смешанной Дунайской комиссии и о статусе судоходства по Дунаю.

Тем временем в кулуарах А. Ф. Орлов, Али-паша и «наш лучший знаток духовных дел на Востоке» генконсул в Сирии и главный советник нашей делегации К. М. Базили обсуждали варианты более десяти проектов развязывания узлов со Святыми местами и общим положением христиан. Тарле их либо опустил, либо деликатно, как всегда, сnivelировал.

Идеи Базили – Орлова, оглашенные на мартовских заседаниях, сводились к самому конструктивному на данном остром периоде мирного урегулирования предложению. Возвратиться к довоенному положению православных и католиков в Святых местах с последующим обсуждением всеми сторонами процесса коллективных мер контроля за реализацией

⁷⁹ Тарле Е. В. *Крымская война*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. II. С. 571.

положений султанского указа (принят 18 февраля 1856 г.) о полном уравнивании в правах христиан и мусульман в Османской империи.

Али-паша внес предложения о невмешательстве держав в отношения султана с его христианскими подданными, регулируемые принятым указом от 18 февраля 1856 г. (знаменитый хатт-и хумайюн 1856 г.); прозвучала также мысль об отмене режима капитуляций в контексте подчиненного экономического положения Турции, неравноправных торговых договоров с Западом.

Проблема торговых преференций в пользу держав на Ближнем Востоке (зона ответственности Высокой Порты), в Причерноморье, на Северном Кавказе и в Закавказье (зона русской ответственности) была столь важна для английской делегации, что лорд Кларендон под тем или иным предлогом возвращался к ней, даже если обсуждались тематически весьма отдаленные статьи будущего мирного трактата.

Так, при обсуждении формулы включения в трактат упоминавшегося хатт-и хумаюна и «суверенной воли» в отношении реформ (см. протокол № XIV, закрытая редакция, которая есть в материалах АВПРИ) Кларендон предложил либо в полном объеме пересмотреть, либо обновить все торговые договоры, имеющиеся между договорантами.

А. Ф. Орлов заметил тут же, что имеется сложившаяся и довольно сложная система торговых договоров всех держав с Турцией, существуют различия в текстах при том, что все договоры — двусторонние. Мрачно хмыкнул в седые усы:

— Вообще-то и полномочий таких не имеем...

Как раз он-то, всесильный государственный муж и довереннейшее лицо отца и сына — Николая I и Александра II, имел «полную мочь». Знал и понимал Орлов, умница и «сын России, щит империи» (Николай I) — «англичане под себя гнут и из нас всех гнутые ножки удобных кресел делают...»

Лорд Кларендон был изощрен, как и положено министру иностранных дел, и настойчив, апеллируя к Али-паше, графу Александру Валуевскому и австрийскому дипломату И. Хюбнеру. Он сформулировал новое видение Лондоном ситуации, которую мы сегодня назовем формированием единого мирового рынка эпохи завершения промышленной революции.

Как говорил благородный лорд, Турция стала частью европейской политической системы. Поэтому лучшим свидетельством единства взглядов держав на проявления заботы властей каждой страны о благе своих подданных было бы войти опять-таки в общее и всеми здесь, на конгрессе,

одобренное соглашение по коммерческим вопросам. И тем самым гармонизировать вопросы торговли и навигации с новым статусом Османской империи среди европейских держав.

Граф Александр Валевский (министр иностранных дел Франции, внебрачный сын Наполеона I и двоюродный брат императора Наполеона III) как глава конгресса «живо поддержал» витию-лорда в том, что новые обстоятельства, т. е. мирный трактат, равно как и обнародованные султаном меры по развитию страны, требуют общих гарантий европейских держав.

К. Б. ди Кавур, сардинский премьер, со свойственной ему горячностью и сарказмом (как же трудно ему было удерживаться от жгучих прений по любому вопросу!) заметил следующее. Ни одна страна по сравнению с Турцией не имеет столь либерального торгового уложения и нигде нет такой анархии в толковании такового уложения, как в Турции. Нигде нет такой «свободы» для иностранных коммерсантов и такого произвола властей в отношениях с ними, как в Турции.

Выговорился и умолк. К. Буоль и О. Т. Мантейфель (один от Австрии, другой от Пруссии) в унисон заговорили об избыточности в числе и запутанности в сути торговых договоров держав с Портой. Лукавый австриец Буоль поймал паузу и добавил, что общее торговое соглашение — это хорошо и важно, но следует учитывать и вековые традиции связей держав с империей Османов, да и нынешнее положение в Европе весьма-весьма сложное...

Заметим, что именно Австрия под гром севастопольской битвы обновила — освежила торговые преференции с Турцией, упрочилась в коммерции в Египте, на Дунае, даже в Иране.

Али-паша в своей мягкой, чуть застенчивой манере («лиса во фраке», как назвал его А. Ф. Орлов) поставил все на свое место. Он сказал, что надо назвать вещь тем, что она есть. Все вышесказанное делегатами есть не что иное, как попытки уйти от проблемы капитуляций, которыми державы сковали Османскую империю.

Заметим, что слово *капитуляции* как нечто неприличное в обществе вообще делегатами не произносилось. Очевидно, что державы *изначально* намеревались сохранять эти политико-торговые кандалы на ногах делавшей первые шаги в европейское индустриальное сообщество Османской Турции.

Великий везир Али-паша, полагая, без домашних заготовок, так как никто не знал, как и о чем пойдет очередной спор, воссоздал перед делегатами историю капитуляций, «горькую до пронзительности» (К. М. Базили).

Досталось и османским султанам, которые с XVI в. «надменностью и гордыней заменили должную проникаемость в делах с хитроумной Европой». Впрочем, более всего и справедливо до хрестоматийности, хоть в вузовские учебники по истории Востока сегодня включая, досталось державам — Франции, России, Англии. Али-паша на примерах последних лет показал, как, прикрываясь юридической неподсудностью, неприкосновенностью личности и имущества, заложенных в «проклятии Турции — капитуляциях» (Али-паша), иностранные коммерсанты, их представители в Османской империи, бесчисленные, как мухи на дохлой собаке, вице-консулы, консульские чины при посольствах и коммерческих канцеляриях вмешиваются в административное управление на местах. Они оказывают все мыслимое и немыслимое покровительство «своим нациям и своим **единоверцам** [выделено мной. — В. III.] и, преумножая их число в Османской империи, содействуют превращению таковых в государства в государстве и делают таких покровительствуемых неодолимым препятствием всякого улучшения общего положения в империи»⁸⁰.

Пока разгоряченный речью великий везир приходил в себя после «паузы явного смущения и раздумий» (А. Ф. Орлов), слово взял второй французский представитель, Ф.-А. де Буркенэ. Он, видимо, с согласия А. Валуевского, сказал: «Мирный трактат непременно *положит конец всяким капитуляциям* [курсив мой. — В. III.]. Личные привилегии, некогда [с XVI в. — В. III.] предоставленные Портой иностранцам в Турции, разрослись в пределах, вызывающих сожаление. Решать проблему надо, — продолжал де Буркенэ, — но и надлежит установить некое равновесие между реформами и гарантиями для иностранцев по отношению к мерам и последствиям, этими реформами предусматриваемыми».

Пространность и жар речей кое-как остудил А. Валуевский. В его редакции все делегаты согласились со следующим:

Во-первых, необходимо пересмотреть соглашения, определяющие торговые отношения Высокой Порты с державами, равно и условия пребывания иностранцев в Турции. А во-вторых, вернуться к данному вопросу после подписания мирного трактата и затем на особой конференции в Стамбуле выработать сообща меры, могущие дать удовлетворение законных интересов всех заинтересованных сторон⁸¹.

Таково было первое, многообещающее, но не реализованное вплоть до 1914 г. намерение держав пересмотреть кабальный режим капитуляций,

⁸⁰ АВПРИ. Ф. *Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 276. Л. 100–200об.*

⁸¹ Там же. Л. 201.

фактически ставший инструментом деформации собственного модернизаторского пути развития Турции.

Среди первых вопросов мирной конференции оказалась позабытая историками, поскольку формально не подтверждалась и не публиковалась, Торговая конвенция между Россией и державами. По проекту, изученному в первом чтении делегатами, все порты России объявлялись открытыми для международной торговли. Равное право торговать через все порты договаривающихся сторон предоставлялось русским купцам. Сохранялись все прежние (до 1856 г.) торговые договоры России, возможность их обновления и заключения новых. Обговаривался обмен коммерческой информацией об операциях на Черном море. Особо подчеркивалась заинтересованность договаривающихся сторон в обеспечении безопасности торговых операций в Черном море и на его берегах, т. е. на русском и турецком побережьях⁸².

Вскоре союзники предложили в развитие положений о торговле в русских портах свою трактовку международной конвенции о Проливах от 18 июня 1841 г. Напомним, что речь шла о праве Османской империи закрыть Босфор и Дарданеллы в случае угрозы целостности и суверенности османской державы. Предложение Англии и Франции должно было заменить конвенцию 1841 г. на статью Парижского трактата об обязательстве и России, и Турции соблюдать в своих черноморских портах полную свободу торговли и предоставить консулам великих (читай — торгово-промышленных) держав право наблюдать за соблюдением Россией и Турцией всех принципов и положений международного права.

Пространные и (да простит читатель) неудобопонимаемые с точки зрения нормальной логики переговорного процесса положения о правах наибольшего благоприятствования, международном характере торгового судоходства и по Дунаю, и на Черном море, включая Черноморские проливы, и, следовательно, коммерческую навигацию в Восточном Средиземноморье могут рассматриваться с одной позиции. Державы вырабатывали ограничительные статьи по судоходству на Черном море постепенно, стягивая ограничительными условиями руки и России, и Турции.

Постепенно выработался проект русско-турецкой конвенции о нейтрализации Черного моря как акта двухстороннего — Россия и Турция.

⁸² Там же. Л. 32–38 об.

Таковой текст остался в неоглашавшихся подготовительных материалах⁸³. Определенное сближение А. Ф. Орлова и Али-паши по проблемам нейтрализации Черного моря изменило планы английской и французской сторон.

Любопытна была не получившая развития английская идея (проект статьи IV): Возвращение России Севастополя, Балаклавы, Керчи, Евпатории, Еникале и Кинбурна обусловить отказом России от Карса и всех занятых Отдельным Кавказским корпусом турецких крепостей в Восточной Анатолии. России надлежало также признать новую границу с Европейской Турцией⁸⁴.

Пролонгированную дискуссию по этому сюжету, вряд ли заранее договорившись, учинили А. Ф. Орлов и Али-паша. Русский представитель ядовито заметил, что Карс совсем не Балаклава, а Эрзерум вовсе не Кинбурн, хотя бы по периметру крепостных стен... И вообще, надо бы Пруссию привлечь к работе над статусом Проливов...

Али-паша вдохновенно вещал о всеобъемлющем милосердии султана к своим подданным, воплотившемся в хатт-и хумайуне от 15 февраля 1856 г., о всеобщем, вне религии, равенстве подданных перед законом дома Османов, о сияющих даях великих реформ Танзимата... Французским языком великий везир Али-паша владел виртуозно, был нетороплив, эlegantен и уморил всех до непонимания исходного текста обсуждаемых статей.

Шеф корпуса российских жандармов А. Ф. Орлов поднаторел во многих сидениях по разным поводам у себя в Петербурге и, заручившись поддержкой австрийского представителя, увел (на данном этапе) обсуждение весьма для российской стороны щепетильное в сторону высоких истин. Орлов и Хюбнер предложили отметить в трактате, что все взятые на себя султаном обязательства по хатт-и хумайуну целиком и полностью соответствуют интересам, достоинству и суверенной воле османского султана. Представители Англии, Франции и Австрии ввязались в пространную дискуссию, как лучше подчеркнуть в трактате то обстоятельство, что хатт-и хумайун не создает основы и перспективы вмешательства третьих сторон в отношения султана-сюзерена и его подданных различных религий. Было очевидно, что любое «прикосновение» к теме прав конфессий трактовалось союзниками как попытки России вернуться к проблеме защиты православия в Турции.

⁸³ Там же. Л. 64–68.

⁸⁴ Там же. Л. 75–76 об.

Али-паша молчал, улыбался тихо и загадочно. Потом произнес:
— С его величеством османским падишахом надо связаться... По телеграфу, например...

На том делегаты и разошлись. До следующего заседания.

Здесь приведены лишь примеры тех обстоятельных, как правило, глубоких и яростных дискуссий *по каждому пункту* мирного трактата. Публикация рабочих вариантов и закрытых уже 150 лет от общественности и ученых всех протоколов Парижского конгресса есть задача титаническая, но сколь полезная для просвещения...

Издание документов из парижского портфеля нашей делегации, поразительных по своей точности формулировок К. М. Базили и А. Ф. Орлова и адекватности дипломатического языка ситуативным нюансам положения в Сирии, Палестине, Болгарии, возможно, представило бы новую яркую страницу борьбы России за права и обязанности христиан в динамичном мире индустриального прагматизма.

В 10 утра 18 (30) марта 1856 г. Парижский мирный договор был подписан. Его текст публиковался неоднократно⁸⁵.

Общественное мнение России, как это у нас издавна водится, по-разному оценивало севастопольскую эпопею и Парижский мир. Так, западники в лице таких крупных фигур, как С. М. Соловьев, А. В. Дружинин, считали, что Севастополь был именно оставлен, как Москва французам в 1812 г., и жалели, что враг не двинулся вглубь России, где его ждала гибель. Лейпциг, Кульм и Бородино менее значимы в истории России, чем Севастополь (А. В. Дружинин). Задолго до В. И. Ленина западники — Б. Н. Чичерин, Н. И. Барсуков, С. М. Соловьев и другие — считали, что здание российского государства было «гнилым в самом основании», тогда как войска отличились неустрашимостью и ушли на Северную сторону, по словам Т. Н. Грановского, «преумножив своей волей к победе славу российского оружия».

Выводы западников звучали достаточно взвешенно и прагматично: уберем крепостное рабство и, не пытаясь догонять «могущественных бойцов, владеющих всеми средствами образованного мира», т. е. Англию и Францию, возвысим Россию до европейского уровня. (К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин).

⁸⁵ См., например, Тарле Е. В. *Крымская война*. Т. II. С. 604–610.

Славянофилы (А. С. Хомяков, И. С. Аксаков, И. В. Киреевский и др.) вообще не считали, что Севастополь пал вследствие военного поражения. Они полагали, что это чисто политические игры К. В. Нессельроде и высших, «паркетных» генералов. «Это Божья кара, — писал Аксаков, — за гниль правительственной системы...» Они, славянофилы, называли Парижский мир оскорбительным и позорным и никогда не писали о «поражении», «разгроме» и т. д. Вообще не считали Россию проигравшей стороной (оценка А. И. Шепарневой, 2005). Именно славянофилы первыми заговорили о том, что восстанавливать влияние и могущество в Европе России надлежит через Ближний Восток, через восточное христианство.

Наиболее взвешенными взглядами на Севастополь и Парижский мир, с элементами цивилизационного подхода к оценке противоречий общественных систем и борьбы за мировое переустройство были таковые умудренных изгнанников — декабристов. В. И. Штейнгель, И. И. Пущин, С. П. Трубецкой сетовали, что «не могут личный опыт положить, как и жизни свои, на севастопольские редуты». Они упорно не считали сдачу Южной стороны поражением в войне. Называя войну 1853–1856 гг. безумной (А. Ф. Бриген), Парижский мир полагали «постыдным, но дающим спокойствие и порядок, так необходимые для проведения внутриполитических преобразований» (Н. В. Басаргин). Целая серия любопытных заметок и мыслей мудрецов-декабристов была использована через несколько лет великим военным реформатором Д. А. Милютиным (военный министр в 1861–1881 гг.), сблизившим армию и общество в постоянной готовности дать отпор потенциальному агрессору.

Эпилог

В Крымской войне наш народ, как и в Отечественных войнах 1610–1612, 1812, 1941–1945 гг., совершил великий бессмертный подвиг. Вопреки логике войны, к которой власти готовились и не сумели подготовиться, и многим военачальникам, не размышлявшим о кровавой цене победы, морившим голодом, обкрадывавшим солдат-героев, Народ заслонил Отечество.

Бескомпромиссный патриот России, осознававший свою преступную для образа страны сопричастность и личную ответственность за все и ко всему, что с Россией происходит, правитель от Бога, император-полковник Николай Павлович не хотел пережить национального, как ему казалось, унижения. Он ушел из жизни до окончательного завершения

Севастопольской эпопеи. Нам он оставил болезненный вопрос: как получилось, что тридцать лет укрепления столпа его власти обернулись вопиющей зыбкостью *основания* этого «столпа», слепотой в отношении очевиднейших социальных и политических перемен в западном индустриальном мире, пренебрежением к жизненным интересам Турции — ближайшего соседа, который мог стать последовательным союзником, а стал противником на следующие 70 лет (до кемалистской Турции начала 1920-х годов).

Две империи первыми столкнулись в войне 1853–1856 гг., и обе потерпели поражение — Россия и Турция. Потребовалась смена политических режимов в обеих странах в 1917–1923 гг., чтобы синдром конфликтности был излечен крушением лишенной исторической перспективы государственности: и царизма, и султаната.

Тогда, в 1853–1856 гг. народ России подставил плечо, подпер покачнувшийся в Крымской войне столп власти. Император Николай I явил свою волю и умение ответить личной жизнью за дикие провалы в политике 1840–1850 гг. Народ его оплакал, но...

Через 60 лет, в 1917 г. безответственный и слабый царь оказался не нужен своему народу. Столп государственности рухнул, похоронив и самого Николая II, и государство, так и не приспособившееся к сдвигам, столь декларативно представленным ей в феноменальном военном крымском союзе банкиров Англии, политических авантюристов Франции и реформаторов-исламистов Турции.

С Крымской войны начался закат династии Романовых. Русский народ призвал их на царство в жестокую годину иностранного вторжения и гражданской смуты начала XVII в.; в середине XIX в. дал Романовым шанс укрепить и возвеличить Российскую державу. Не сумели... «Полупобеды или частичные победы» (В. И. Ленин) имели место, но за место в среде великих держав Россия должна была бороться не штыком, а золотым рублем. Не поняли: ни император, ни золотые мундиры на Дворцовой, дом 6...

Склонил усталую седую голову мятежный Шамиль (1859); франко-прусская грызня и благожелательная позиция Стамбула помогли России добиться отмены унижительных ограничений Парижского договора (1871). Казалось, освободили Болгарию (1878), а по сути — добились реформаторство в Османской империи. Болгария погрузилась на многие годы во внутренние распри, не без основания виня в них «братушек-освободителей». Мы вошли, наконец, в Центральную Азию, оседлали Великий Шелковый

путь, подступили к Британской Индии... И все. Дальше был очередной после Севастополя шок — падение Порт-Артура, героизм отчаяния при Цусиме и очередной «похабный» мир (Портсмутский).

Начиная с Парижских мирных переговоров 1856 г., великие державы, составляющие ныне ядро «золотого миллиарда», ни разу не оставили Россию — Советский Союз один на один с противником при выработке условий каких-либо мирных договоров...

Известны подробности всех сражений Крымской войны. Слава Богу, с молитвой упокоились останки участников боев с обеих (и всех) сторон.

Мы свято чтим память наших солдат, матросов, генералов и адмиралов. Отдаем дань мужеству и профессионализму несгибаемого лорда Раглана, маршала Сент-Арно, маршала Омер-паши (М. Латтаса) и других участников эпопеи. Они выполнили свой солдатский долг с честью. Мир их праху.

Имена Корнилова, Истомина, Нахимова, Тотлебена, Хрулева для нас в одном ряду с героями войны против монголо-татарского вторжения XIII в. и героями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это бессмертие и есть социокультурная память нашего народа. Мы со школы помним об отмене (1861) крепостного рабства, едва ли не главным итоге «проклятой войны». Истина из ряда вечных, но стоит помнить, что крепостничество было уже подорвано изнутри десятилетиями народных движений и сверху — волей самодержца, готовившего наименее болезненный для общества вариант отмены крепостничества.

Среди остающихся для новых поколений историков Запада и Востока проблем Крымской войны есть такие, которые требуют иного документального обоснования. Среди них обострение конфликтов в сипайских (туземных) войсках Британской Индии, которые должны были быть брошены на Россию. Дальневосточная авантюра САСШ, взломавших под гром севастопольских боев самоизоляцию Японии (1854). Япония, к слову, втягивалась в модернизаторский процесс эпохи Мэйдзи и стала задумываться о принадлежности Курильских островов и Камчатки, на которые так рьяно нацелились было британские войска...

«Восточная война» в России с участием Англии и Франции корреспондируется по времени и в определенной мере по геополитическим установкам держав с «опиумными войнами» этих держав в Китае, с военной экспансией Франции в Индокитае. Войны промышленных держав на Востоке захватывали целые регионы. Возможно, Большая Восточная война после Крыма распространилась действительно на огромных просторах тогда еще неподколониального мира — от Туниса и Алжира до

Ирака и Афганистана. «Еврейский десант» на Одессу, «сипайский» на Севастополь — оба остались на бумаге, равно как и британско-турецкая экспедиция через Восточную Анатолию на юг Каспийского моря, во владения персидского шаха.

Может быть, это была не столько Крымская, сколько действительно мировая Восточная война. Современники именно так и называли события 1853–1856 гг. Вспомним, что современники называли по-своему, т. е. Великой войной, Первую мировую. Кто будет жить, тот будет изучать.

Можно с убедительностью констатировать, что после 1856 г. ни Запад, ни Россия, ни Восток (как Ближний — Средний, так и Дальний) не возвратились к средневзвешенной устойчивости, установленной Венской системой и Священным Союзом 1815 года.

В центре событий, породивших новые форматы отношений держав и методы реализации принципиально иных, по сравнению с доиндустриальной эпохой, интересов держав, оказались Россия и ее ближайший на Юге сосед — Турция.

Отношения между Петербургом и Стамбулом в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. стали объектом и инструментом политических, религиозных и военно-экономических маневров великих держав, а итогом стала русско-турецкая локальная война 1853 г., быстро переросшая в мировой конфликт 1854–1856 гг. Поскольку противостоявшие в конфликте стороны — великие державы (Англия и Франция) и Россия — сделали именно Османскую империю зоной столкновения интересов, обобщенно именуемого «обострением Восточного вопроса», логично будет всякий раз просматривать восточную политику России с учетом ее интереса в Европе и наоборот.

П. С. Нахимов. Труженик войны

*Посвящается 150-летию окончания
Крымской (Восточной) войны*

Война в истории России есть тяжкий труд всего народа. Жизнь и воинские подвиги замечательного российского флотоводца Павла Степановича Нахимова (1802–1855) слиты в скромном до самоотречения ратном труде во имя Отечества и флота.

Еще гремели залпы наполеоновской поры, когда сын отставного майора и средней руки смоленского помещика Павел Нахимов был зачислен в Морской шляхетский (дворянский) корпус. Пока — кандидатом.

Шел 1813 год. Российская армия держала Заграничный поход, преимущественно пеший. Однако морская слава России времен Ф. Ф. Ушакова и новые задачи защиты морских рубежей подвигали дворянских недорослей, особенно из небогатых семей, искать место на военно-морской службе через престижный и полностью за счет казны содержавшийся Морской корпус.

Дворянское происхождение было обязательным. Началам арифметики, русского и иностранных языков мальчики должны были быть обучены. Отцов и сыновей привлекало не только вполне пристойное казенное содержание и традиционно высокий уровень образования моряков, но и ревниво охраняемое начальством равноуважительное (по заслугам и усердию не отцов, но сыновей) отношение к мальчикам — независимо от родовитости и принадлежности к тому или иному толку христианства.

Шесть лет в корпусе пролетели в напряженной учебе: Павел числился в лучших. Рядом были друзья — оставивший потомкам бессмертный «Живой словарь великорусского языка» Владимир Даль, проводивший в вечность А. С. Пушкина, и «чистая душа, прозрачный, как Адриатика

на рассвете» Дмитрий Завалишин, поэт и будущий декабрист, в конце жизни — адмирал.

В начале января 1818 г. Павел Нахимов закончил Корпус. По успехам в науках и практике он шел шестым из ста десяти. Из их «шестерки» в истории флота и в памяти российской остались лишь он да гидрограф М. Ф. Рейнеке. Определенный на Балтику мичман П. С. Нахимов несколько лет, которые позднее он назвал «премерзейшими», провел в Кронштадте: то стоял «при берегу» в составе 23-го экипажа, то томился «в стоянии на рейде». Балтийский флот был в небрежении у императора. Нахимов скучал, хирел... выпивал. Аттестации были, впрочем, преотменные: «к службе усерден и знающ... поведения благородного, в должности усерден... исполняет с расторопностью...»

Настоящая служба началась в 1822 г. на военном фрегате «Крейсер» под командованием одного из первооткрывателей Антарктиды М. П. Лазарева.

Во время кругосветного перехода из Кронштадта, вокруг мыса Доброй Надежды и мыса Горн к берегам «русской Америки», т. е. к владениям Российской Американской компании, завершилось формирование основных черт личности и профессиональных качеств П. С. Нахимова. О первых записал в своем дневнике сослуживец Нахимова Михаил Бестужев: «Он сильно чувствует, но слов не теряет... Впрочем, моряки вообще более других замыкаются в самих себе...»

Павел Степанович поражал сослуживцев собранностью, замкнутостью и обостренным вниманием к нуждам экипажа, «нижних чинов», которых его кумир Лазарев, казалось, вовсе не замечал. Молодой офицер все время пополнял знания, учился «на походе». Так, во время стоянки в Лондоне Павел Степанович, отказавшись от обычных для «расслабляющихся» офицеров увеселительных мест, долгие часы проводил в Библиотеке Британского музея, в отделе карт. Общался со стариками-матросами, доживавшими в доме ветеранов, уточнял памятные им детали сражений великого британца Горацио Нельсона, на свое мизерное лейтенантское жалование скупал карты, астролябии, справочники... Едва не погиб, спасая на учебной стрельбе оплошавшего канонира. Нормальная палубная служба...

Беспощадный в своей требовательности Лазарев оценил молодого лейтенанта: «Он единственный [на «Крейсере». — *В. III.*], кому вся жизнь — море, и ничего, кроме моря...». Орден Владимира 4-й степени открыл череду высоких наград П. С. Нахимова. И что было дороже всего — пришла полная доверительность со стороны прославленного адмирала.

Шел декабрь 1825 года. Была Сенатская площадь. Среди декабристов стояли друзья... Мысли Павла Степановича на деликатный сей предмет: «бунтовать, не бунтовать вместе с флотскими друзьями», — остались неизвестными.

Известно, однако, что он досадливо отмахнулся от предложения престижной службы в Петербурге в Гвардейском флотском экипаже (уже после декабрьского восстания) и убыл в Архангельск. Там под командованием Лазарева принял деятельное участие в строительстве новых кораблей. На одном из них — линейном корабле «Азов», которым командовал Лазарев, ушел в Средиземное море, на явно близившуюся войну с Турцией.

Эта работа дала столь полное знание материальной части парусного флота, что, будучи уже при адмиральских чинах, после Синопа, прославившись на флоте и в России, Павел Степанович, нет-нет, да и брал в руки «струмент» и «укорял» передового корабельного плотника, но не крепким флотским словом, а спорым и точным ударом — долота ли, топора ли, — в нужное место. Услышал как-то Павел Степанович неторопливый матросский говорок на полубаке, где отдыхали матросы: мол, нашему Степанычу да вольную взять от флота и с его по плотницкой части мастерством пойти по Руси-матушке, сколько бы изб, хором-теремов поставил!.. Павел Степанович, возможно, тогда и произнес свое знаменитое:

— Да-с, не задалось: ни семьи, ни избы. Всей жизни — море. Так-то! Отдыхайте, братцы...

Сражение в Греческой бухте Наварин (Новарино) 8 (20) октября 1827 г. в составе англо-русско-французской эскадры против турецко-египетского флота принесло Нахимову известность на флоте как бесстрашного, хладнокровного командира, умелого организатора убийственной для неприятеля дуэли корабельных батарей. За Наварин Нахимов получил «от своих» орден Святого Георгия 4-й степени, производство в капитан-лейтенанты и новенький трофейный корвет в командование. От союзников — исключительно почетные награды: британский орден Бани, французский орден Почетного легиона и греческий орден Спасителя. Это свидетельствовало о международном признании боевых заслуг молодого офицера.

Что произошло? Сам Нахимов о Наварине обмолвился (эпистолярно) лишь однажды в письме к другу М. Ф. Рейнеке: «О любезный друг! Кровопролитнее и губительнее этого сражения едва ли флот имел. Я не понимаю, как я уцелел».

Сражение действительно было из тех, что определяют карту мира. Дело в том, что с весны 1821 года Греция была охвачена национальной

войной за освобождение от четырехвекового османского ига. К осени 1827 года перевес сил был на стороне повстанцев, но вмешался египетский правитель Мухаммед Али-паша, имевший гораздо более сильную, чем турецкие каратели, армию и самый современный флот.

Египетский паша, формальный вассал Османской Турции, вынашивал планы занять на Ближнем Востоке и в Средиземноморье место своего ослабевшего сюзерена — турецкого султана. Рубить греков-бунтовщиков означало для Мухаммеда Али сделать решительный шаг к господству на всем пространстве Восточного Средиземноморья и фактически отрезать турецкого султана от его владений на Балканах. Это коренным образом изменило бы ситуацию в Южной и Восточной Европе, едва-едва успокоившейся после бурь наполеоновских походов.

Державы Священного Союза — Россия и Франция, а также формально не входившая в Союз Англия по букве Венского договора 1815 г. должны были сохранять неизменность легитимного порядка, включая власть османского султана, — *статус кво* в Европе.

Складывалась парадоксальная ситуация. Державы были обязаны предотвратить вторжение египтян в еще подвластную Стамбулу Грецию, но при этом надлежало пересечь избиение карателями греков, провозгласивших свое отделение от Османской империи.

Англо-французская эскадра первоначально намеревалась только предотвратить высадку египетского десанта в Наваринской бухте, только заблокировать смешанную турецко-египетскую эскадру. Тогда бы Лондон и Париж имели время оказать политическое давление на Стамбул и Каир, решить греческий вопрос в свою пользу. Николаевская Россия жестко требовала остановить резню повстанцев-греков.

Русская часть объединенной эскадры имела предписание «действовать по обстоятельствам, но с решительностью». Приказ был доведен до сведения всех офицеров малочисленной, но хорошо обученной русской эскадры. Среди них был и лейтенант Нахимов.

На русском флагмане «Азов», к строительству которого он «приложил руку и часть души», Павел Степанович командовал, или, как сказано в реляции, «находился при управлении всеми парусами и орудиями на баке». Именно орудия Нахимова подавили левую бортовую артиллерию турецкого флагмана Тахир-паши и тем внесли замешательство в действия противника (флагман смолк, и турки дрогнули).

«Азов» удачно поймал ветер и буквально прорвал строй вражеской эскадры. Вот тут-то Нахимов и его люди «поработали с двух бортов»,

сметая шквальным огнем такелаж и живую силу — палубные команды турок и египтян. Когда флагманская «Азия» английского адмирала Э. Кодрингтона оказалась зажата двумя «египтянами», только орудия Павла Степановича предотвратили неминуемую гибель «британца»...

«Казалось, весь ад разверзся перед нами», — писал через пару дней Нахимов. В этом бою Нахимов, как сказано в наградном представлении, «действовал с отличною храбростью и был причиною двухкратного потушения пожара...». Суровый М.П. Лазарев после боя обнял Нахимова (небывалое дело!) со словами: «Ты дважды спас жизнь нам всем, а мне — честь». В Наваринском сражении окрепла дружба трех «азовцев» — М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, П. С. Нахимова.

Египетский десант был сорван. В 1828–1829 гг. Россия разгромила турок, и в 1830г. Греция была признана суверенной державой.

Сам Нахимов получил еще одно признание, которое многого стоит. С Наваринского сражения на российском флоте он стал известен просто как... Павел Степанович. И только! На флотах так именовали с полтора десятка командиров: Федор Федорович (Ушаков), Дмитрий Николаевич (Сенявин), Михаил Петрович (Лазарев)...

В 1830-х – 1840-х гг. продолжалась с небольшими перерывами (лечение в Германии и Англии, «стояние» на Балтике) палубная служба Нахимова на Черном море. Контр-адмиральский флаг он поднял в 1846 г. в разгар Кавказской войны (1818-1864).

События ее разворачивались в основном в горных районах Дагестана, Чечни, Ингушетии. Черноморскому флоту досталась не слишком заметная, но крайне напряженная крейсерская сторожевая служба вдоль всего побережья Западного Кавказа — от устья реки Кубань до города Поти.

Нахимов командовал отрядом, дивизией, отдельной эскадрой кораблей. Он обеспечивал точное взаимодействие российских сухопутных войск, сражавшихся с мюридами Шамиля, предотвращал поставки оружия горцам через Стамбул, Синоп, Трабзон из Англии и Франции, отвечал за гидрографическое обеспечение десантных операций, т. е. его корабли детально картировали районы боевых действий, а затем и весь театр боевых действий.

Можно с уверенностью сказать, что для П. С. Нахимова не было ни одной неизвестной, не занесенной на точные карты бухты или мели от Синопа до устья Кубани. Блестящая Синопская операция 1853 г. была обеспечена годами кропотливой «черновой» работы флотоводца в период Кавказской войны. С экипажами отрабатывались все возможные опера-

ции с парусами в бухтах и вблизи скалистых берегов, а с комендорами — слаженность огневой поддержки десанта.

Обеспечивать скрытность переходов кораблей от турецких и западных соглядатаев, добиваться управляемости сухопутных сил и флота в условиях горной войны (!) — все эти действия, ставшие славой русской военной науки, приходилось выполнять в сложных международных условиях. В 1840-х гг. Англия и Франция, стимулируя военные реформы в Турции, всячески разжигали реваншистские настроения в стамбульской верхушке и сепаратистские устремления среди части горских племенных вождей Кавказа.

Павел Степанович деятельно участвовал в воспитании у моряков-черноморцев того, что он называл «запальчивым энтузиазмом экипажа». Речь шла о высочайшей мореходной выучке, помноженной на сознательное выполнение поставленных боевых задач. И это касалось всех — от командиров линейных кораблей до каждого матроса или канонира.

Историк флота и очевидец многих событий войны 1818–1864 гг. и Крымской войны М. И. Скаловский писал, что в напряженные предкрымские годы П. С. Нахимов стяжал всеобщую любовь морского сообщества. «Он был искренне любим всеми моряками, как офицерами, так равно и матросами... Если молодой матрос, млея от восторга и усердия, норовил “во фронт встать”, да еще фуражку сдернуть, Павел Степанович только махал рукой, иди, дескать, действуй. Иногда и выговаривал: “Что вы мне кланяетесь?.. Смотрите лучше за своим делом-с”». Сам Нахимов писал: «Матросы любят и понимают меня; я этой привязанностью дорожу больше, чем отзывами каких-нибудь чванных дворянчиков...».

От Греческой войны и Наварина до долгой Кавказской войны и Синопа крепло внутреннее взаимопонимание адмирала Нахимова и его подчиненных. Без этого Севастополь не устоял бы в роковые 1854–1856 гг.

В Крымскую (Восточную) войну 1853–1854 гг. с коалицией держав в составе Англии, Франции, Сардинии и Османской империи Россия оказалась вовлечена с той же неумолимой предопределенностью, с какой свершаются все глобальные катастрофы.

Противостояние Англии и Франции, вступивших в эпоху промышленного капитализма, требовавшего устранения любых потенциальных конкурентов на рынках Востока и Южной Европы, и с другой стороны — крепостнической России, в своем развитии отстававшей от Запада на эпоху, но упорно

отстаивавшей мнимое право, опираясь на многочисленную (но технически слабую) армию, диктовать свои варианты решения ряда международных проблем (Святые места в Палестине, ситуация в Дунайских княжествах и др.), проявилось, однако, не в Европе, а на Кавказе и на Дунае.

Война 1853–1856 гг. началась как русско-турецкая. Модернизированная английскими и французскими инструкторами, оснащенная современным нарезным оружием, только единичные образцы которого имелись у русских, османская армия стремилась взять реванш за многочисленные потери в русско-турецких войнах конца XVIII – первой трети XIX в. Целью турок были Западный и Южный Кавказ, а также весь Крым.

Синопская бухта на турецком, южном берегу Черного моря, идеально защищенная от штормов, десятилетиями служила как мирным целям (русско-турецкая торговля), так и военным (поставки оружия и снаряжения для горских племен Кавказа). К середине ноября 1853 г. в Синопской бухте, где были в то время лучшие в Турции условия для ремонта кораблей, собрались три четверти турецкого флота. В. А. Корнилов, командовавший Черноморским флотом, и П. С. Нахимов, «строго наблюдавший», то есть блокировавший своей эскадрой выходы турок к Кавказскому побережью России, просчитали два варианта событий.

Громада турецкого флота могла обрушиться на слабые укрепления России на западном побережье Кавказа; но могла в один переход оказаться и в виду Феодосийской, вообще незащищенной бухты. Кавказская война грозила перерасти в Большую Кавказскую. Еще более грозной представлялась опасность выхода в Черное море находившихся на рейдах на Босфоре и в Мраморном море англо-французских быстроходных и хорошо вооруженных пароходо-фрегатов. Они могли блокировать русскую Дунайскую армию с моря и нанести удар по Севастополю и Одессе. В этом никто ни в Петербурге, ни на Черноморском флоте не сомневался. Грозила Большая Европейская война.

Оставалось одно — нанести упреждающий удар.

Нахимов провел операцию блестяще. По некоторым поздним воспоминаниям ветеранов-черноморцев, именно Павел Степанович предложил «старому азовцу», а в 1853 году своему командиру В.А. Корнилову внезапным, как в Наварине, ударом разрушить все планы и турок, и их западных советников.

Подоспел из Петербурга Манифест о войне с Турцией и приказ, «чтобы при нападении на турецкие военные суда, стоящие на рейде у Синопа, не было по возможности нанесено вреда городу».

В половине десятого утра 18 ноября 1853 г. «при тумане и дожде, но всеобщем воодушевлении» (так записал очевидец) эскадра Нахимова (8 вымпелов, 720 орудий) начала быстро втягиваться в Синопскую бухту, где турецкие корабли стояли под прикрытием береговых батарей. Без единого выстрела, не отвечая до поры на ураганный огонь противника (520 орудий на 16 турецких кораблях, стоявших на якоре близко от берега, и более 180 на береговых батареях Синопа) корабли эскадры Нахимова вышли на предельно близкое расстояние — прямых бортовых залпов. Нахимов выстроил эскадру так, что одна часть бортов подавляла крепостные орудия, а другая — корабли турок.

Год за годом изучая тактику турок и собирая сведения об их береговых укреплениях от Босфора до Трабзона, Нахимов позволил себе, на первый взгляд, убийственный маневр — идти на огонь. Но турки-то били не по корпусу, а по такелажу, стремясь остановить русские корабли и вызвать пожары. На этом знании турецкой тактики строился расчет Нахимова. Его корабли, даже теряя паруса, выходили на дистанцию прицельного поражения, и не парусов, а крюйт-камер, пороховых погребов турок. Знал Нахимов и другое. Турки на своих береговых батареях пренебрегали надежными укрытиями для канониров.

И этот урок Нахимов вскоре учел в Севастополе, всемерно оберегая орудийную прислугу. В Синопе береговая артиллерия была подавлена в течение 2-х часов, не более.

Как записал очевидец, «в четвертом часу пополудни турецкий флот оказывать сопротивление перестал». Он был уничтожен меткой стрельбой орудий, использовавших новейшие бомбические зажигательные заряды. Были уничтожены также все береговые батареи. Как база турецкого флота и, возможно, флотов союзников Синопская бухта была выведена из строя на тридцать с лишним лет.

«Синоп-город, — писал Корнилов, — теперь развалина, ибо дело происходило под его стенами, и турки с судами бросались на берег и зажгли их. Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура! Нахимов!»

Еще один урок извлекли Нахимов и Корнилов — через год, в Севастополе, не было пожаров от сознательно выходивших из боя и догоравших на берегу, среди построек, русских кораблей.

Севастополь и вся Россия ликовали и чествовали героя. И по заслугам! Но сам он был хмур. Едва отвечал на восторги и восхваления.

Нахимов узнал по каналам военно-морской осведомительной службы то, что терзало его до конца дней. В Синоп по согласованию с ко-

мандованием англо-французской эскадры, ждавшей на Босфоре повода ворваться в Черное море и напасть на русских, были сведены и хладнокровно поставлены под уничтожение устаревшие турецкие парусные корабли. Понаблюдавший пару часов за исполнением этого дьявольского замысла военно-морской советник при султани англичанин Адольф Слейд (Мушавер-паша) ушел с места сражения на скоростном пароходе-фрегате в Стамбул.

Повод для активизации западной дипломатии и военных был в глазах Европы идеальным: злые русские уничтожили стоявший на якоре флот, сожгли мирный город! Так как же они обходятся со своими горцами! Запад должен вмешаться!

Не прошло и недели, как были завершены затянувшиеся было переговоры о военных займах туркам от банкиров Лондона и Парижа.

Отдельно финансировалось строительство военного парового флота Турции с тем, чтобы «навсегда отбросить Россию от Черного моря». Комбинация была просчитана и решена двумя кузенами — османским султаном Абдул Меджидом и императором Франции Наполеоном III. Первый был внуком Эме де Ривери (жены султана Абдул Хамида I), а второй — внуком Жозефины Бонапарт. Дамы приходились друг другу кузинами и были близки с детства и даже став, одна — османской султаншей Нахш-и диль, а вторая — императрицей Франции, по возможности поддерживали контакты. Таковы свидетельства французских и турецких архивов, которые автор собирает более тридцати лет.

Синопские восторги испарились в России быстро, как выдыхается позабытая бутылка шампанского. В первых числах сентября 1854 г. англо-франко-турецкие уже силы высадились под Евпаторией и двинулись на Севастополь, где, по словам очевидца, «царили общее недоумение и паника жителей... Переполюх в это время в Севастополе был ужаснейший». Понадобились вновь исключительная внутренняя собранность Нахимова и его уникальный дар вести за собой людей и при том уметь подчиняться.

По странной прихоти главнокомандующего всеми, то есть морскими и сухопутными войсками на Крымском полуострове светлейшего князя А. С. Меншикова оборона Северной стороны Севастополя была поручена адмиралу В. А. Корнилову. Южная, зажата между бухтой и морем, — П. С. Нахимову.

Итак, Павел Степанович оказался, во-первых, на суше, которой, как он любил говорить, «по возможности избегал-с»; во-вторых, противостоял плотной блокаде с моря и с суши. После затопления в Севастопольской гавани подавляющей части парусных кораблей Нахимов остался адмиралом без флота. Причем первую свою победу в Севастополе, возможно, самую для него тяжелую, одержал... над старым другом и формально командиром В. А. Корниловым.

Рыцарь моря, романтик боя, В. А. Корнилов требовал выйти на всех парусах навстречу паровому флоту союзников и «разогнать врага на воде». Нахимов отчетливо осознавал самоубийственность и бессмысленность такой жертвы. Он был готов и сделал это — затопил корабли, многие из которых были ему как родные: водил либо строил. Нахимов настаивал: «Стоять нам всем на земле, пока живы, да и после...»

По настоянию Нахимова экипажи затопленных кораблей не были разъединены. Морские батальоны расположились привычным порядком, сообразно, конечно, сухопутному боевому расписанию, но ощущая, как в море, локоть друг друга. И так же привычен был облик обходившего батареи и укрепления «Степаныча»...

«Высокого роста, несколько сутуловатый и не тучный [как многие большие морские начальники. — *В. III.*]; всегда опрятный, он отличался свежестью своих воротничков... скуластое живое лицо выражало всегда состояние духа, мягкие голубые глаза светились умом и смыслом...»

Издалека приметный в своем адмиральском сюртуке с золотым шитьем и сиянием эполет, Нахимов был желанной целью для вражеских снайперов с нарезными дальнобойными винтовками. «Не могу-с иначе, — говорил он, обходя на виду у неприятеля укрепления. — Морской офицер должен быть до последней минуты пристойно званию одет, да как-то это дает мне больше влияния не только на наших [матросов. — *В. III.*], но и на [сухопутных. — *В. III.*] солдат». И был прав. Не парадное декларативное геройство, а смертельно опасная, но нужная всем жителям города-воина работа среди своих, матросов и солдат, рискующих жизнью, как он считал, больше его, адмирала...

Современников поразило, как П. С. Нахимов за считанные недели привел хаос и неорганизованность в налаженный, едва ли не расписанный по корабельному строгому распорядку общий слаженный труд по уверенной и стойкой обороне города. Нахимов не был баловнем Победы, он был ее тружеником. Он верил только в своих «матросиков», в их стойкость и умение побеждать сноровкой и отвагой.

Подсчитать число возведенных заново и ремонтировавшихся за одну ночь укреплений практически невозможно. Моряки, солдаты, ополченцы-горожане стали единым экипажем. На море так: одни стоят у орудейных портов и ведут огонь, другие споро чинят повреждения корпуса, паруса и рангоут...

В марте 1855 г. возведенный в звание полного адмирала Нахимов был назначен исполняющим обязанности военного губернатора Севастополя и перенес мужественную деловитость организованной обороны на весь город. Он добился главного — враг раз за разом откладывал генеральный штурм. При естественной убыли в орудиях и острой нехватке боеприпасов («Воруют-с — даже порох и ядра! Да-с!» — с горечью повторял Павел Степанович) он удачным расположением батарей, прицельностью «пушечной работы», умелыми беспокоящими контр-маневрами нескольких русских пароходо-фрегатов, опираясь на мужество редевшего на глазах гарнизона, повергал англичан и французов в глубокое раздумье о губительности для них, оторванных от своих баз, штурма Севастополя.

Нахимов остановил наступательный порыв мощнейшего десанта тройственного союза.

Он не мог переломить ход заранее проигранной войны, однако мужество моряков и сухопутных войск Севастополя вдохновляли жителей Петропавловска-Камчатского, Архангельска и Соловков, Аландских островов. В Кронштадте матросы говорили: «Ежели англичанка [имелась в виду британская королева Виктория, крайне воинственно настроенная против России. — *В. Ш.*] сунется, прибежит Нахимка — враз успокоит...»

Известия о стойкости Севастополя облетали мир — Лондон и Париж, Вену и Бомбей. Офицеры армии США, буквально умолившие русское командование разрешить им пребывание под огнем, детально на планшетах отобрали систему обороны Севастополя. В период Гражданской войны в США (1861–1865) в ожидании войны с Англией северяне-янки укрепили Нью-Йорк по опыту нахимовских бастионов.

Сипайские части в англо-индийской армии всячески уклонялись от отправки в «гибельный Севастополь». Так и не двинулся с места дислокации (в районе нынешнего Тель-Авива) ударный еврейский корпус, сформированный и снаряженный на деньги банка Ротшильдов. Корпус должен был после падения (как предполагалось, скорого) Севастополя двинуться через Крым на Киев, «поднять Украину и освободить Польшу». Турецкие, самые боеспособные и умелые бойцы, адаптированные к местности и

климату, понесли огромные потери и были в основной массе переброшены на Кавказское побережье, где и застряли...

Вязкая оборона основных укреплений Севастополя, удачное сочетание морских рейдов и скоординированных действий на суше перемалывали силы наступавших союзников. Крымская кампания имела шансы перерасти в новую Отечественную войну. Какое место занял бы тогда Нахимов, можно только предполагать. Такой сценарий пугал и Петербург, и западные столицы.

28 июня 1855 г., в канун праздника Святых Петра и Павла, на 300-й день после высадки союзников в Крыму и на 267-й день бомбардировок Севастополя, Нахимов был смертельно ранен в голову снайперской пулей из дальнобойного штуцера. К этому времени погибли его ближайшие друзья и сподвижники адмиралы Корнилов и Истомин...

Его похоронили под рокот боевых корабельных барабанов, игравших «полный поход» — высшая посмертная честь моряку «за военные отличия». Павла Степановича осеяли два адмиральских флага — по званию, и один — кормовой флаг с корабля, на котором Нахимов был при Синопе.

Павел Степанович был погребен 1 июля 1855 года в склепе собора Св. Владимира рядом с Лазаревым (тот скончался в 1851 г.), Корниловым, Истоминным.

Пал под ударами превосходящих сил Малахов курган, многие другие укрепления. В полном порядке, сохраняя знамена и оружие, бережно вынося всех раненых, нахимовские герои покинули пепелище Южной стороны и отступили на Северную сторону.

Армия, Флот и Россия еще могли сражаться и победить. И не только на Юге, ее противники — не столько военные, сколько политические и финансовые — это прекрасно осознавали.

Последовали мирные переговоры в Париже. Заключенная там система соглашений получила название Парижской. Ключевую роль в ней играли взаимоотношения царя и султана — повелителей Черного и Средиземного морей... Однако Россия утратила (на пятнадцать лет, до 1871 г.) право держать военный флот на Черном море.

Возрождался новый, паровой флот России с именем Павла Степановича Нахимова, флотоводца, великого труженика во имя морской славы Отечества.

Раздел 2

Первая мировая война

Россия и Турция в канун Первой мировой войны в документах русских и турецких спецслужб

Устойчивый, систематический сбор сведений военного, экономического и культурно-политического характера о Турции и турках фиксируется автором этих строк со времен создания (по инициативе А. В. Суворова) осведомительной службы по османской армии М. И. Кутузовым в 1793–1794 гг. Аналогичную деятельность в Османской империи предпринял по приказу Селима III вице-адмирал османского флота Васыф Шеремет-бей на рубеже 1780–1790-х гг. Позднее эта деятельность то угасала, то раздувалась властями обеих стран¹. Все определяли изменчивые военно-политические и экономические факторы².

Турецкие разведслужбы (личная султанская и вторая — общевойсковая) начали собирать корректные сведения (вне обычной для турок XVIII–XIX вв. «коллекции слухов») под влиянием неудач России в войне с Японией. Есть новейшие данные турецких архивов, что к этому секретных эмиссаров Абдул Хамида II, известных в Стамбуле под наименованием «джурналджи», подвигли японские агенты в Османской империи уже в 1904–1906 гг.³.

¹ Шеремет В. И. *Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты*. М.: АВИАР, 1994. С. 66–70. Документы см.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1117. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–8, 50–58 об. «Сведения из Константинополя»; там же. Ф. 19. Оп. 4. Д. 121. Л. 78–110. «Описание пути...».

² Шеремет В. И. *Война и бизнес. Власть, деньги и оружие: Европа и Ближний Восток в Новое время*. М.: ТБС, 1996. С. 123–148, 521–527. Документы см.: Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. Военно-ученый архив (ВУА). Д. 9468. Ч. 1–2; Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ). Ф. 19. Оп. 4. Д. 125. Л. 30–31 об., 113–113 об. Сведения, поступавшие по линии генерал-квартирмейстерского отдела Штаба Действующей армии; там же. Ф. 19. Оп. 4. Д. 324. Агентурные сообщения из Константинополя.

³ Engin V. *II Abdulhamid ve Dış politika*. İstanbul, 2005 (Абдул Хамид II и внешняя политика). *Sultan II Abdulhamid'in Arşivinden Dünya*. İstanbul, 2010 (*Султан Абдул Хамид II и мир по архивам*).

В России формировать специальный «альбом» — сборник документированных данных разведуровня начал Осведомительный отдел Кавказского военного округа в 1905 г., когда в Петербурге были получены первые данные о тайной организации в среде офицеров Македонской группировки войск Османской империи (офицеры-младотурки)⁴. Балканские войны Турции с соседями заставили Генеральный штаб плотно заняться сбором и анализом данных о турецком военном потенциале.

Сбор информации об османах активизировался и уточнялся с осени 1913 – весны 1914 года. Инициатива составления «панорамного освещения» Турции принадлежала, во-первых, руководителю военно-морской, наиболее действенной части русской разведслужбы на Ближнем Востоке в 1909–1915 гг. А.Н. Щеглову. Во-вторых, генерал-квартирмейстеру Ставки Верховного главнокомандующего — шефу военной разведки генерал-лейтенанту Ю. Н. Данилову⁵.

Генерал Ю. Н. Данилов, находясь в плену предвзятых мыслей (сложившихся, впрочем, на основе сообщений от своей резидентуры), считал, что Стамбул не имеет альтернатив военной политики. Только в русле и в лоне союза с Германией и Австрией. Данилов предложил Генеральному штабу свое видение перспектив конфликта с Турцией. Иного развития событий он вообще не увидел. По моему мнению — не захотел увидеть, положив под сукно доклады А. Н. Щеглова, сообщавшего о наличии в Турции серьезной «мирной партии»⁶.

Данилов считал, что операционной базой османов будет район Эрзерум — Карс — Тифлис. В основе его убеждения лежали не новейшие разведданные и донесения из Стамбула 1912 – начала 1914 г., а общий анализ военных действий между Россией и Турцией в 1853–1856 и 1877–1878 гг.⁷.

⁴ Очерки истории внешней разведки. Т. 1. М.: Международные отношения, 1996. С. 229.

⁵ См. Записку Ю. Н. Данилова о вариантах военных действий Тройственного Союза против России от 10 апреля 1914 г. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1118. Л. 101–101об. Об А. Н. Щеглове и его донесениях см.: РГА ВМФ. Ф. 898 (личные бумаги); о подготовке России и Турции к войне: Ф. 401, 404, 417, 418. Шеремет В. И. *Босфор: Россия и Турция в период Первой мировой войны. По документам военной разведки*. М.: ТБС, 1995. С. 7–51; 2-е изд., испр. и доп. М.: Истоки, 2007. Шеремет В. И. «Средств личных вовсе никаких не имею. Силы и умение положил на служение Отечеству». *Спецслужбы и человеческие судьбы*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 9–46. Малевинская М. Е. *Военно-морские рапорты как источник по истории Азии во второй половине XIX – начале XX века* (по материалам РГА ВМФ). Автореф. дисс. ...канд. истор. наук. М., 2004.

⁶ Шеремет В. И. *Босфор*. Изд. 2. С. 92–101.

⁷ Зайончковский А. М. *Подготовка России к мировой войне*. М., 1926. С. 23–25.

Определенные основания для оказавшихся далеко не оправданными выводов у шефа военной разведки, признаем, были. Это и нелояльность к османам армянского и курдского населения Карского вилайета (это исторический факт), и активное строительство властями Османской империи дорог широтного направления через Карс. В России это строительство восприняли как своего рода дубль Багдадской железной дороги к Абхазии, Аджарии, к «русской» Грузии. В действительности речь шла о широтных магистралях транс-анатолийского торгового пути Стамбул — Тебриз — Северо-Западная Индия.

Русская военная контрразведка⁸ своевременно получила сведения, но не сумела оценить масштабы и роль японских «наблюдателей» и советников при турецких штабах в этом регионе в 1904–1914 гг. Сказывалось и пренебрежение к «азиатам», будь то турки или японцы — все едино, «что они понимают», «они всегда нам враги». Кроме того, только в 1908 г. при директоре Департамента полиции М. И. Трусевиче была создана контрразведывательная комиссия из числа чинов Военного министерства и МВД для противодействия «турецким розыскам на русском Кавказе». Жандармское, по составу, начало этой комиссии, ее заданность на искоренение «революционной заразы» в России и в младотурецкой Анатолии объясняют непонимание либо нежелание видеть суть событий в сопредельных районах Российской и Османской империй.

Российские военно-морские агенты и отдельно — агенты военные акцентировали в своих донесениях за 1908–1913 гг. (сводных аналитических справок пока обнаружить не пришлось) следующие представления с мест.

В Европейской Турции и в Западной Анатолии идет нарастание экономического, а после укрепления власти младотурок — и военного влияния Германии. Отмечается общий рост благосостояния в христианских селениях и кварталах городов в Европейской Турции при падении уровня жизни мусульман. Военно-морские агенты опирались на торговую статистику турецких портовых властей и подчеркивали, что «торговые обороты и особенно перспективы таковых с Югом России и российским Кавказом затмевают все, касаемое войны за потерянный [в 1783 г. — *В. III.*] Крым, Анапу и прочее... В портовых городах стало заметно процветать больше купцов-турок, и все за счет посредничества торговли России с Западом. [...] Торговец-турок боится даже не войны с Россией, а даже вскользь брошенного воинственного намека. От воинствующих, а это больше нищие

⁸ Положение о контрразведывательных отделениях при армейских штабах, инструкция начальникам КРО и штаты КРО были утверждены военным министром В. Сухомлиновым 8 июня 1911 г. после затяжных двухлетних дискуссий в полицейском и военном ведомствах.

дервиши и бродячие музыканты, скорее отодвигаются, не забыв бросить пару пиастров. Турки в обороте [с Россией. — *В. III.*] войны страшатся больше, чем христиане. Говоря при том, что христианам есть куда бежать или хватать второй паспорт [двойное и пр. подданство. — *В. III.*], а нам — мусульманам — куда? Арабы нас, турок, ненавидят, в Боснии [исламизированной. — *В. III.*] голодно и приюта нет... Мир — наше спасение...»⁹.

Иные настроения наблюдались в Восточной Анатолии. В исходе лета 1908 г. врио начштаба Кавказской армии генерал Н. Н. Юденич докладывал «наверх», что, по данным разведки, в Карсе де-факто сложилась мощная турецкая резидентура, хотя таковых органов турецкая армия еще не знала. Хорошо образованный, энергичный пограничный комиссар по службе и — негласно — глава резидентуры в Карсе Хасан Фахри-бей заблаговременно, как считал Юденич, собирал чисто военную информацию в пограничье Ольты — Саракамыш, действительно ставшем в 1915–1916 гг. зоной напряженных боев. Однако отмечалось, что параллельно Фахри-бей ведет работу с очень дальним прицелом. «Готовит настроения в пользу турок» в смешанных по национальности селениях на русской стороне — в десятках, а то и в сотнях верст вглубь российской территории; ведет политическую панисламистскую пропаганду под видом культурно-религиозной работы близ Тифлиса и даже дальше, на Северном Кавказе. Деятельно формирует антирусские настроения, развивая идеи пантюркизма и духовной власти османского султана-халифа; засылает своих агентов в Поволжье и Среднюю Азию. В Стамбул сообщает данные о якобы массовом недовольстве всего Предкавказья и Поволжья, причем и мусульман, и немусульман, властью Петербурга...

Хасан Фахри-бей деятельно, но, как стало ясно позднее, в 1915–1916 гг., сугубо неверно формировал у своего стамбульского командования образ готовых восстать против ига России тюркских этносов Юга и Кавказа. Работал ли он на члена младотурецкого триумvirата, военного министра Энвер-пашу, будущую «среднеазиатскую надежду» В. И. Ульянова-Ленина (в 1920–1921 гг.) и эмира басмачей Средней Азии (в 1922–1923 гг.)? Пока не ясно.

Интересно, что при Фахри-бее подвизался пылкий молодой дервиш, талантливый сказитель и толкователь Корана Саид Нурси. Этот человек станет с годами «певцом туранизма» и столь яростным апологетом воинствующего джихадизма, что уже в наши дни его учение «нурджу-лук» («светоносность» ислама) будет запрещено как экстремистское. И в

⁹ Здесь и далее цитаты приведены по донесениям А. Н. Щеглова. См.: Шеремет В. И. *Босфор*. Изд. 2. С. 60–94.

современной Турции, и в Российской Федерации. Фактически на сотню лет вперед заглянули идеологи — разведчики эпохи младотурок! Оценить это дальнейшее направление младотурецкой разведки в русском Управлении генерал-квартирмейстера не смогли.

Русский военный агент в Стамбуле полковник И. А. Хольмсен и посол Н. В. Чарыков писали в Петербург как об отдаленной опасности о деятельности исламских проповедников в тюркоязычных районах России и далее до Афганистана и Индии; сходные данные сообщал военно-морской агент А. Н. Щеглов¹⁰.

Что же касается предметной «военно-разведывательной» деятельности турецких спецслужб в зоне ответственности русской Кавказской армии в 1913–1914 гг., то она, как свидетельствуют буквально все исследователи, отечественные и турецкие, была парализована русскими спецслужбами. Реальной картины русского Закавказья в военном плане турецкие агенты создать не сумели.

Следует отметить, что оценки текущей и перспективной ситуации в отношениях между Турцией и Россией, взгляды на баланс сил в Европе и на Востоке, на позицию России существенно различались в зависимости от ведомственной принадлежности их составителей. Турецких армейских офицеров, занятых в разведывательной службе, интересовало, что естественно, создание оперативной картины главного, как полагало военное ведомство Турции, — Кавказского театра военных действий. О единичном случае перспективного видения и глубокого внедрения агентов влияния панисламистов и пантюркистов мы упомянули, но это особая тема. У турецкой *военной разведки* кавказско-анаатолийского и европейско-черноморского направлений не было сомнений ни в том, какая страна будет противником, ни в том, что война, и «очень большая» (Энвер-паша), неизбежна.

Образ военной России формировался как образ изначально ослабленного противника. Причины слабости — тяжелая война на Дальнем Востоке; внутренняя нестабильность как следствие сложных и не понимаемых русским крестьянством (как полагала турецкая разведка) реформ П. А. Столыпина; вялость военных преобразований, низкая боеспособность русских резервных, запасных частей; крайняя слабость мобилизационно-организационной деятельности Генштаба: большое германское влияние на высшее военно-дипломатическое руководство России, отсутствие либо крайне низкая эффективность шоссейно-железнодорожной

¹⁰ РГВА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 63, 78, 626; там же. Оп. 1. Д. 3827 и др. Шеремет В. И. *Босфор*. Изд. 2. Приложения.

системы и т. д. При этом отдавалось должное моральным, особенно религиозно-патриотическим и коллективистским чертам рядового состава русской армии и отчасти офицерства. Вывод был очевидный: *в этой войне младотурецкая по духу, обновленная и оснащенная Германией османская* (именно так!) армия одержит победу. По крайней мере, на Кавказе.

Иначе выглядели оценки и выводы дипломатов, служивших в России, Австро-Венгрии, балканских странах. Младотурки по формальному участию в движении «Единение и прогресс» или по близости к его руководству, на 90 % военные по образованию, чаще всего полученному в Германии, и по предшествующей деятельности, эти дипломаты многие события в России кануна войны видели иначе, чем их товарищи, в буквальном смысле, из военных органов. Видели больше, шире, возможно, глубже. Настроены были по-другому.

Ограничимся мнениями двух турецких послов — в Петербурге и в Вене. Фрагменты их личной переписки в копиях, частично дешифрованной в 1914–1915 гг., частично — автором статьи в наши дни, дошли до нас благодаря искусству сотрудников Морского генерального штаба (до осени 1917 г.), а затем архивистов нового советского государства.

Из числа «фракийский лъвов» — младотурок были оба. Посол в Вене Хюсейн Хильми-паша и его друг, посол в Петербурге Ниязи Фахретдин-бей. В целой череде писем Хильми-паша обращал внимание своего петербургского коллеги и друга на бесперспективность упований России в возможных конфликтах на Юго-Востоке Европы на христианских подданных Стамбула, как это было в прошлых войнах. Сейчас (1913 г.) все они обрели национальные государства и ждут помощи скорее от Запада.

Другая опасность — беженцы-христиане, но особенно турки-мусульмане как следствие Балканских войн. «Турецкие беженцы, — писал Хильми-паша, — хлынули в Восточную Анатолию из бывшей Европейской Турции, а там их не ждали... Они опасны, ибо могут стать орудием в руках любого, кто пообещает им вернуть земли на Балканах... Они — символ и провозвестник крушения самой Турецкой империи».

Переселенчество и фанатизм утративших родной очаг людей — часть национального горя Турции, но если грянет война и на дорогах Восточной Европы и Юга России появятся еще миллионы славянских беженцев, то «рухнут многие кабинеты». Так писал из Вены Хильми-паша.

«Нет, право, — делал он вывод, — нельзя воевать на Балканах. Нельзя!»¹¹.

¹¹ Цит. по: Шеремет В. И. *Босфор*. Изд. 2. С. 50.

В июне 1914 г., т. е. до сараевского убийства, Хильми-паша поделился с Фахретдин-беем своим планом предотвратить *возможную войну в Европе*. Надо создать союз России, Турции и молодых славянских государств с возможностью присоединения любого другого государства. Цель — предотвратить вторжение Австро-Венгрии на Балканы, ибо это, как считал посол, станет началом страшного пожара, который может уничтожить сразу три империи — Османскую, Австро-Венгерскую и Российскую...¹²

Хильми-паша делился с другом резкой оценкой панисламизма младотурецкого руководства, как не оправдавшего себя в идее халифата османского султана, так и особенно вредного в «напряжении умов и сил на Балканах и в России сейчас», т. е. в 1914 году.

Из переписки послов удалось выяснить, что, помимо воинственного и русофобски настроенного Энвер-паши (его настроения, однако, не помешали ему после падения своего правительства бежать в Советскую Россию), в руководстве младотурок имелись (1913–1914) люди, стремившиеся избегать любых осложнений с Россией. Они были готовы до середины 1920-х гг. занимать выжидательную позицию на Востоке и в Европе; активизировать ее в 1930-х; к концу 1940-х – началу 1950-х занять прочное лидирующее положение на Балканах и Ближнем Востоке. Все — при сохранении мира с Россией. Правда, и здесь планировалось то, что в переписке послов деликатно называлось «активной политикой среди тюркоязычного населения России и балканских стран...»

В отношении царского правительства послы полагали, что ситуация достаточно прочна в политическом смысле, но закончит перевооружение Россия только к середине лета 1917 года. «Поэтому, — писал в Вену, опираясь на беседы с русскими генштабистами, Фахретдин-бей, — воевать раньше этого срока не входит в планы русских»¹³.

Турецкий посол в Петербурге горько сетовал на своего атташе по военно-морским делам (1911–1914), некоего Али Мухтар-бея, в 1908–1911 гг. адъютанта самого Энвер-паши. И было на что сетовать. Атташе сверял свои шаги в русской столице не со своим послом, а с посланником Австро-Венгрии. Депеши Мухтар-бея в Стамбул содержали преимущественно «поношения» в адрес свиных отбивных, черной икры и слишком крепкой русской водки, сетования по поводу излишне долгих праздников в конце одного года и начале нового ... Нет, русские не хотят, просто не смогут воевать! «Мы, турки, будем воевать! Или все совершенно погиб-

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же. С. 54.

нем, или отыграем великую славу Дома Османов! Война, война! Скорее! Русские уже на Босфоре!». Так обобщили позицию турецкого атташе умельцы из Осведомительного отдела, знакомясь с письмами Мухтар-бея.

Посол Фахретдин-бей, человек трезвый (во всех смыслах) и осторожный, категорически отрицал возможность положительных для Турции перспектив в войне с Россией, отвергая саму возможность поднять «сразу и вдруг» мусульманское население России на войну.

В конце лета – начале осени 1914 г. он писал в Вену: «Я не раз зондировал русских, не считают ли на Певческом мосту [где был расположен МИД. — В. III.] турок более удобными и менее капризными союзниками, чем тех, с кем связывают Россию скорее исторические реминесценции, чем политические и военные реалии XX века?» И сам отвечал: «Русские не доверяют болгарам; к румынам их доверие также сильно поубавилось, как, впрочем, и к грекам... Нам, туркам, верят менее всего»¹⁴. Тут, видимо, Фахретдин-бей глубоко вздохнул, перо дрогнуло в крепкой руке, привычной к поводьям, — посол упорно пользовался в Петербурге изумительным аргамаком, демонстративно пренебрегая новехоньким «Руссо-Балтом». Бумага письма чуть прорвалась, появилось небольшое чернильное пятно, аккуратно присыпанное тончайшим песком с золотыми блестками.

Посол с полным основанием полагал, что Османская империя будет проигравшей стороной при любом исходе мировой войны. «Победа русских повлечет за собой в будущем разрешение вопроса о Проливах [Босфоре и Дарданеллах. — В. III.] и предъявление некоторых других требований. Естественно, — продолжал он, — что после [тут он, видимо, долго выбирал слово — поднятое перо подсохло, и на бумаге последовал сухой росчерк, затем обведенный с очевидным нажимом. — В. III.] умаления Австрии русские станут хозяевами на Балканах». Ниязи Фахретдин-бей призывал своего венского корреспондента и, пожалуй, стамбульское руководство крепко, как он выразился, призадуматься над опасностью окончательно утратить позиции на Балканах.

«Если русские и победят [Ниязи Фахретдин-бей был очень турком и отнюдь не желал видеть традиционного противника в числе победителей. — В. III.], то между Россией и Англией, которые ныне случайно объединились против общего соперника — Германии, тотчас произойдет естественное охлаждение». В итоге нового этапа соперничества Англии и России неизбежно и очень серьезно пострадает Турция.

¹⁴ Там же. С. 55.

«Если верх возьмет Германия, — рассматривал он иной исход войны, — то разве могут быть сомнения в том, что немцы сделают из Турции второй Египет, после того как захватят в свои руки правление»¹⁵.

Он очень хорошо знал ситуацию, этот элегантный, подтянутый красавец-турок, победитель шутивого конкурса петербургских дам на самые красивые мужские усы. Кто еще из послов имел формуляр в Императорской Публичной Библиотеке? Фахретдин-бей имел. Из регулярно прочитываемых там газет, как и от своего конфиденнта в Вене, он знал, что кайзер назвал русского министра иностранных дел С. Д. Сазонова и одного из лидеров младотурок Талаат-пашу, посмеявших мирно встретиться в Ливадии летом 1914 г., «двумя восточными негодьями», а младотурок — «изолгавшимися, ненадежными, чванливыми и продажными». Известен был и разнесен прессой по Европе в мае 1914 г. «окончательный приговор» Вильгельма II: «Турцию нельзя более спасти. Она теперь ничего не стоит. Она может попасть в руки Антанты, иначе говоря, развалиться на куски».

Фахретдин-бей заметно волновался. Ажурная вязь арабского письма стала стремительно скручиваться книзу, почти сливаться изящным узором в стремительном полете мысли. «Необдуманное выступление может оказаться гибельным для государства». И точка. Четкая и определенная, как след от пули.

«Что делать?» — спрашивал сам себя посол. И отвечал. — Надлежит принять необходимые меры и произвести частичную мобилизацию, сохраняя при этом нейтралитет. В зависимости от оборота, который примет война, быть готовыми ко всякой случайности и выступить при удобном случае...». Печальным прощанием Османской империи с империей Российской прозвучала фраза из письма Ниязи Фахретдин-бея в Вену от 3 сентября 1914 г.:

«Сазонов, русский министр иностранных дел, сказал мне на днях: “Если вы начнете войну, Россия вам этого никогда не простит. Я верил в вас, в турецкий нейтралитет и вел политику в соответствии с этим. Но теперь, — заключил Сазонов, — я нисколько этому не верю...” Вот и все, мой досточтимый паша. Совсем все. Я в скором времени буду иметь честь увидеться с вами».

Легкий росчерк подписи завершил письмо. Песок с золотыми блестками лег на плотную, по-старинному скатанную бумагу.

Хильми-паша так и не получил это письмо. Оно прошло через умелые руки офицеров отдела дешифровок с Певческого моста, обрели первозданный вид печати на свитке. Однако письмо задержалось при отправке адресату, а там и мир перевернулся. Империи Османов и Романовых рухнули.

¹⁵ Там же. С. 58.

Забытый резидент

Знать, но не воевать.

А. Н. Щеглов

В разведку приходят, как известно, разными путями. Кто по велению души, кто по прихоти военной судьбы, кто по казенной надобности, то бишь по воле начальства...

Чтобы на должность резидента ссылали инициатора реформ разведслужбы российского императорского флота, да еще в такое «нецивилизованное местечко», каким представлялся Европе Стамбул в начале XX в., — в этом, право же, было нечто особенное...

С эпохи Екатерининских войн и до Первой мировой войны в русской военной разведке на Ближнем Востоке служили люди, получившие блестящее общее образование и военную подготовку. Некоторые из них вошли в историю как крупные исследователи Востока. Например, М. П. Вронченко, П. А. Чихачёв, переводчики Шекспира и античных авторов, а на склоне лет — почтенные сановники Российской империи. О них мы расскажем в свое время. Но целый ряд имен по тем или иным причинам оказался в забвении. Особенно это относится к сотрудникам разведывательной службы военно-морского ведомства царской России. К последним принадлежал выходец из небогатой дворянской семьи Александр Николаевич Щеглов (1875–1953). Выпускник Кадетского корпуса и Морского корпуса в Санкт-Петербурге, он несколько лет отдал морю.

Трудно сказать, почему мальчика так потянуло к морю: семья была в основном связана с землей. Это была семья, где много и честно трудились, мечтали, вместе поднимали детей.

В церковной книге петербургского храма Рождества Христова что на Песках есть запись под номером 23510 от 26 апреля 1875 г. по старому стилю. Она гласит, что у надворного советника и делопроизводителя Главного Выкупного Учреждения Министерства финансов Николая Карповича Щеглова и законной его супруги Ольги Александровны крещен младенец мужского пола — Александр.

В свидетелях значились псаломщик церкви, тетушка — вдова коллежского секретаря Пелагея Карповна Никитина и дядя — Сергей Карпович Щеглов, в ту пору студент Петербургского Университета.

Вот оно — начало. На руках дяди Сергея младенец благополучно прибыл в дом № 25, что по 5-й улице Рождественской части Петербурга, ныне 5-й Советской (дом этот я видел в полном порядке месяц назад). Да, кажется, так и вырос на руках любимого дядюшки. Сам Николай Карпович стал отцом в 43 года и был гораздо дальше от сына, чем его младший 25-летний брат.

Николай Карпович имел дело с земельными вопросами, его брат Сергей посвятил себя почвоведению прибрежной балтийской зоны. Своего дома Сергей Карпович не имел и грел душу у очага старшего брата. Отдавал все силы души племяннику, рассказывал о славных традициях русского флота. Истории привычного и простого быта строителей верфей и портовых сооружений, для которых подбирал подходящие места Сергей Карпович, сплетались с рассказами о первых русских мореходах, обошедших вокруг земного шара, о деяниях героев Чесмы и Синопа. И эти рассказы были мальчику ближе и понятнее, чем заботы отца.

Впрочем, служба у отца складывалась так, что вряд ли оставались силы на неспешные домашние беседы. Шутка сказать, поставил на ноги младшего брата — помог окончить университет, да еще содержал оставшуюся без средств, вдовой при трех сиротах, сестру Пелагею.

Сам Николай Карпович в 1864 г. окончил Петербургский университет кандидатом административных наук с правом на чин X класса, что было большим успехом для того, кто мог полагаться только на свои собственные силы.

А далее потянулись годы и годы службы в финансовом ведомстве. Уже в марте 1869 г. Николай Карпович стал коллежским асессором, а на Рождество 1872 г. за отличие по службе произведен в надворные советники. За восемь лет «трудом и усердием», как говорится в его послужном списке, продвинулся с X класса Табели о рангах в VII класс, что само по себе было гражданским подвигом. На Пасху 1877 г. он стал коллежским

советником, что соответствовало чину полковника или капитана первого ранга. Пределом возможного для худородного Н. К. Щеглова был V класс статского советника, полученный им в 1880 году. А на следующий год Николай Карпович был уволен в отставку по прошению — болел.

В сухом и емком послужном списке уместилась вся его жизнь.

Вот две записи. За годы службы, т. е. с 1864 по 1881 г., в отпуске был в 1865, 1867, 1872 и в 1880 гг. Причем дважды — в отпуске по 28 дней, и только уже в чинах позволил себе два отпуска по два месяца. Как записано в документах, «являлся на службу неизменно в срок и никогда не подвергался ни одному из тех случаев, которые лишили бы его права на получение Знака Отличия за беспорочную службу».

И еще две записи приковывают внимание в деле Николая Карповича. Одна: «Жена и сын неизменно при нем». Трудно, но примерно жил человек. На склоне лет переехал с семьей из довольно шумной Рождественской части, что недалеко от нынешнего Московского вокзала, в небольшой домик в Царском Селе.

Другая запись: «Имения ни у него самого, ни у родителей, ни у жены, ни родового, ни благоприобретенного у означенного статского советника Щеглова Н. К. — нет».

Звучит несколько печально, но торжественно и возвышенно. Вот так-то. В Выкупном ведомстве, при закладных, векселях, деньгах, оборотах — всю жизнь. И ничего. Ни имения, ни значительных средств.

Поднял брата, племянников. А вот сына поднять не успел.

Все Щегловы не были увешаны орденами, но трудились очень много и честно. Пример строгого следования долгу, принятым этическим нормам и нравственным идеалам — это у Александра Николаевича Щеглова было от семьи.

Единственное, против чего резко взбунтовался Александр, — так это против чиновничьей рутины, которой были подчинены жизни отца, дяди, других родственников. Он выбрал себе другой путь.

29 мая 1888 г. вдова статского советника Ольга Александровна Щеглова подала прошение в Канцелярию Морского Училища о принятии ее единственного сына в Училище. На прошение была наложена резолюция: «К испытаниям допустить».

Вот радости-то было. Но нет. Другая, более властная рука красным карандашом — до сих пор не выцвел! — поперек тщательнейше выписанного на гербовой бумаге прошения начертала два загадочных слова: «Оспа, полиция». Но все уладилось.

Вот они, столь любезные русской душе Справки.

Во-первых, коровья оспа привита по всем правилам за день до подачи прошения. А за второй справкой Сашиной матушке пришлось побегать. И вот и она.

«Г-ну Начальнику Николаевской Морской Академии и Морского Училища.

Жена статского советника О. А. Щеглова и сын ее Александр за время проживания в Царском Селе в политической неблагонадежности замечены не были». Подписано полицмейстером г. Царское Село 30 июня 1888 г.

Все. Можно нести документы. Перебелили прошение. Столь велико было желание Александра связать судьбу свою с морем, что прибавила Ольга Александровна к новому прошению одну фразу: «Прошу принять сына своекоштным пансионером, если бы не выдержал экзамена». Не простое это было решение для вдовы средней руки чиновника — на свой счет одеть-обуть, содержать воспитанника Морского Кадетского Корпуса. Слава Господу! Все уладилось.

По результатам вступительных экзаменов Александр был зачислен воспитанником на полном довольствии. Через несколько месяцев началось его «продвижение по службе». Воспитанник А. Щеглов был назначен комендором 5-й роты. «Усерден в науках, правдив и старателен», — отметило начальство при первом «производстве» нашего героя. Ему шел тогда 14-й год.

Так что на вопрос, когда и почему А. Н. Щеглов связал себя с морем, ответим просто — судьба.

В 1894 году гардемарин Щеглов в числе лучших воспитанников последнего курса получил свою первую награду — серебряную медаль в память коронования Николая II. К этому времени за плечами у него уже были четыре месяца похода кадетом на корвете «Боярин». А первый поход после выпуска, мичманом, будет на знаменитом броненосце «Три Святителя»...

...Станислава III степени он получил в 1901 г., будучи лейтенантом. Экзотический османский орден «Меджидийе» и французский Орден Кавалерского Креста Почетного Легиона украсят его мундир в 1902 г. — «за особые отличия» в период плаванья русской эскадры в Средиземном море. В течение двух последующих лет его работы гидрографического направления будут отмечены прусским Орденом Красного Орла, греческим Кавалерским Крестом Спасителя, тунисским Орденом Нишан-и Ифтихар. Он будет долго, безнадежно долго ожидать обещанный ему

лично Николаем I орден Владимира за инициативу по созданию Морского Генерального Штаба...

Долгие годы в личном деле Александра Николаевича Щеглова будет повторяться запись: «Личных средств не имеет, живет на офицерское жалование». А жалование это было весьма скудным. И вот грустная судьба русского офицера. Женатый первым браком на небогатой дворянской дочери Евгении Александровне Эбергардт (умерла в 1909 г.), он имел двоих детей: Ксению (род. 11 ноября 1898 г.) и Андрея (род. 14 ноября 1901 г.). В личном деле, как у отца, запись: «Ни у него, ни у жены его недвижимости или имущества — нет». И так до конца, из года в год, вплоть до 1917 г., когда на последнем донесении внизу приписка его рукой «клером», без шифра: «Средств личных вовсе никаких не имею, как жить с семьей, не знаю. Силы и умение положил на службу Отечеству». Это будет в ноябре 1917 г.

А до этого Щеглов служил и на Балтике, и на Черном море, и на Средиземном. Он занимал достаточно хлопотную должность вахтенного начальника. Причем большую часть свободного времени — а много ли его у молодого офицера на боевом корабле! — Александр Николаевич посвящал не воспоминаниям о хорошо проведенном времени в прошлом порту захода и не предвкушениям развлечений в следующем порту, а самообразованию и размышлениям на довольно неожиданную тему.

Его чрезвычайно интересовала проблема совершенствования форм получения, систематизации и обработки «благополезных для флота данных», как он сам формулировал это в одном из писем.

К числу главных из этих «благополезных сведений» молодой лейтенант причислял разведывательную службу, ориентированную в первую очередь на интересы флота, и создание особых органов оперативного управления флота, в которые и вливалась бы, как он писал, «бодрящая струя живых сведений о противнике».

Идеи и фактический материал накапливались. Щеглов окончил Морской корпус в 1895 г. и следующие семь лет упорно работал, осваивая огромный объем информации, штудирова исторические исследования, прессу (ей он всегда уделял большое внимание) разных стран и, по мере возможности, не только современную ему, но и газеты прошлых лет.

И во всех портах и севера, и юго-востока Европы он стремился увидеть не только привычные и везде одинаковые швартовки, пирсы и развлекательные кварталы, но и те районы города, которые никогда не видят туристы, но где сосредоточены основные флотские службы.

2 (15) ноября 1902 г. А. Н. Щеглов завершил первый вариант предложений по созданию в составе Главного Морского Штаба России «особого оперативного отделения». Опираясь на опыт франко-прусской войны 1871 г., он убедительно доказал, что Пруссия начала исподволь собирать разведывательную информацию еще с 1853 г. и преуспела...

«Наши неудачи в начале войны с Турцией 1877–1878 гг., — писал Александр Николаевич, — проистекали от незнания противника, отсутствия разведанных и оттого неверных оценок даже общей численности турецкой армии». Две проблемы серьезно мешали России, по справедливой оценке А. Н. Щеглова, в войнах с Турцией (и помешают в будущей войне с Японией): плохо поставленная разведка и слабо разработанные мобилизационные мероприятия.

Идеи о том, как справиться с первой из этих проблем, вынашивались Щегловым в годы службы сначала вахтенным начальником, а затем старшим флаг-офицером на кораблях Черноморского и Балтийского флотов.

Опыт походов в Средиземном море подсказал ему принципиальную важность, как писал он позднее, «достоверных и доставляемых оперативно сведений о положении дел по военной и политической части из стран, до которых имеем отношение в продолжение наших походов». Человек деятельный и собранный, Александр Николаевич уже в 1901–1902 гг. подготовил и доложил по команде два проекта.

Первый был связан с организацией «воздухоплавательного дела» на флоте. Речь шла об организации постоянного наблюдения за районом плавания с воздушных шаров типа аэростатов, которые базировались бы на кораблях. Делу был дан ход, отпущены средства, но, как водится в России, поскольку инициатор создания воздушной разведки был переведен на службу в Петербург, шары-разведчики совершили лишь несколько пробных полетов, и дело заглохло.

Второй проект Щеглова был ближе к жизни, к возможности воплощения его дальних планов. По собственной инициативе и только на личные средства он составил подробное военно-стратегическое описание Средиземноморья. На это ушло около пяти лет. Все увольнительные на берег молодой лейтенант посвящал изучению портов посещения, изучению газетной и любой другой печатной информации, сводил знакомства, уточнял... Пока все в рамках, или почти в рамках того, что мог позволить себе молодой офицер, активно интересовавшийся и местоположением древнего маяка в Александрии, и полузабытыми гаванями на островах Ионического архипелага, и, как бы между прочим, новинками

морского вооружения, приобретенными греческим королевским флотом. Заложились связи, знакомства в многочисленных городах Восточного Средиземноморья — в Турции, Греции, на Адриатике, принадлежавшей черногорцам, австрийцам, итальянцам. Как бы сам собой определился основной район интересов Щеглова. Тот, где он проведет самые светлые и счастливые, по его признанию, но и трудные годы уже как профессионал-разведчик.

Готовились статьи для «Морского сборника», доклады командованию. Две особы Царствующего Дома, совершавшие весной 1913 г. на канонерке «Уралец» плавание по Средиземному морю с заходами в Венецию и на остров Корфу, были поражены тем, насколько точными оказались все описания этих мест, сделанные А. Н. Щегловым еще в 1902–1903 гг., насколько они соответствовали увиденному, а, главное, прочувствованному.

Великий князь Николай Николаевич (одна из этих особ), наслышанный о Щеглове, к тому времени уже удаленному из Морского Генерального Штаба на Ближний Восток, вознамерился проверить наугад выбранную информацию из аналитических материалов Александра Николаевича под рабочим названием «О людях и местах Греции». Попросил, вызвав растерянность свиты и принимавших высокую чету местных властей, найти некоего Захаридиса, указав селение и точное расположение дома этого греческого торговца.

Ко всеобщему изумлению (а свита не знала замысла великого князя), Захаридис был немедленно доставлен и предстал перед Николаем Николаевичем.

Смущение и робость грека растаяли, как только было названо имя, под которым Щеглов общался с ним. Великий князь и Захаридис удалились в каюту, где беседовали полчаса. О предмете беседы командир канонерки в своем отчете сообщил коротко — «неизвестно». О поведении великого князя после беседы было отмечено: «Долго пребывал в задумчивости и глядел в сторону восхода».

Супруга великого князя Елизавета Маврикиевна тоже испытала на себе удивительные свойства подробных «описаний» Щеглова. В частности, он рекомендовал небольшим кораблям в этом районе «соблюдать предельную осторожность в период марта–апреля». Великая княгиня, женщина решительная до вздорности, потребовала выхода в открытое море вопреки щегловским предостережениям. Все обошлось. Однако, как свидетельствует отчет капитана, Елизавета Маврикиевна «перенесла килевую качку до

погружения в воду носового орла тяжело, но стойчески, часто крестилась и обещала во всеуслышание своему супругу сведущих людей по морской части впредь слушать».

Команда «Уральца» получила по миновении шторма от имени августейших особ по десять чарок, кондукторы и боцман еще по пять рублей серебром, а создателю благополезного описания решили изъять особую милость. В чем она состояла, однако, узнать не удалось ни мне, автору, ни, кажется, самому Щеглову. Он уже был на наблюдательных пунктах очередных горячих точек балканских конфликтов.

Все самые первые работы и аналитические обзоры лейтенанта Щеглова по Средиземному морю были столь весомы, что учитывались при проведении стратегических игр в Главном Морском Штабе.

— Саня, откуда в тебе столько энергии? — не переставал удивляться его старый добрый товарищ и тезка Александр Колчак, будущий известный адмирал и верховный правитель России.

— Во-первых, у меня чернильница и перо—самописки. Они сами строчат. А еще, как ты помнишь, я орехи люблю — от них в мозгах прочищение делается, — отшучивался Щеглов. Но сделать он успевал действительно чрезвычайно много.

В тесной каюте корабля, в небольшой, но уютной квартирке на Адмиралтейском канале, дом 5 в Петербурге, где нечасто доводилось проводить свой отпуск, Александр Николаевич готовил и шлифовал главный план своей жизни — проект оперативно действующего морского генерального штаба с функциями, неизвестными неповоротливому и застывшему в косности Главному Морскому Штабу.

Прирожденный разведчик-аналитик, Щеглов готовил свой проект тщательно и, как тогда говорили, «весьма сберегаясь». Впрочем, по крайней мере три человека были изначально посвящены в секрет проекта. Саша — Александр Васильевич Колчак, ровесник и конфидент до своего трагического смертного часа на мерзлой земле Сибири. И два адмирала — Зиновий Петрович Рожественский и Александр Федорович Гейден. Их имена так же хорошо известны любому читателю в России, как и имя Верховного правителя России Колчака.

С перепиской Щеглова с этими замечательными людьми России, конечно же, неполной, автору удалось ознакомиться благодаря... Осведомительному отделу самого Морского Главного Штаба, где «иги чванства и пренебрежения, — как писал Щеглов Рожественскому в конце 1906 г., — привели империю к позору и войне с Японией».

По мере того, как множилось число трудов, проектов и докладных неугомонного Щеглова, росли и материалы на него в Осведомительном отделе. Там осели черновики и копии писем к З. П. Рождественскому и А. Ф. Гейдену, масса личных счетов крайне бедного, на одно жалование жившего офицера, черновики его литературных упражнений и еще многое...

И слава Богу, что дотошные умельцы из Осведомительного отдела столь деятельно «пасли» нашего героя. В уголке личного дела карандашная пометочка: «Деловит, порой суетлив, назойлив по государственному делу, личных амбиций не являет». Благодаря отдельцам сохранилась значительная часть из того документального наследия Щеглова, что в переплетенном виде отправилось «наверх» и сгинуло в болоте канцелярии Морского Министра. А объем информации нарастал. Благодаря усилиям З. П. Рождественского и А. Ф. Гейдена Щеглов был переведен с флота на берег, чтоб «закончил начатое в тепле и без качки, — как изволил пошутить Зиновий Петрович Рождественский, — а то пишете и без того мелко и неудобочитаемо»¹⁶.

Уже осенью 1905 г. два друга — лейтенанты А. Н. Щеглов и А. В. Колчак, два капитана 2-го ранга В. К. Панкин и М. М. Римский-Корсаков объединились в Санкт-Петербургский Морской кружок. В беседах в кружке, в обмене мнениями с маститыми адмиралами получила окончательное оформление пространная записка о коренных преобразованиях в деятельности всего морского ведомства России.

Все перипетии и козни морского начальства при обсуждении и проведении в жизнь указа от 25 апреля (ст. ст.) 1906 г. о создании Морского Генерального Штаба заслуживают особого рассказа. Достаточно сказать, что безвестный лейтенант добился того, что не слишком благоволивший к флотским император Николай II получил доклад Щеглова в обход морского министра, аккуратно все прочел и заявил:

¹⁶ С 26.01.1904 г. по 27.08.1905 г. состоял прикомандированным к канцелярии Особого комитета Дальнего Востока; с 27.08.1905 г. по 01.05.1906 г. состоял в 18-м флотском экипаже в Петербурге; с 01.05.1906 по 26.06.1906 г. «состоял в прикомандировании в Морском Генеральном Штабе»; с 26.06.1906 по 26.01.1909 г. «исполнял должность штаб-офицером высшего оклада Морского Генерального Штаба»; с 26.01.1909 г. в должности военно-морского агента в Константинополе (Стамбуле). Капитан-лейтенант с 13(26).04.1908 г., капитан 2-го ранга с 6 (19).12.1910; звание капитан 1-го ранга получил уже накануне Первой мировой войны. После Стамбула были Бухарест, Стокгольм и, наконец, трудная, честная жизнь в Париже. И скромный памятник на кладбище г. Медона под Парижем, где жил последние двадцать лет и скончался 9 января 1953 г. А. Н. Щеглов.

— В докладе и законопроекте так ясно и подробно очерчены все обязанности и деятельность органов Морского Генерального Штаба, что остается только сесть и начать работать.

Тем, кто тормозил вопрос, оставалось только повиноваться. Обращаясь к начальнику Походной Канцелярии графу Гейдену, который вместе с Рождественским, вернувшимся тогда из японского плена, продвигал докладную Щеглова, Николай II заметил:

— Какие дельные мысли о разведке!

Судьба резидента в Стамбуле была предрешена. В чем же состояли новаторские идеи Щеглова, и как они воплотились в жизнь?

Новацией было уже то, что в Морском Генеральном Штабе (Генморе) предлагалось заняться систематической работой по организации долговременной разведывательной службы на театрах возможных военных действий.

Обобщением ресурсных характеристик, открытой статистики, экономико-географических и военных сведений общего характера, равно как сбором и анализом разведывательных данных от закордонной агентуры должно было заниматься «Разведочное бюро Генмора». Всю работу в нем должны были осуществлять 1 штаб-и 3 обер-офицера из общего числа в 10 штаб-офицеров и 33 обер-офицера Генмора. Первым примером работы такого характера должна была стать деятельность группы по изучению войны западных держав с Китаем (так называемое усмирение «боксерского восстания» в 1900 г.). Заметим, что эта работа была проведена, собрана масса документов, которые осели в архивах...

Щеглов не устал повторять — для разведки нет ничего второстепенного в газетных публикациях. Он настоял на создании при Разведочном бюро отделения военной статистики. В штате состояли один штаб- и восемь обер-офицеров. Они деятельно трудились, и сегодняшний исследователь имеет уникальную и доселе не оцененную по достоинству и по перспективности возможность день за днем проследить по десяткам газет ход Балканских и Первой мировой войн. Корреспондентские сообщения, тщательно сверенные самим Щегловым, составляли важную часть его донесений из-за рубежа.

Вот какие задачи ставились сотрудниками Отделения иностранной статистики Разведочного бюро (представляется любопытным процитировать, с соблюдением стиля и лексики, как формулировались задачи Отделения):

«...Оно (отделение) изучает силы и средства вероятных противников (по театрам), освещает отделению русской статистики организационные

вопросы, составляя и обрабатывая для этого соответствующие справки по иностранным флотам, следит за всеми новшествами иностранных флотов, собирая и обрабатывая для этого все доступные полные статистические сведения».

Организационная сторона вопроса была тщательно продумана Щегловым и многократно обсуждалась им с коллегами и единомышленниками, в первую очередь с А. В. Колчаком. По каждому театру военных действий, говорилось в документе, создаются так называемые «1-й и 2-й столы по изучению противника».

В задачи 1-го стола входит:

— изучение общего финансового и военно-экономического потенциала противника;

— «наблюдение за направлением внешней и внутренней политики этого государства»;

— выяснение вероятного состава эскадр, отрядов кораблей и типов отдельных боевых кораблей и вспомогательных судов;

— «выяснение (всеми, особенно агентурными способами) вероятных пунктов и сроков сосредоточения неприятельских судов»¹⁷;

— дислокация флотов и войск в мирное время;

— наступательные и оборонительные планы;

— «военно-стратегическое и статистическое описание побережья противника»;

— «изучение, сколь возможно близкое, характеристики высших начальников противника»;

— «особенности тактического обучения флота противника, результатов его стрельб и маневров».

Предусматривалось также изучение «сухопутной обстановки», включая бюджет государства, как общий, так и по военному и военно-морскому ведомствам, для чего предполагалось использовать как легальные (военные атташаты и пр.), так и агентурные, глубоко законспирированные источники.

На офицере — главе 1-го стола лежала огромная ответственность. Ему вменялось лично отвечать за работу легалов и нелегалов по определению сильных и слабых сторон противника, трижды в год готовить подробные письменные сводки, а также обобщать данные в картограммах и таблицах.

Пожалуй, не меньшая нагрузка лежала и на 2-м столе. Через него собирались консульские (в копиях), финансовые (от агентуры и в копиях

¹⁷ «А почему только неприятельских?» — отметил при обсуждении проекта А. В. Колчак. Реакция А. Н. Щеглова на это предложение осталась неизвестной.

от посольских коммерческих канцелярий) сведения; анализировались и подшивались газеты с выделенными заметками, а также любые (включая частные, самого, на первый взгляд, незначительного характера) сообщения о политических событиях.

2-й стол ушами и глазами своих сотрудников на местах должен был доподлинно знать все передвижения военных кораблей, их вооружение, и как они прошли очередные ходовые и боевые (т. е. стрельбы) испытания.

Кроме очевидного накопления данных об арсеналах, доках, портах и прочего, 2-й стол был обязан иметь списки судов и расписания пароходных коммерческих линий. Агентуре полагалось по возможности лично посетить эти пароходы и определить их пригодность для военных целей.

Ну и, видимо, в свободное от морских прогулок время каждому резиденту надлежало «составлять и регулярно обновлять сводки законов и указов противника как по центральному, так и военно-морскому ведомству».

Разведчик может и должен литературно обрабатывать ту часть своих трудов, которая будет со временем открыта.

«2-му столу каждые два года следует издавать печатные сборники своих трудов для пользования “по принадлежности”, но следует иметь в поле зрения и общенаучные труды». Исключительно перспективной оказалась идея один раз в год силами всего Разведочного бюро составлять служебные таблицы «Сравнительные изменения в силе врага».

Собранные статистические и общего назначения стратегические материалы втуне не хранить, а публиковать в военных и военно-морских изданиях — таковы были мысли Щеглова.

Предлагался очень высокий уровень требований к сотрудникам Разведочного бюро и отделения иностранной статистики в частности. Достаточно сказать, что начальник отделения подчинялся лично первому заместителю начальника Генмора с обязанностью письменного доклада один раз в два месяца. Все офицеры отделения зачислялись на должность только после полугодовой стажировки под наблюдением упомянутого первого заместителя начальника Генмора и очень суровых экзаменов. Знание трех-четырех иностранных языков и длительная зарубежная практика в стране изучения считались само собой разумеющимися факторами наравне с пяти-семилетней службой после окончания Морского корпуса.

Идеи Щеглова после очередного замечания Николая II, сказавшего: «Вижу в них залог обновления и скорейшего развития флота», обретали воплощение.

9 (22) января 1906 г. из стратегической части Военно-морского Ученого Отдела были откомандированы 14 офицеров в Управление Морского Генерального Штаба. В очередную годовщину этого откомандирования в Посольство России в Стамбуле 9 января 1912 г. пришла телеграмма. Она была без имени адресата — «в русское посольство», на бланке Администрации почт и телеграфа Османской империи. Латинскими буквами в ней значилось (воспроизвожу по подлиннику):

Vas pomnim pervogo iniziatora shtaba i shlem nizkiy poklon Karsakoff Berens Samarine Keller Novikoff Borkovsky Guene Nischenkoff Kallistoff Yakovleff

Адресат ознакомился с телеграммой друзей по Морскому Генеральному Штабу, думаю, с немалым удовлетворением, чем с подписанным тогда же царским рескриптом о награждении А. Н. Щеглова, капитана 2-го ранга, орденом Станислава 2-й степени «в воздаяние отлично усердной службы Вашей».

Лично император и его лучший военно-морской агент, прибывший в Петербург для отчета, встретились в 12 часов дня 22 февраля (ст. ст.) 1912 г., когда в Зимнем дворце Николай II принял группу морских офицеров. Погода была сырая, форма одежды «парадная зимняя» чудовищно давила после легких стамбульских одежд. Рука государя показалась Александру Николаевичу вялой и холодной, глаза смотрели куда-то вдаль... В личном деле появилась запись: «Е. И. В. соизволили (капитана 2-го ранга Щеглова) благодарить и пожелать успеха в работе...»

Признание товарищей и наше с вами, читатель, внимание к необычной судьбе этого русского офицера, патриота и, строго говоря, отца-основателя военно-морской разведывательной службы России на Ближнем Востоке все время запаздывали. Видно, правы были наблюдательные и неторопливые офицеры из Осведомительного отдела, которые отмечали в нем полное отсутствие личной амбициозности...

Тогда, в 1906 г. успех всех предложений А. Н. Щеглова и высокая поддержка обеспечили, наконец, личное положение его — выходца из небогатой дворянской семьи, который не раз благодарил З. П. Рождественского за «подачу способов к пропитанию». Еще 27 февраля (ст. ст.) лейтенант Щеглов подает рапорт об увольнении со службы по домашним обстоятельствам — на крохотное жалование флотского на берегу невозможно

поддержать мать и двух сестер. Через месяц на Адмиралтейском канале у дома № 5 зачастили курьерские экипажи...

«Ваше высокоблагородие вызывается в Адмиралтейство тотчас же после заседания Цусимской комиссии, в 5 часов вечера».

Комиссии, заседания, личное участие в отборе первых сотрудников Разведочного бюро. И при этом составлялись новые разделы к курсу военной истории, наставления по работе агентурной сети в Средиземноморье, бумаги, докладные...

«Николаевская Морская Академия имеет честь пригласить Вас в одну из сред в январе или феврале сего 1908 года сделать сообщение о работе Морского Генерального Штаба с приглашением всех слушателей, начальствующих лиц и офицеров флота. Благоволите сообщить мнение. Спб. телефон Академии 266-00».

Телефон ему тогда еще, в 1906 году, поставили быстро — через три месяца, а квартиру не дали. Очередники и тогда, оказывается, казенную квартиру ждали подолгу.

Сохранилась написанная Александром Николаевичем от руки программа его выступления в Николаевской Морской Академии. Внимание привлекают два пункта:

«1. О методе разработки планов войны для сухопутных вооруженных сил». Сбоку помечено синим карандашом: «Особо сказать о политической разведке и оценке сил потенциального противника через агентурные данные и прессу».

«2. План развертывания морских сил». И снова — значение «глубокой и долгой разведки», «стратегическое развертывание на базе агентурных (сверху вставлено — “научно исчисленных”) данных о противнике». Разведка на флоте, ее взаимодействие с сухопутной...

Тысячи страниц аналитических документов на базе данных о Турции и Балканах остаются еще не известными специалистам-историкам.

Как всякому одаренному человеку, к тому же первопроходцу в таких сферах, как научная организация разведки и реформирование Морского ведомства, Александру Николаевичу пришлось испытать до дна чашу терпения и выдержки. Он читал лекции в Морской Академии, подбирал людей на длительную зарубежную службу, писал массу документов научно-организационного характера, а в это время за его спиной творилось что-то нехорошее...

2 (15) ноября 1907 г. в Морском министерстве состоялась очередная аттестация старших офицеров органов управления военно-морскими

силами. Среди первоначально поданных на аттестацию имени и.д. штаб-офицера высшего оклада Морского Генерального Штаба А. Н. Щеглова вообще не оказалось. Он вовремя заметил. Извинились — описка, матросик, дескать, новый, «Ундервуд» он еще не освоил...

Во второй список Щеглова внесли. Однако на заседание, где проходило голосование, «забыли» пригласить шестерых старших штаб-офицеров нового органа — Морского Генерального Штаба, ближайших сподвижников Щеглова. В итоге получилось следующее.

Вопросы при баллотировке на должность, которую Щеглов уже занимал, были поставлены так:

1. Обладает ли данный офицер необходимыми опытом, знаниями и характером?

2. Обладает ли данный офицер способностью для приобретения новых знаний?

23 из 45 членов аттестационной комиссии ответили отрицательно. 16 — положительно. Фактически для аттестации Щеглова не хватило голосов именно тех людей, кто лучше всего его знал и кого не пригласили. Т. е. тех, кто вместе с ним боролся за обновление морской политики, за создание новых органов — Морского Генерального Штаба, военно-морской разведки — ушей и глаз научного аналитического центра, мозга всего российского флота.

Много лет спустя, в эмиграции, старые боевые товарищи Щеглова в книге «Колыбель флота. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701–1951» (Париж, 1951) воздали должное инициативе, энергии и настойчивости Александра Николаевича Щеглова. В книге говорится, что он первым жестоко раскритиковал «рутину и нестроение», царившие в Главном Морском Штабе, предложил и провел в жизнь его реформу. Мысли и практическая деятельность А. Н. Щеглова в налаживании систематической разведслужбы флота до сих пор остаются недооцененными.

Тогда, в 1907 году идеи и настойчивость 32-летнего старшего лейтенанта показались чиновникам в золотых эполетах чрезмерными. Ленив, нерешителен, к приобретению знаний не способен — вот вывод, который последовал из итогов заседания баллотировочной комиссии 2 (15) ноября. И следствие — с флота списать. Его — создателя Морского Генерального Штаба, инициатора Военно-Морской Академии! Любой бы дрогнул. Трое суток телефонные барышни Петербурга тщетно прозванивались в квартирку на Адмиралтейском канале. Кое-кто из друзей приходил. Первым, как

всегда, был выдержанный, внешне спокойный Саша Колчак. Негодовал энергичный, под стать Щеглову, помощник Начальника Генмора капитан 2-го ранга А. В. Шталь — также гордость русского флота.

6 (19) ноября 1907 г. Морскому Министру И. М. Дикову, о котором в 1951 г. знавшие его скажут осторожно «немножко самодур», была подана докладная записка (копия ее хранится и поныне в личном деле А. Н. Щеглова среди прочих документов в Военно-Морском Архиве в Санкт-Петербурге). Это документ трагической и поразительной силы. Когда-нибудь я опубликую его целиком как образец достоинства и мужества русского офицера. Перед чем или перед кем? Увы! Перед самым опасным противником — чиновной косностью.

Кратко и достойно перечислив всю свою службу — от плавания вахтенным офицером в Средиземном море до курса лекций по военно-морской истории, А. Н. Щеглов решительно отмел как несообразные выводы комиссии, которую назвал хлестко — «тирания толпы».

«Порядок, который сложился в Морском ведомстве, — писал Щеглов, — на руку всему бездарному... При его продолжении произойдет естественный отбор и продвижение ничтожества. Те же люди, которые хоть на один миллиметр выше общего уровня, покинут флот без сожаления, так как нельзя служить случайной власти. Отсутствие гарантий службы приведет к тому, что деятельные офицеры Морского Генерального Штаба, только что созданного, начнут разбегаться... Прошу выдать мне документ, что проект Морского Генерального Штаба был действительно мною разработан, каковой послужит мне пособием для приискания себе заработка, когда буду уволен из Морского ведомства» (Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота. Фонд 1234 (А. Н. Щеглов). Дело 8. Лл. 3–4.)

Докладная никого не потрясла, ничего не взорвала. Борьба между чиновными старцами в руководстве Морского министерства и молодежью в Морском Генеральном Штабе затягивалась. В сухопутном Военном министерстве назначенный в 1908 г. министром В. А. Сухомлинов усмотрел в параллельном Морском министерстве и в его Генеральном Штабе «много-много вольного» и подчинил себе начальника Генерального Штаба сухопутных войск, до того независимого от военного министра.

Предложения Щеглова о разведслужбе, о координации усилий военно-морской и военной сухопутной разведок оставались где-то в недрах громадных генеральских столов. Щеглов как лично известный государю и «благополезный» (признали все-таки!) офицер уволен не был. Однако и развернуться ему не давали.

Они ушли, как и пришли в Генмор, вместе — Александр Васильевич Колчак убыл командовать судном в экспедиции Северного Ледовитого океана, Александр Николаевич Щеглов получил возможность на практике реализовать свои идеи о разведке.

Много позже, весной 1918 г., в Стокгольме, где он застрял в связи с революциями 1917 г., Щеглов вспоминал работу в Турции — Османской империи — как самые счастливые годы жизни. Привычно перебирая любимые янтарные четки, под серым мартовским небом Швеции 1918 г. Щеглов мысленно видел другую весну и другое море.

...На берега Босфора весна приходит буйно. Красные маки, кажется, затапливают город и выплескиваются прямо в воды бухты Золотого Рога. Красное и серое... Красные и белые. Для тех, новых, кто пришел на Дворцовую в Петрограде в октябре 1917, он стал белым. Он не думал о том, какого он цвета, ни в феврале-марте 1917 г., ни позже, летом, когда старый друг Андрей Манделыштам, много лет служивший драгоманом российского посольства в Стамбуле и тоже попавший в Стокгольм, порвал предписание о возвращении в Петроград и отправился приватным образом в Париж. Туда, оказывается, еще в 1913 г. он перевел деньги, что лежали в банке в Петербурге, а потом и те, что получал в Стамбуле (и, кажется, не только из кассы российского посольства), и в 1920-е гг. безбедно жил и много писал.

А где теперь Саша Язьков, вспоминал в марте 1918 г. Щеглов, ближайший помощник в Стамбуле? Саша отпросился на Родину после отречения государя...¹⁸

Где Николай Корсун, мрачный армейский подполковник, полгода служивший в Стамбуле в аппарате российского военного атташе? Тот действительно ушел в революцию и, говорят, уже при штабе большевиков...¹⁹ А он, Щеглов, служил; вступал порой в столкновение с теми, кто сейчас собирает так называемое патриотическое воинство России. Но что теперь? Служба его в Стокгольме повисла в воздухе, средств на жизнь не дает. Новым властям на родине он не нужен, да и сам он о них имел самое смутное представление. Может быть, прав был последний посол России

¹⁸ А. Язьков принял участие в переводе кораблей Балтфлота из Ревеля в Кронштадт. Расстрелян по приказу Дыбенко вместе с командованием Балтфлота.

¹⁹ Н. Корсун стал крупным военным историком, комбригом, а затем генерал-лейтенантом Красной Армии, автором серии трудов по истории Первой мировой войны.

в Стамбуле М. Н. Гирс, когда весной 1914 г. советовал ему прикупить домик на острове в Мраморном море? Сидел бы сейчас и писал мемуары... В памяти русского офицера много интересного...²⁰

Щеглов вспомнил, как учили они, уже в чинах офицеры, замысловатый своими арабскими письменами турецкий язык в 1907–1908 гг. Как же пригодилось это потом! Стамбул 1909 г., когда туда попал Щеглов, живо представился ему калейдоскопом старого и нового.

Уже прошел год, как по стране прокатилась мощная революция, совершенная в 1908 г. младотурками, молодыми армейскими офицерами, и ограничившая деспотизм султана. К власти пришли новые, энергичные люди, хотевшие обновления одряхлевшей Османской империи. Куда они поведут обширную и богатую страну, владычицу Черноморских проливов и многих стратегических пунктов на Суэце, в Красном море и Персидском заливе?

Тогда, в 1908–1909 гг., в Петербурге на сей счет ясности не было. Представители от военной разведки работали в Турции достаточно активно. Однако круг освещаемых ими проблем был достаточно узок. Необходим был свежий взгляд, непредвзятый и острый ум аналитика. Кроме того, требовалось знание всего региона — политики, быта, нравов, идеологии — сочетании со специальной военной-морской подготовкой.

За привычными картинами гаремов, янычар и одалисок, которые бойко рисовала и русская, и европейская рука наблюдателя на час, поспешного туриста по экзотической империи Османов, следовало увидеть и описать старого, но по-новому сильного противника.

Выбор пал на Щеглова. Это была идеальная кандидатура. Знание Средиземноморья, языков, обычаев, неординарность взглядов...

Тогда, в 1909 г., прибыв в Стамбул на должность старшего военно-морского агента (т. е. атташе) России, Щеглов поразился развязности тона и поверхностности оценок, которые давал всем событиям на Ближнем

²⁰ Из депеши посла России М. Н. Гирса Морскому министру И. К. Григоровичу от 28 апреля (ст. ст.) 1913 г.: «Докладываю... о высшей степени полезной и плодотворной деятельности в Стамбуле капитана 2-го ранга А. Н. Щеглова... Имев случай неоднократно пользоваться содействием нашего морского агента, я считаю своим долгом отметить, что он неизменно спокойно и правильно разбирался в военно-политической обстановке и всегда своевременно осведомлял меня по всем военно-морским вопросам. Равным образом сделанная им оценка турецкого флота, так же как и доклад его о значении успешности для ведения русской политики на Ближнем Востоке сильного Черноморского флота и необходимости десантной операции, вполне подтвердились происшедшими военными событиями». РГА ВМФ. Ф. 418 (Иностранная статистика). Д. 2952. Л. 8.

Востоке посол Н. В. Чарыков, гофмейстер двора Николая II. Генерал паркетной службы, Чарыков заверял царя, беспечно проигравшего войну японцам, что Османская империя после своей революции 1908 г. уже «совсем ручная», а младотурки так и «вообще одержимы идеей дружбы с русскими». Что же до создания сильного Черноморского флота, в свое время зубной боли царя Николая I, так «они, турки, на то ни средств, ни желания не имеют». Гофмейстер знал настроения в Зимнем дворце, где и слышать не хотели, что турки уже совсем не те, что были разбиты в 1877–1878 гг.

Как много приходилось Щеглову узнавать и понимать!

Россия, потерпевшая поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., не имела права держать и строить военные корабли на Черном море. Как, впрочем, и Османская империя — держава из числа победителей. Таково было решение Англии, Франции и Австрии.

Российский канцлер Александр Михайлович Горчаков, не слишком таясь от своего старого друга, османского великого везира Фуад-паши, но в тайне от западных держав, подготовил и в 1871 г. обнародовал отказ России от унижительного для великой державы запрета иметь флот.

Отказ России от ограничений на морские вооружения в 1871 г. распространялся и на Османскую империю. Турецкие султаны в период 1870–1900-х гг. не жалели средств на новый военный флот в Черном море. Осознав все это, Щеглов быстро уяснил свою задачу в сложной ситуации: подружиться с турками, но четко держать курс на защиту интересов своей страны.

Это было тем более не просто, что российского посла-гофмейстера в Стамбуле мастерски водили за нос. Это прекрасно получалось у расторопных молодых людей из турецкого министерства иностранных дел, отличавшихся великолепным французским языком и отменными манерами, приобретенными в лучших военных училищах Европы. Они без конца возили Н. В. Чарыкова по пустующим верфям (еще эпохи Крымской войны), показывали театрализованные учения гребных лодок, где гребцы на потеху послу были наряжены в янычарские тюрбаны, запрещенные еще в 1826 г., забавляли скачками джигитов и бесконечными пантомимами жизни старой доброй Османской империи. Благо танцовщицы — француженки и гречанки — отлично демонстрировали танец живота и умело снимали семь покрывал, как истинные дочери гарема, о котором имели представление, пожалуй, столь же сладкое и далекое от правды, как и сам посол.

К тому же Чарыкову очень нравилась бирюза на старом турецком оружии, которое часто появлялось у почтительного и лукавого Мехмета в роскошной лавке недалеко от посольского особняка... И в донесениях Чарыкова в Петербург звучала успокаивающая мысль: у турок флота не будет, так и нам, в России, незачем тратиться. Щеглов быстро понял, что турки говорят и показывают послу именно то, что тому приятно знать и хочется видеть. Он начал работать независимо.

Невысокого роста плотный шатен с небольшими усиками, опущенными по углам губ, Щеглов ничем не выделялся в разноязыкой стамбульской толпе. Он был неотличим в массе бесконечных пассажиров, переправившихся в Ускюдар — на азиатский берег Босфора. Частенько он не успевал вернуться с последним паромом обратно на европейский берег, в Перу, где находилась российская резиденция. Если же нанятая им лодка-кайик оказывалась в редко посещаемом европейцами месте, если вдруг там открывались взору новехонькие, на английский манер устроенные верфи или виднелись в закатных лучах силуэты снаряжавшихся боевых кораблей, которые были закуплены в Европе, — так это чистая случайность, не более того.

Именно так говаривал продрогший на жестоком босфорском ветру Щеглов, появляясь после таких okazji в доме начальника Русского (Черноморского) управления Морского Штаба Турции Али-бея или в доме директора Управления по делам печати Серет-бея. При этом он не выпускал из рук любимые янтарные четки. Ведь так удобно, перебирая бусины, подсчитать серые громады кораблей на дальнем рейде.

Он знал и уважал обычаи турок, этот «симпатичный петербургский шпион», как его за глаза называли в Стамбуле.

Если послу Чарыкову с насмешливой легкостью подсовывали откровенную липу, то трудно было обманывать человека, который, не приняв ислам, все же постится с тобой в рамазан, освоил зурну и наигрывает турецкие мелодии, берет уроки старинной, полузабытой османской каллиграфии. И уж тут снова дело случая, что уроки каллиграфии дает этому удивительному русскому Юсуф Али-бей, полковник Генштаба и знаток древностей Востока.

Я не берусь судить в деталях, как было дело, но в июне 1913 г., во время кровавой гражданской междоусобной бойни в Стамбуле, кажется, никто из окружения русского разведчика не пострадал. Все до одного конфиденты Щеглова оказались в это время — кто в Египте, кто в Греции, а кто и в Одессе. Об их безопасности позаботились двое — Щеглов и министр

внутренних дел Турции Джанбулат-бей. Среди них были два генштабиста, три сотрудника центрального аппарата МВД Турции и даже четверо юнкеров старшего выпуска Стамбульского пехотного училища. Предстоит еще выяснить их судьбу, а также узнать, кто же в Петербурге получал копии его депеш и кто так умело и твердо направлял его деятельность в Турции, причем под девизом: «Знать правду, а мир с турками сохранять всемерно».

Все это разительно отличалось от официального жесткого курса слов — Н. В. Чарыкова, а затем М. Н. Гирса. И было на пользу обеим империям. Обладание абсолютно достоверной информацией позволило позже военно-морскому командованию России не дать втянуть себя, например, в кровавую бойню на Галлиполийском полуострове в 1915 г. (см. ниже), несмотря на отчаянные призывы Лондона. Не бросился русский десант и на самоубийственную операцию по захвату Босфора, как ни нажимали на Петроград Лондон и Париж...

Влияние Щеглова было столь значительно, что еще и 1911 г. ему удалось своевременной информацией, переданной в Петербург через голову посла, и полученным оттуда так же напрямую ответом для военного министерства и для министерства внутренних дел Турции предотвратить разрыв отношений двух держав. Даже один этот эпизод его карьеры, а также описание остроумных способов его контактов с информаторами заслуживают отдельного очерка!

Пожалуй, никто из военных и дипломатов России на Босфоре не обращался к петербургскому начальству с просьбой о финансовом содействии «на цели деликатного свойства» так часто, как Щеглов. И получал его. Игра Щеглова стоила свеч. После долгих сидений Щеглова с его приятелями за костями, нардами, картами (судя по всему, он часто и помногу проигрывал!) или просто за кальяном в уютных кофейнях Перы и Галаты, кварталов Стамбула, населенных преимущественно европейцами, в Петербурге появлялись строго секретные документы с пометой «получено от Щеглова».

Я не люблю прохладный и терпкий дым кальяна, не выношу карты и нарды, но, кажется, готов стерпеть что угодно, лишь бы узнать, как появился у Щеглова (а теперь у меня на столе) сверхсекретный документ турецкого Морского Штаба, озаглавленный «Записка на случай войны с Россией. Составлена Рыза Шакир-беем, 8 отдел Морского Штаба Турции». В нем сформулирована стратегическая задача Турции — создать в ближайшие 3–5 лет мощный подводный флот, современный скоростной надводный флот и только тогда «начать осуществлять наступательные

операции против России», которая, как считали в Стамбуле, «еще не скоро воспрянет от непонимания роли флота».

Или другой документ «от Щеглова» — сообщение о ежегодных, рассчитанных вплоть до 1925 г. приращениях на 50 % военных расходов Турции на морские вооружения, которые начались еще в 1910 г. Это стало совершенным откровением для Петербурга.

Судя по архивным документам, Щеглов «проигрывал» своим турецким партнерам не только казенные суммы. К концу своей службы, к осени 1917 г., он остался без средств. Кто помог ему? Никто.

О том, как ценили «наверху» поразительную информацию Щеглова, свидетельствует один небольшой документ. Обращение Щеглова напрямую к морскому министру И. К. Григоровичу от 26 июня 1913 года.

«В продолжение 12 месяцев итало-турецкой войны и 8 месяцев балканской нахожусь почти непрерывно в зоне военных действий [сообщения оттуда — самостоятельный сюжет для целой книги. — *В. III.*]. Все чины иностранных посольств и мои коллеги по европейским военным миссиям получили 20 % надбавку к жалованию по вздорожанию жизни в Стамбуле. Я же — ничего, не говоря о личных пожертвованиях, от коих нельзя уклониться... Содержание же мое слагалось следующим образом: жалование по чину капитана 2-го ранга 184 руб., еще суточные. Всего 784 руб. в месяц. Если бы было благоугодно Вам распорядиться доплачивать мне 20 %, как всем за военные действия, выходило бы по 156 руб. в месяц. Всего за 20 месяцев войны Турции с соседями 3120 руб. » Григорович прочел, поразмыслил и велел — исчислить поэкономнее. Так и сделали.

Прибавку выплатили, но не от общей суммы, а от жалования, что выходило не по 156 руб. в месяц, а лишь по 24 рубля. Будь доволен, Щеглов²¹!.

²¹ История распорядилась с Иваном Константиновичем Григоровичем по-своему. Скупость его в отношении самого результативного военно-морского агента оценена не была никак. 31 марта 1917 г. он был уволен с должности морского министра постановлением Временного правительства и далее бедствовал нещадно. Спасли его от голодной смерти большевики. Вот выписка из документа о принятии его на работу в должность редактора военно-морской секции Архивного фонда: «Зачислить с 01.06.1919 г. как пострадавшего от Временного правительства с окладом в 5250 руб.» Минимум в Архивном фонде составлял 3300, а предел — 5850 руб. В «Обследовании материального положения И. К. Григоровича (1919 г.)» говорилось: «Средств к жизни за аннулированием небольшого капитала в Государственном банке не имеет. Живет лишь продажей своего имущества и рисованием на улице». Чтобы закончить этот сюжет, скажем, что в 1924 г. И. К. Григорович после многочисленных просьб получил разрешение на отъезд за границу. В Париже полуничий А. М. Щеглов встретил вовсе обнищавшего бывшего морского министра. Обнялись, да так больше и не расставались...

Щеглов видел, знал и понимал в жизни Турции то, что ускользало от внимания других европейцев. Он, как никто, умел связывать воедино мозаику мелких фактов. Например, до сих пор оставалось загадкой как для современников, так и для историков сегодня, почему вдруг собрался и в двадцать четыре часа покинул Турцию главный советник младотурок по военным вопросам германский генерал К. Лиман фон Сандерс, окруженный почетом и уважением, причем вполне заслуженно. Тайну его практически бегства прояснил Щеглов в своей очередной депеше на Дворцовую, 6. Жена и дочь генерала неосмотрительно затеяли прогулку на азиатском берегу Босфора. Вдвоем, без сопровождения и охраны... Женщины были изнасилованы туземными солдатами. Эта депеша Щеглова оказалась столь высокого уровня засекречивания, что появилась на свет из хранилища только в 1992 г.

И не было ни военной, ни дипломатической тайны в смене германских советников в Стамбуле. Была глубокая личная драма. И такие сведения тоже ценны, тем более через 80 лет домыслов и догадок.

Не работой одной живет разведчик — это очевидная истина. Были свои «внеслужебные» увлечения и у Щеглова. Касались они литературных упражнений. Две повести, новелла, два-три неоконченных фрагмента — наследие А. Н. Щеглова из области беллетристики. И сохранились они самым удивительным образом.

В июле–августе 1913 г. Щеглов был в отпуске дома, в Петербурге. Обрато в Турцию он возвращался через Англию, где его ждала очаровательная 18-летняя Джесси, верная спутница жизни в последующие сорок лет. Дальние поездки, мытарства эмиграции, воспитание двоих детей — все это в будущем... Александр Николаевич скончался 9 января 1953 г.; его жена (она была моложе его ровно на двадцать лет) переживет его на три с половиной года и скончается в больнице Сен-Клу под Парижем 9 июня 1956 г. Похоронены они рядом. Но, повторяю, все это — в будущем. А пока, в августе 1913 г. они думали только о будущем счастье.

Щеглов отплыл в Англию 28 августа (ст. ст.). Все почти вещи, включая книги и рукописи неоконченных трудов (среди них были и те самые художественные труды), запаковал в чемодан и уложил в специальный ящик. По квитанции № 5032494 Морской Транспортной и Страховой Компании багаж был отправлен в Стамбул, на адрес русского посольства.

Можно представить себе изумление чинов дипломатической канцелярии Морского ведомства России в Петербурге, когда через три недели после этого, 19 сентября к ним пришел военно-морской атташе Турции в Петербурге Ремзи-бей и вручил сильно попорченный чемодан, объяснив — это от Щеглова, из Стамбула, но пришло на него, Ремзи-бея, имя из стамбульской таможни.

В присутствии Ремзи-бея чемодан вскрыли (ящик где-то пропал). Остальное можно дополнить из рапорта на имя посла М. Н. Гирса, написанного Щегловым, который вернулся в Стамбул 1 (14) октября 1913 года и обнаружил, что, пребывая в Англии, якобы он лично умудрился переслать свой багаж обратно в Петербург, да еще в атташат Турции.

«Никогда, — писал он, — не верил в чертовщину, но теперь займусь этим всерьез. Вещи мои и документы в полном порядке. За исключением того, что с парадного мундира спороты две боковые пуговицы, галун расплетен, но на место уложен, а из платья недостает пары брюк. Да еще пропала визитка, вложенная в прорезь чемодана, и кое-какие пустые бумажки...». Позже на вопрос Гирса, какие же именно «бумажки» пропали, он пояснил кратко: «Так, кое-какие литературные опусы...»

Посол дал делу ход; подключилось руководство разведслужбы. Но никакого объяснения этому эпизоду так никто и не дал. Зато литературные опусы Щеглова... непостижимо перекечевали из турецкого атташата в Осведомительный отдел при российском разведывательном ведомстве.

Сам Щеглов этих бумаг больше не получил. Ему не довелось вернуться в Петербург — война, перевод в Румынию, затем Стокгольм, Париж... Да и не очень это значительно — его литературные странички. Если в служебных докладах и донесениях — упругий слог, масса острых психологических оценок, четкий, ясный и образный язык, то в повестях — совсем иное. Эти его труды — живое свидетельство того, что ни Свифта, ни Флеминга, ни Ле Карре из Щеглова не получилось.

От лица торгового агента в Стамбуле рассказывается о красоте города, о прелести Золотого Рога и проливов. «По весне в Стамбуле невыносимо. Уехать куда-нибудь, только не на Босфор, где сыро, сухо, жарко, холодно, дождливо и пыльно, и все это в одно время. ...Дрезден, Париж — куда угодно... Но нет, Босфор мой, и я люблю его, — он всегда иной, и в этом его прелесть».

Герой повести — любитель «вкусно пожить, погулять по набережным, так чтобы вдоволь прополоскать свои глаза видом хорошеньких женщин, а

то занять место у кассы роликовых коньков и увидеть ножку, а при случае круглое коленко...»

«...Этот Стамбул. В этой узкой интернациональной дипломатической коробке люди совершенно перемешаны, наподобие сладких, горьких, больших и маленьких конфет...»

Право же, литература ничего не потеряла от пропажи этих рукописей, а силы и средства, потраченные турками на их поиск, отнесем на издержки стамбульской службы, считавшей, что о Щеглове ей положено знать все. Впрочем, турецкие «коллеги» последнего слова еще не сказали.

Подлинной поэзией творчества можно назвать донесения Александра Николаевича. Как высокое искусство читаются его политические и статистические обзоры о Балканах и Ближнем Востоке. А какой дар предвидения!

Именно Щеглов вычислил рост и качественные параметры морских вооружений Турции в 1910–1914 гг. Именно он передал в Петербург ошеломляющее сообщение: еще в ноябре 1912 г. турки были готовы купить у Берлина славу и гордость германского флота — тяжелый крейсер «Гёбен». При оценочной стоимости корабля в 50 миллионов марок Стамбул предлагал за него 75 миллионов! По своим боевым качествам «Гёбен» один перевесил бы силы Черноморского флота России!

Историкам известен только тот факт, что два года спустя Германия уступила Турции «Гёбен» и крейсер аналогичного типа «Бреслау» за символическую сумму. По данным же Щеглова, сделка вообще была фиктивной — Германия фактически навязала Турции корабли, чтобы заставить ее выступить против России. Выход этих крейсеров через Проливы в Черное море ознаменовал начало войны Турции осенью 1914 года со странами Антанты. Точные данные о начале военных действий — 5.30 утра 29 октября 1914 года (кстати, эти данные публикуются нами впервые) — были сообщены в Петербург Щегловым.

В последний предвоенный год, когда Турция уже не могла скрывать рост своих морских вооружений, Щеглов сумел подготовить почву для обращения Стамбула в Россию с заказом на строительство нескольких броненосцев для османского флота. Однако в Петербурге его донесение так долго ходило по кабинетам, изумляя своей небывалостью твердых российских чинуш, что от многочисленных пометок — «изучить», «доложить», «продумать» и даже «а с чего бы это?» — превратилось в продырявленный бюрократическими карандашами, сильно потертый листок. Он тоже лежит сегодня в архиве — памятник нашему бессмертному «как бы чего не вышло».

Тогда турки плюнули и быстро перекупили броненосцы у Аргентины и Бразилии. Россия потеряла и выгоднейший заказ, и доверие турок.

Впрочем, великий везир Османской империи, ознакомившись осенью 1913 года с расположением и отделкой помещений для рядового состава на русских военных кораблях, заметил в разговоре со Щегловым: «Слишком душно и тесно. Туркам это не подходит».

В Стамбуле любят кофе. Но, как истинный петербуржец, Щеглов предпочитал чай. Его любимым местом было небольшое заведение вблизи Старого моста через Золотой Рог. Отсюда город — как на ладони. Хозяин приносил чай в хрустальных, напоминающих грушу стаканчиках-армуди, присаживался к завсегдатаю. Оказывается, хозяин был потомком янычара, одного из тех, кого в 1826 году истребил султан Махмуд II, не раз повторявший, что он сделал это быстро и беспощадно, как царь Петр I, казнивший стрельцов. Текли долгие беседы русского и турка — о судьбах империи, о жизни османской столицы и провинций.

Щеглов потом многое запишет. Ряд неожиданных документов (листовки, чрезвычайные выпуски газет, воззвания противоборствующих политических группировок) приложит к донесению в Петербург. Не исключено, что именно в беседах на берегу Босфора он раскрыл авантюру британской разведслужбы, попытавшейся в 1913 году через подставных лиц купить землю и построить секретную гавань на Босфоре. Не здесь ли родились его отчаянные призывы к русской дипломатии на Балканах — «не увлекаться идеей триумфальной победы», «не ждать, что Балканы враз станут под русские знамена», «помнить, что разлад «отцов и детей» особенно резко подмечен именно у славян», а потому русских на Балканах ждет в лучшем случае «слабая вспышка народного энтузиазма, тогда как интеллигенция в Болгарии, Румынии будет против России». Следовательно, писал Щеглов, надо искать пути сближения со всеми странами региона, и в числе первых — с Турцией.

«Вздором, и притом опаснейшим» для судеб всего региона и для России называл еще в 1913 г. русский разведчик навязчивую царскую идею о водружении российского флага над Проливами. Не в этом ли разгадка того, что в 1914 г. Щеглова убирают из Стамбула — сначала в Румынию, а затем и вовсе в далекую Скандинавию, в Стокгольм.

В охваченном военной истерией летом 1914 г. Петербурге холодным душем стала яркая и объективная оценка ситуации, прозвучавшая из стамбульского центра русской военно-морской разведки: «Русский Черноморский флот абсолютно не готов к военным действиям, а по ско-

рости хода турецкие корабли превосходят русские на 2,5–3 узла». Щеглов отмечал, что «турки раздражены неловким посредничеством России в войнах Турции с балканскими странами в 1912–1913 годах», когда Петербург своими миротворческими по духу, но неуклюжими и ничем не обеспеченными заявлениями не только не способствовал миру на Балканах, а скорее разжигал в противоборствующих сторонах неоправданные надежды и как следствие — вражду.

Наконец, еще с ноября 1913 г. Щеглов категорически высказывается против любой операции военно-морского флота в Дарданеллах. «Бесполезная трата сил и человеческих жизней, — говорил он, — обойдется в 100 тысяч жертв». Щеглов ошибался в цифрах. Предпринятая по настоянию Уинстона Черчилля (в то время Первого лорда Адмиралтейства Великобритании) бесславная для Антанты десантная операция в Дарданеллах в 1915 г. унесла около полумиллиона человек с обеих сторон.

Профессионал высокого класса, сообщавший, в частности, регулярно и подробно о датах заседаний и о повестке дня германо-турецкого Бюро по контршпионажу, работавшего в Стамбуле весной — летом 1914 г., А. Н. Щеглов сделал все возможное, чтобы Россия и Турция не столкнулись на полях сражений.

Вот как это было.

Весной 1914 г. стамбульские газеты деятельно обсуждали возможную поездку группы высокопоставленных деятелей младотурецкого режима в Санкт-Петербург. Возглавить ее должен был председатель Комитета, глава правящего младотурецкого триумvirата Талаат-паша, женатый, кстати, на русской женщине. Высокий уровень делегации поддерживался также за счет включения в ее состав военного министра и другого члена триумvirата — Энвер-паши. О них мы расскажем ниже.

Когда в Петербурге стало известно, что в Россию собирается «друг кайзера и главный агент Германии на Востоке», как называли Энвер-пашу, объем и количество шифротелеграмм между Петербургом и Стамбулом, по моим подсчетам, утроились.

И морское, и военное ведомства России насторожились — чего хочет добиться в Петербурге этот непримиримый противник России и фактический лидер младотурецкого режима. Запросы были адресованы российскому посольству в Стамбуле, военному и военно-морскому атташе. Посол России М. П. Гирс и военный атташе генерал-майор М. Н. Леонтьев отделились общими рассуждениями в духе того, что 32-летнему Энвер-паше деятельность натуры и любовь к неожиданным поворотам в политике

дают как бы импульс к разъездам за рубеж. Детально перечислялись поездки военного министра в страны Западной Европы и в соседние балканские государства, встречи, имена, продолжительность некоторых бесед, вероятные и реальные темы. Все — как положено. За исключением главного — чего можно ожидать.

Дворцовая, 6 высказала Гирсу недовольство скудостью оценок. Причем в выражениях кратких, но энергичных.

Посол спохватился — где сводки Щеглова? Оказалось, что некто из российского посольства, чиновник из аппарата посла, который готовил депеши для Петербурга по визиту Энвер-паши, вообще не включил собранные Щегловым материалы. А они-то и давали подлинную картину того, сколь сложен и противоречив был «русский поворот» в политике Турции весной 1914 г.

По просьбе посла Александр Николаевич подготовил еще один вариант своих оценок ситуации. Он обратил внимание, что в Стамбуле работает Русско-турецкий Комитет по торговле. Во главе его стоял видный младотурок, начальник одного из департаментов Министерства торговли Исмет-бей, а заместителем его стал, по просьбе самих турок, директор стамбульского отделения Русско-Азиатского Банка Гр. Печенев. «Оба деятельны, так и снуют, умножая капиталы, между Одессой и Стамбулом. При словах “война”, “воевать”, “оружие” и пр. один бледнеет и крестится, а другой дико вращает глазами, шевелит усами и призывает Аллаха покарать тех, кто накликает войну».

Правда, Щеглов не давал увлечь себя картиной безмятежной дружбы. Раз-другой он посетил созданный Комитетом по торговле при российском посольстве Русский кружок. Там обучали русскому языку, читали первые переводы на турецкий язык Пушкина и Гоголя. Поглощали несметное количество пельменей из говядины, а самовары кипели, писал Щеглов, «беспрестанно, как только не распаяются...»

Русский кружок собирался в уютнейшей домашней обстановке, когда и сам посол Гирс, вальяжно-добродушный, посиживал в кругу турецкой молодежи «нового закалу», а любезная его супруга удалялась с дамами из этого кружка для обсуждения своих дел, которые, увы, остались неведомы даже Щеглову.

Александр Николаевич поглядел, послушал, навел справки. Это было в марте – апреле. А в июне 1914 г. в Севастополе, Керчи и Феодосии в руки местной полиции и чинов военного дознания попали несколько человек, деятельно и, как оказалось, весьма умело составлявших схемы доков и портовых сооружений, размещения кораблей на швартовках и описания прочих,

как занесли в протокол, «предметов свойства деликатного и до поставок сухофруктов, как показывают задержанные, отношения вовсе не имеющие».

С обликом этих «негоциантов» сличили переданные Щегловым словесные портреты самых активных и усердных членов Русского кружка, которые «совсем в образ вошли, до 20–24 чашек чаю выпивали». Совпало. Отнюдь не фруктами торговали и даже не контрабанду везли офицеры Русского отдела Штаба Черноморского флота Турции, деятельно изучавшие положение дел на флоте у вероятного противника — России. Впрочем, если учесть, что пиратские рейды к мирным берегам Феодосии и Керчи все же удались турецким и германским кораблям в первые часы войны, следует признать, что не всех членов Русского кружка, любителей пельменей и соленых грибов, удалось обезвредить.

Борьба продолжалась — невидимая в Стамбуле и все более явная за пределами Османской империи.

В июне 1914 г. командир русской канонерской лодки «Донец», посетившей Стамбул и Измир, лейтенант А. Шипулинский докладывал в Штаб Черноморского флота о своем удачном и успешном походе в турецкие порты, «где встречали приветливо и разные высокие особы из местного начальства лодку посещали и о политических предметах пространно изъяснялись». Рапорт Шипулинского содержит упоминание о визите на борт «Донца» директора политического департамента при генерал-губернаторе Измира, трех богатых купцов из греков и трех из турок, наконец, о визите на лодку командира 3-го армейского корпуса, штаб которого находился в Измире. «Все они заверяют в дружбе», — доложил начальству лейтенант и сообщил еще одну «незначительную» подробность.

Когда канонерка была готова уйти из Стамбула курсом на Принцевы острова и далее на Измир, на борт поднялся сотрудник русского посольства и посоветовал бравому лейтенанту взять в качестве переводчика крымского татарина Селима, уже доказавшего свою преданность российскому престолу. Толмач-переводчик был невысок ростом, тих и непритязателен, уместился где-то так, что командир его и не видел во время всего перехода.

Шипулинский в своем подробном рапорте отметил, что все турецкие чины, посетившие канонерку, после традиционных приветствий очень пространно беседовали с толмачом, а его переводы того, что говорили турки, были округлыми и достаточно короткими. Но лейтенант решил, что таковы особенности турецкого языка. Главное же — визит состоялся, подарки на борту, можно возвращаться через Босфор домой, в Россию. Только одно обстоятельство вызвало некоторую досаду.

Селим-ага пожелал остаться в Измире — «по причине опасения морской болезни». Так и записали в рапорте.

— Одно слово — дикарь. Даже денег не взял, — заметил небрежно Шипулинский, когда при посещении русского посольства рассказывал об итогах визита в Измир.

— Это вы верно заметили, господин лейтенант, — сухо ответил выслушавший его рассказ о кебабах и долме военный атташе. — Денег он не берет.

Лейтенанту бы удивиться, почему не военно-морской атташе с ним беседует. И еще больше удивился бы он, если бы смог прочитать полные отчеты своего толмача об измирских беседах. Эти отчеты довелось читать уже нам — через 80 лет. И в них поражает знание ситуации и глубина оценок.

Толмач Селим, он же Щеглов, сообщил: «Турецкие деятели хорошо сознают необходимость для Турции дружбы со столь могущественным и великим соседом... Тем более что под властью турок нет более славянских земель, которые только и служили поводом к войне с Россией».

Эта оценка показывала, что в русско-турецких отношениях наступала принципиально новая стадия.

Оставшийся в Измире скромный толмач легко преображался то в богато-того татарина Селима-челеби, едущего в хадж к святым для мусульманина местам, то в бродягу-крымчака, скрывающегося от правосудия и русских властей. Бывало по-разному.

Оценки были однозначны: глубинка давит на младотурецких деятелей в пользу мира с Россией. Следует учитывать это обстоятельство и постараться оторвать Турцию от прогерманской ориентации.

Крымчак Селим-ага, знаток цен на разные товары в черноморских портах России — как не знать, всего неделю как из Феодосии! — легко находил слушателей, горсть плова и стаканчик чаю или чашечку кофе.

«В Измире, других приморских городах многочисленные толпы греков и турок совсем между собой перемешаны. Переполнены кафешки, в которых за столиками восседают вместе и греки, и турки, и ничем это не подтверждает ужасов, о которых пишут стамбульские младотурецкие газеты — о насильственном выселении греков из Измира».

Богатому паломнику татарину Селиму-челеби каймакам, правитель провинции, которому был нанесен визит и вручены дары — меха из Казани, откровенно сказал: «Мы едва ожили, ни воевать с Россией, ни выселять греков не будем. Если на то будет воля Аллаха...»

А генерал Эссад-паша, у которого тоже побывал богатый казанский паломник, был еще более конкретен: «И нам, Турции, и соседним славянским государствам после Балканских войн так много работы, что преступлением было бы думать кому-либо из нас о войне».

Согласно кивал белой чалмой Селим-челеби, торопливо записывал все беседы и посылал-посылал депеши на родину: войны можно избежать. Энвер-пашу и других членов младотурецкого Комитета еще можно остановить на пагубном пути к мировой войне.

О, Селим-челеби, твои донесения легли в небрежные руки и оказались позабыты, как ребаб-и шикесте, разбитый ребаб, инструмент бродячего певца. Тогда твои призывы или не читали вовсе (чаще всего), или не захотели их понять.

Тогда к его советам не прислушались. Сейчас он очень нужен нам. По-современному звучат слова русского разведчика: знать, но не воевать!

Переведенный после начала войны с Турцией из Стамбула в Бухарест на прежнюю должность военно-морского агента, Александр Николаевич вряд ли мог предположить, что именно здесь его жизни угрожает самая большая опасность.

Все началось в канун Нового, 1915 года, в небольшой гостинице Бухареста, где остановился и, как принято было, столовался Щеглов. «Неправильности в деятельности моего сердца», — так охарактеризовал он свои недомогания, нараставшие в течение двух недель. — «Обычно прислуживавший за моим столиком официант стал явно избегать обслуживания меня, потом исчез».

В ночь с 22 на 23 января 1915 г. наступил кризис. В положенном отчете месяц спустя Щеглова записал так: «Около 3-х часов ночи сердце почти остановилось, и сильные судороги повергли меня на пол. Насилу встал. Сварил свежего чаю и — полный провал. Вероятно, успел дернуть сигнал тревоги в службу отеля».

«Очнулся я, — продолжал Щеглов, — в своей кровати. Доктор, пухленький и умиротворенный, небрежно разглядывал что-то на моем письменном столе.

На мой стон румынский доктор, вызванный ночным портье, неспешно обернулся, взглянул рассеянно:

— Ну, вот, кажется, и полегчало. Не волнуйтесь. Небольшая простуда. Небось, Рождество да Новый год... Шалили? Сознайтесь!

Я и языком-то шевельнуть не в состоянии, а доктор с игривостью продолжал:

— От шампанского отказаться вовсе. Лед на голову и побольше... мороженого».

«Сделать анализ мочи, как я требовал, наотрез отказался», — записал позже Щеглов.

С тем доктор и уехал. У Щеглова достало сил вызвать своего доверенного, жившего в том же отеле, и добраться до русской миссии.

«Вплоть до седьмого марта, — продолжает Щеглов, — я лежал в сознании ясном, но в почти полном бессилии».

Насчет того, что лежал пластом (в отдельной комнате в посольском особняке) — это точно. Насчет бессилия — скромничает.

...С 23 января начали и все продолжают прибывать агенты Щеглова, создавая нам массу хлопот, но он настаивает на необходимости и срочности для Петрограда доставляемых ими сведений... Это уже из посольского отчета о беспокойном постояльце.

«Агентами по разведке продолжаю руководить, шифровать помогали секретари миссии». Щеглов — начальнику Морского Генерального Штаба 16 февраля 1915 г. из Бухареста.

Человек исключительно мужества и завидного здоровья, Щеглов перенес, как установили прибывшие из Севастополя русские военные врачи, постепенное отравление сразу несколькими ядами.

Выяснилось, что это покушение организовал некий Зураб, стамбульский турок, якобы бежавший с началом войны из Стамбула в Бухарест. Не вслед ли за Щегловым уехал Зураб?

Во всяком случае, нейтрализация русского разведчика была организована по тем временам неплохо. К ядам в пищу попытались добавить «лечение». Кроме установленной той памятной ночью «простуды», два местных румынских врача, которых встревоженная дирекция отеля прислала к Щеглову (в русское посольство!), установили, и это записано в документах, «явное отравление свежей икрой из Дуная, в котором плавает много трупов...» Такой курьез не смог бы придумать ни один романист. Главное — администрация чиста, причина найдена. Стало быть, и делу конец. Русский рыбы поел!

Самому Щеглову стало хуже и, думаю, юмора он не оценил. 7 марта — еще один консилиум, по случаю слабости сердечной деятельности. Диагноз: «Болезнь аорты, лечить подкожными впрыскиваниями йода».

Тогда-то и прогнал Щеглов местных эскулапов и настоял на прибытии русского врача из Севастополя.

Приезжали к нему дважды. Это — в разгар войны, совсем особое дело. Выходили Щеглова, да и натура его чрезвычайно крепкая спасла.

Впрочем, сам он об этом периоде, т. е. январе-мае 1915 г., писал просто: «Сердце мое сильно ослаблено и работает неправильно. Пульс не достигает и 60 ударов». И тут же о работе: «Так как исполнение моих обязанностей носит кабинетный характер, болезнь моя ущерба службе не наносит...» (из донесения от 1 (14) февраля 1915 г.).

Такое состояние продолжалось примерно до конца июня 1915 г. За эти месяцы довелось узнать Александру Николаевичу многое: подлость завистников, дружбу и верность товарищей. А также пришлось ему испытать новый поворот в судьбе. Уже по собственной воле.

Щеглов овдовел в 1909 году. А в 1910 г., будучи в Лондоне, познакомился с Джесси Уискер, пятнадцатилетней дочерью сотрудника Британского Адмиралтейства. В последующие годы они редко виделись, но часто переписывались, тянулись друг к другу.

Казалось, все было против них. Разные страны. Различные вероисповедания. 20 лет разницы в возрасте. Двое детей у Щеглова при полной неустроенности финансов. Они решили пожениться еще в 1914 г., но пришла война, свадьбу пришлось отложить, хотя согласие Главного Морского Штаба было уже получено.

Верное сердце любящей женщины! Что ему война! Что расстояние! В конце апреля 1915 г. здоровье Щеглова резко ухудшилось. Об этом он доложил начальству кратко: «Припадки сердца усилились, страдания мои были безмерны. Я приготовился к смерти и сделал соответствующие распоряжения».

Среди подготовленных Щегловым бумаг было и краткое прощание с любимой, остававшейся в Лондоне...

«17 мая день моего счастья — я не умер и тому удивляюсь. На пороге моей комнаты явилась Джесси Уискер... Дефект аорты у меня есть, состояние мое неопределенное — от счастья до отчаяния. Прошу Ваше Превосходительство дать подтверждение на брак с английской подданной мисс Уискер в посольской церкви». (А. Н. Щеглов — начальнику Главного Морского штаба 23 мая 1915 г.).

Ну что за человек! Что за поразительные люди оба! Двухнадцатилетняя Джесси, промчавшаяся через охваченную огнем Европу к постели умирающего. Александр Николаевич, не вполне уверенный, выживет ли. Но знающий, — его Джесси с ним, а законы службы если не превыше всего, то уж рядом с тем, что суть жизни. Они обвенчались через неделю, так как подтверждающая и благословляющая телеграмма пришла момен-

тально — 26 мая. Они прожили нежно и дружно до конца. До 1953 г. И лежат в вечном покое рядом...

Тогда же пришлось преодолеть и горечь недоверия.

В начале июня 1915 г. в Бухарест прибыл с проверкой деятельности Щеглова и его состояния капитан 2-го ранга И. А. Бок. Итогом был желчный отчет, до предела насыщенный ядом и скептицизмом в отношении возможности дальнейшего использования Щеглова на службе. Я не буду приводить даже фрагменты из этого документа. Лишь несколько пассажей: «Я нашел Щеглова напуганным болезнью и плохо побритым (!). Он очень слаб и быстро утомляется... Говорит сухо и кратко...» И еще три страницы текста в том же духе.

Впрочем, Боку пришлось признать, что это была их единственная беда. При том «виделись мы с 12 часов ночи до 2 часов ночи; после чего Щеглов ушел ловить контрабанду и вернулся только через сутки...»

«О себе и своей молодой жене не распространялся, но сообщил мне новые данные, что Австрия сделала ультиматум, и дал сведения о торговле оружием через румынскую границу».

Какова недостаточность сердечной деятельности у напуганного агента! Сутки напролет «в деле», а проверяющему, видимо, хотелось еще чего-то, помимо оперативных данных.

Я уже закончил работу над бумагами Щеглова, работал над другой темой, как неожиданно, среди документов Морского ведомства, совершенно не относящихся к разведке, нашел личное письмо начальника Генерального Морского Штаба от 18 марта 1916 г., в котором А. И. Русин, человек прямой и честный, среди прочего заметил старому товарищу, что никак не может поддержать ходатайство о назначении И. А. Бока на место Щеглова в Бухарест. По причинам, «которые после известной ревизии Бока к Щеглову делают его дальнейшую службу в Штабе вовсе невозможной по моральным соображениям».

Вот так-то, фискал!

Все же в июне 1915 г. командование перевело Щеглова в Стокгольм, подальше от возможных повторений покушения на него. Бухарест они покинули вместе с Джесси. И более не расставались до конца, до 1953 г.

Таков, уважаемый читатель, был Александр Николаевич Щеглов, бумаги, донесения, материалы которого пройдут через все страницы книги, которую вы держите в руках.

О перспективах русско-турецкого военного союза К 90-летию начального этапа Первой мировой войны

В отечественной (А. Д. Новичев, А. Ф. Миллер, Г. З. Алиев и др.) и зарубежной (М. Ларшер, Ахмед Эмин, В. Готлиб и др.) историографии сложилась тенденция, восходящая к первому публикатору турецко-германской военной конвенции от 2 августа 1914 г. Карлу Каутскому (1919 г.): представлять этот документ как свидетельство полного и окончательного подчинения Стамбула берлинскому диктату и прямого вовлечения Турции в Первую мировую войну.

Я, однако, полагаю, что до сих пор не уточнен ряд событий и не уточнена расстановка сил в зоне Проливов и на Балканах в напряженный для Турции период между августом и декабрем 1914 г., когда военный выбор Стамбула еще окончательно не утвердился.

Важно оценить с учетом вновь открытых документов сопутствовавшие военной конвенции разъяснения посла Германии Ганса фон Вангенгейма младотурецким лидерам Энвер-паше и Джемаль-паше, не вошедшие в общий пакет документов, но зафиксированные в мемуарах главных действующих лиц с турецкой и немецкой сторон. Заслуживает тщательного анализа и болгаро-турецкое соглашение от 6 августа 1914 г., подписанное в один день с положением о функциях германской военной миссии в Османской империи. Спустя 90 лет пора осветить взаимосвязь претворения в жизнь германо-турецкой военной конвенции с вопросом о капитуляциях и с участием немусульманских подданных Стамбула в «большой войне Европы», перспектива которой, как сказал Джемаль-

паша, обрисовалась после 2 августа 1914 г. для Турции грозно, но еще не окончательно.

Сам турецко-германский документ от 2 августа 1914 г., его нарочитая краткость и расплывчатость давали основание уже современникам, например адъютанту Лимана фон Сандерса, военного советника Германии в Стамбуле, Карлу Мюльманну и турецкому посланнику в Берлине М. Мухтар-паше, назвать его именно *конвенцией*, вслед за которой ожидался развернутый договор между Германией и Турцией.

Конвенция содержала восемь пунктов²². Один из них (ст. 8) предусматривал секретный характер соглашения, которое могло быть оглашено не иначе, как по взаимной договоренности. Эта секретность звучала несколько надуманно, поскольку статьей 1 предусматривался нейтралитет и Германии, и Турции в австро-сербском конфликте. Статья 2 все ставила на свои места. В случае вмешательства в конфликт России и создания тем самым для Германии ситуации необходимости выполнить свой союзный долг перед Австро-Венгрией таковой повод к войне приобрел бы равным образом силу и для Турции.

Две следующие статьи (3 и 4) формально должны были смягчить фатальную бескомпромиссность статьи 2. Напомним, что телеграф уже принес в Стамбул известие о том, что накануне, то есть 1 августа 1914 г., Германия объявила войну России. Последняя не вмешалась в то, что именовалось «австро-сербским конфликтом» и, следовательно, не было формального повода для вступления Турции в войну с Россией.

В случае военных действий Германия обязывалась предоставить в распоряжение Турции военную миссию, причем поставить ее в прямое подчинение турецкого военного министра (с оговоркой — и в подчинение главы упомянутой германской миссии). Германия обязывалась также силой оружия защищать целостность османских земель (ст. 4). Хотя это столь желанное для турок обязательство было высказано в самой общей форме, воистину — сквозь зубы, но даже этого не смогли добиться турецкие руководители ни от России, ни от других стран Антанты накануне войны.

Срок действия конвенции предусматривался фиксированный — до 31 декабря 1918 г. с автоматическим продолжением на следующие пять лет, если одна из договаривающихся сторон не заявила бы о ее денонсации за шесть месяцев до истечения срока действия (ст. 5 и 6).

²² (Kautsky K.). *Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914*. Berlin, 1927. Bd. 1. S. 183–184.

Конвенция, на мой взгляд, не носила «следов поспешности», как полагал А. Ф. Миллер²³. Скорее наоборот. Энвер-паша — главный архитектор военного союза — вложил в него те примерные десять лет действия, до середины 1920-х гг., которые нужны были младотуркам для решения их внешне- и внутривосточных проблем. Однако в более выигрышной ситуации оказывалась Германия. Пролиты, ресурсы, плацдармы в Юго-Восточной Европе, в Северной Африке (Египет), в Восточной Анатолии и к тому же миллионная армия с советниками-немцами — все это в нужный момент должно было оказаться под рукой у германского Генерального штаба после подписания германо-турецкой конвенции.

На следующий день, в понедельник 3 августа 1914 г. Германия объявила войну Франции, а Турция обнародовала во всей европейской прессе декларацию о нейтралитете. 4 августа Англия объявила войну Германии. Соглашение с Германией, вероятно, оставалось тайной для Антанты по крайней мере еще неделю. Внимание держав было отвлечено от турецких проблем. Выигрыш времени, как писал член младотурецкого руководства Ахмед Джемаль-паша, был получен²⁴. И использован, на первый взгляд, весьма эффективно.

В три дня были активизированы переговоры с Болгарией относительно совместных действий в перспективе получения Турцией — населенных мусульманами районов Западной Фракии, Болгарией — земель в Македонии. Обе стороны подчеркивали свой нейтралитет в разгоравшейся войне, что не соответствовало фактическому положению дел. Во всяком случае, для Турции, поскольку 4 августа 1914 г. Австро-Венгрия объявила о своем присоединении к турецко-германской конвенции со всеми вытекающими последствиями.

Весь комплекс противоречий Австро-Венгрии с балканскими государствами младотурецкие лидеры обязаны были если не разделить целиком, то принимать во внимание. Подтверждение тому явилось «мертворожденное дитя», по оценке турецкого историка Ахмеда Эмина, а именно турецко-болгарский договор о союзе, подписанный 19 августа 1914 г.

Направленный против Греции, но обусловленный нейтралитетом Румынии договор с Болгарией должен был учитывать столь многочисленные и непредсказуемые факторы австрийской, германской и антантовской политики на Балканах, что так и остался на бумаге. Турецкие историки высказывают по этому поводу массу суждений, полагая, что союз малых

²³ Миллер А. Ф. Турция. *Актуальные проблемы новой и новейшей истории*. М., 1983. С. 324.

²⁴ *Записки Джемаль-паши*. 1913–1919. Тифлис, 1923. С. 101.

балканских государств мог предотвратить разрастание войны по крайней мере в балканском регионе и уберечь Османскую империю от разгрома. Впрочем, это предмет другого исследования.

Иттихадисты своим нетерпимым отношением к арабскому национальному возрождению, к курдскому национальному движению изолировали себя от единственных реальных военных «партнеров по окопам», подорвали доверие к себе во влиятельных исламских кругах, а уж ненависть к иттихадистам в армянских, греческих, славянских селениях была известна Стамбулу. Триумвират младотурок буквально бросался в безнадежную авантюру любого, будь то турецко-русского или турецко-болгарско-румынского сближения, чтобы любой ценой вырвать несколько тысяч квадратных километров фракийских земель, населенных мусульманами, и поставить под ружье местное балканское, этнически разношерстное население²⁵. И, наконец, чтобы оказать давление на великие державы — все сразу — в вопросе об отмене режима капитуляций.

Кабальные и унижительные капитуляционные обязательства перед Западом и мусульманские земли, «потерянные» нерадивыми правителями, — две действительно популярные в турецком обществе проблемы могли либо сплотить при удачном разрешении распадавшееся государство вокруг иттихадистов, либо стать двумя концами шелкового шнура на горле триумvirата. Вряд ли поэтому можно или нужно восстанавливать степень искренности Энвер-паши, когда одновременно с консультациями в Софии и Бухаресте 5 августа 1914 г. он в личной беседе предложил военному атташе России в Стамбуле М. Н. Леонтьеву начать переговоры о русско-турецком военном союзе.

²⁵ Провал политики младотурок на «национальных территориях» детально фиксировали русские военные наблюдатели. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. I. Д. 4270. Л. 24–140. Сообщения и телеграммы в Генеральный Морской Штаб.

Сведения накапливались и оказали определенное влияние в вопросе о военном союзе с Турцией. «Восхитительной по смелости, но в обозримом будущем неисполнимой» назвал очередную идею германских советников при военном ведомстве Турции информированный русский наблюдатель в Стамбуле тех дней. Поскольку не удавалось «поднять» арабов и курдов, началась вербовка русских пленных (кавказцев по происхождению), уроженцев южных губерний России, застрявших в Турции по тем или иным причинам, выходцев из Польши, русских, оказавшихся в австро-венгерском плене, в состав некоего Украинского государства, которое в будущем при победе Турции и ее союзника будет создано под эгидой Турции на просторах от Карпат до Волги. «Пока что таких желающих хорошо кормят, похуже — одевают, дают листовки и зовут служить под турецким командованием». Там же. Л. 140–141 (конец декабря 1914 г.). Весьма любопытную картину союзничества с Россией представляли себе младотурки!

На фотографиях тех лет они неуловимо похожи. Энергичные, подтянутые, с любовно ухоженными усами, в отлично пригнанной военной форме, перетянутые мягчайшими, не создававшими ни малейшего скрипа даже при резком движении одинаковыми портупеями. Генерал-майор Генерального Штаба России и несостоявшийся эмир Великого Турана. Вот они, не отстраняясь, стоят бок о бок на старой архивной фотографии. Заинтересованные, с легкими улыбками. Лег в папку пожелтевший отпечаток, ушли в небытие империи, которым служили эти незаурядные люди...

По сообщениям М. Н. Леонтьева, Энвер-паша тогда, 5 августа, в ходе «энергической беседы» заверил российского атташе, что проводимая в Османской империи мобилизация резервистов не направлена против России, а турецкий Кавказский корпус может быть отодвинут от русской границы в любой момент. Благожелательный нейтралитет Османской империи был вполне достижим, если Россия: 1. даст согласие на отмену капитуляций; 2. гарантирует интегритет всех османских территорий; 3. поддержит требование турецкой стороны о возвращении Эгейских островов и Западной Фракии, населенной мусульманами.

Энвер-паша подвел своего собеседника к мысли о чрезвычайной перспективности сближения Турции и России как основы серии территориальных компенсаций на Балканах. Все — в рамках, намеченных турецко-болгаро-румынским соглашением и с учетом интересов России²⁶.

Энвер-паша был нетороплив, деликатен и ненавязчив. Он говорил, что понимает — России нужно время для обдумывания столь далеко идущего шага, и не торопил генерала Леонтьева с ответом. Он знал, что его предложение будет обсуждаться в Петрограде уже через несколько часов. В действительности, под ногами Энвер-паши горела земля, а точнее — море. Каждый час адъютанты приносили ему очередное сообщение турецких спецслужб — мощные германские крейсера «Гёбен» и «Бреслау»

²⁶ Примечательно, что, сообщая о содержании переговоров, опытный дипломат и разведчик, создатель надежно работавшей в экстремальных условиях «кипящего котла» Ближнего Востока 1910-х гг. агентурной сети генерал-майор Генштаба России М. Н. Леонтьев, составляя для сведения своего руководства психологические портреты высшего звена армии, флота и правительства Турции, вполне симпатизировал младотурецкому Комитету как людям «энергически настроенным и явно желающим процветания своей родине [...]. Можно оспаривать стратегические и военные таланты Энвера, но нельзя отнять от него того мужества и того пыла, которые даются ему его 32-летним возрастом». РГВИА. Ф. 418. Оп. I. Д 4261. Л. 26–27. См. также: Шеремет В. И. Турция. Турция вступает в войну. *За балканскими фронтами Первой мировой войны* / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002. С. 37–44, 91–93, 106–111; Соколовская О. В. *Греция в годы Первой мировой войны*. М., 1990. С. 25–40.

на предельной скорости приближаются к Дарданеллам, стремясь укрыться от преследования британской эскадры. Об этом же как о не подлежащем оглашению факте Энвер-паше сообщали из здания германского посольства в Стамбуле.

Утром 6 августа 1914 г. Энвер-паша собрал членов Комитета «Единение и Прогресс», нескольких министров, которым лично доверял, изложил ситуацию, и при поддержке великого везира Хильми-паши добился одобрения своего плана действий. Переговоры с Россией продолжать и развивать, германские крейсера пропустить в Проливы, а взамен добиться от Германии быстрого пересмотра конвенции от 2 августа.

Новыми турецкими требованиями были: 1. четкая и недвусмысленная гарантия Германией османского интегритета; 2. поддержка Германией всех действий Турции по отмене капитуляций; 3. определение размеров турецкой доли в будущей контрибуции со стран Антанты; 4. возвращение Эгейских островов и мусульманских земель на Балканах в том случае, если будет иметь место какой-либо территориальный передел в бывшей Европейской Турции²⁷. Здесь, среди турецких государственных деятелей Энвер-паша выглядел почти застенчивым: в том случае, если... может быть... Но ведь он сам готовил факт таких переделов и в Софии, и в Бухаресте, и, со вчерашнего дня, т. е. 5 августа, в Петрограде! Стальная лапа в лисьей шкурке, так говорили о нем русские военные наблюдатели в Стамбуле...

Во второй половине дня 6 августа все новые предложения были изложены послу фон Вангенгейму на встрече в здании германского посольства. Там, «свой среди своих», Энвер-паша скромничал меньше. К требованиям балканских земель, османских, по его терминологии, Энвер-паша добавил требование «исконных османских крепостей» — Карс, Ардаган и Батум.

В отличие от беседы с М. Н. Леонтьевым, на встрече с фон Вангенгеймом Энвер-паша был нетерпелив и настойчив: «Гёбен» и «Бреслау» уже в зоне дарданелльских маяков, а за ними на расстоянии четырех часов хода — британские корабли-преследователи²⁸. Ответ посла должен последовать незамедлительно.

²⁷ Muhlmann C. *Deutschland und die Türkei 1913–1914*. Berlin. 1929. S 44–45.

²⁸ Сейчас достоверно известно, что британская эскадра сделала все возможное, чтобы не догнать и остановить, а «загнать» германские крейсера в турецкие воды и сделать необратимым выбор Турции в пользу Германии. Известная аналогия тому, как подставленные П. С. Нахимову турецкие корабли в Синопе и браваый рейд британского парохода-фрегата А. Слейда подтолкнули Турцию и Россию в пропасть Крымской войны 1853–1856 гг.

Еще до исхода дня не расхोдившийся Комитет иттихадистов получил личное послание фон Вангенгейма на имя Хильми-паши. Посол от своего имени обещал поддержку Германии в вопросе об отмене капитуляций, при переговорах по территориальным «приобретениям» с Болгарией и Румынией; Турция также могла рассчитывать на греческие Эгейские острова и на туманно сформулированное «исправление ее восточной границы, которое даст ей [Турции. — В. III.] возможность соприкосновения с мусульманскими элементами в России»²⁹.

Энвер-паша, казалось, приближался к заветной цели — возвращению балканских земель и делал шаг к Великому Турану.

Нет, не зря так боялся непредсказуемости телеграфа незабвенный султан Абдул Хамид II! Триумф триумфатора был безнадежно испорчен. Пришла срочная телеграмма из Лондона. Уинстон Черчилль добился секвестра на построенные в Англии два дредноута и два миноносца, предназначенные для турецкого флота.

Это был двойной удар. Турецкий флот оказался вдвое слабее даже греческого³⁰. Самое главное — собранные по курушу, по всенародной подписке деньги (7 млн. ф. ст.) пропадали вместе с широковещательными обращениями Энвера и Джемали к народу — воссоздать силами всего народа морское могущество Османской империи. В Стамбуле 7–8 августа 1914 г. прокатилась мощная волна выступлений антибританского характера. Звучали и требования привлечь к ответу иттихадистов.

9 августа 1914 г. Энвер-паша продолжил беседы с М. Н. Леонтьевым. Русский генерал изложил «благожелательную заинтересованность» России в переговорах, не делая, как предписывал министр иностранных дел С. Д. Сазонов, никаких «связывающих заявлений». Энвер-паша развернул перед Леонтьевым захватывающую перспективу создания Юго-Восточного и Средне-Восточного блок — против и за счет Австро-Венгрии, в составе и центром которого были бы Россия и Турция. Оборонительный союз предполагался сроком на 5–10 лет, с последующим

²⁹ Текст письма фон Вангенгейма от 6 августа 1914 г. опубликован. Лудшувейт Е. Ф. *Турция в годы Первой мировой войны. 1914–1918*. М., 1966, с. 32–33; Шерemet В. И. *Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки*. М., 1995. С. 115–120.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. I. Д. 2974. Л. 24–25 и след. Оценочные данные военно-морского агента России в Стамбуле (атташе) А. Н. Щеглова, сообщенные в Генеральный Морской Штаб (Генмор); там же, д. 4258. Л. 54–55 и след. Сообщения военно-морского агента России в Афинах А. А. Макалинского.

неоднократным продлением, которые нужны были Стамбулу примерно до 1940-х гг. для реализации общей программы возрождения империи.

Энвер-паша предусматривал создание единого общебалканского союза держав против Австрии, причем турецкая армия явилась бы гарантом союза и выступила бы против того из балканских государств, которое позволило бы себе высказаться против политики России (подразумевалось, и Турции). Столь же недвусмысленно в отношении русско-турецкого союза как основы решения всего балканского узла противоречий высказывался в Петрограде турецкий посланник в России Ниязи Фахретдин-бей. С соответствующими инструкциями и полномочиями для оформления казавшегося уже созревшим союза России и Турции в Петроград отбыл член триумвирата Ахмед Джемаль-паша³¹.

Анализ упущенных возможностей выходит за пределы данной статьи. Остается только констатировать, что, ошибочно полагая, будто бы можно бесконечно долго затягивать переговоры с Турцией о военном союзе, в России взяли курс не на создание балканского союза, в состав которого вошла бы Турция, а на блок балканских государств, который бы Турцию сдерживал. Однако турецкой стороне в Петрограде и в Стамбуле удалось добиться от России гарантий неприкосновенности османских владений и согласия на переход в руки Турции всех германских концессий в Малой Азии, включая Багдадскую железную дорогу.

В вопросе о приобретениях на Балканах Россия подтвердила готовность передать туркам греческий остров Лемнос. Но в качестве ответного шага Стамбул должен был совершить нечто несбыточное — демобилизовать армию и еще раз подтвердить нейтралитет. Разочаровывающей для турок была позиция России и в вопросе о капитуляциях. Пока Энвер-паша вел продолжительные беседы с Леонтьевым о выгодах для России от военного союза с Турцией, финансовый мозг младотурок Мехмед Джавид-бей в Стамбуле не менее интенсивно доказывал русскому советнику по

³¹ О настроениях в высшем эшелоне младотурецкого руководства, соотношении желаемого и реально достижимого в планах младотурок на этом этапе войны, о личных амбициях триумвирата см. донесения русских военного и военно-морского агентов (атташе) за 1914 г. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. I. Д. 4261. Л. 21–76 и след. Внутренняя и внешняя политика Турции. 1914; *там же*, д. 4270. Л. 28–93. Сообщения из Стамбула, телеграммы. «...Во главе армии и флота, — писал М. Н. Леонтьев, — младотурецкий Комитет поставил людей решительных, молодых и неутомимых. Самым спокойным, самым интеллигентным, самым удивительно энергичным, самым патриотически настроенным солдатом, каких мне только приходилось видеть в Турции, [является] именно морской министр Джемаль-паша». *Там же*. Д. 4261. Л. 27.

коммерческим вопросам Гюлькевичу, что с отменой капитуляций Россия, имеющая в них наименьшую из стран Антанты долю, приобретет не только вечную признательность турецкого народа, но и преимущества на рынках Османской империи — на уже немногих, но важных балканских рынках и на многочисленных малоазиатских. Джавид-бей действовал в рамках решения военного кабинета иттихадистов добиваться союза с Болгарией и с Румынией и, сохраняя нейтралитет, развивать с ними и с Россией интенсивные всесторонние связи³².

Джавид-бею не удалось, однако, привлечь внимание российских коммерции советников к выгодам торговли на принципах «особенно большого благоприятствования», причем одновременно и на балканском, и на малоазиатском рынках Турции в тот неповторимый момент, когда Германия и Австро-Венгрия как главные конкуренты России были нейтрализованы.

Столь же неудачны оказались и политические демарши Энвер-паши в сфере военно-политического союза с Россией. Тщетно зывали М. Н. Леонтьев и М. Н. Гирс к благоразумию Петрограда, призывая к немедленному соглашению с турками хотя бы в самой общей норме, иначе «завтра будет уже, может быть, поздно».

Союз России с Турцией столь же не соответствовал интересам Англии и Франции, как ее отмена капитуляций, а без согласия Лондона и Парижа в Петрограде уже не решались предпринять ни одного шага в турецкой политике. Максимум, чего добился Джавид-бей, это устного заявления послов Антанты в 20-х числах августа о том, что их правительства согласны на частичную ликвидацию капитуляционного режима в сфере экономических связей, но что для перемен в правовой области, закреплявшей капитуляции, «время еще не настало»³³. Когда 31 августа Джавид-бей попытался получить по этому поводу письменное заявление, послы Антанты дружно отказались, оказавшись тем самым намного позади решительного фон Вангенгейма с его обязательствами от 6 августа.

Двумя днями раньше послы Антанты заявили, что в обмен на строгий нейтралитет Высокой Порты державы готовы гарантировать османский интегритет, но ... только в период продолжения войны.

Таким образом, к октябрю 1914 г. Стамбулом не были фактически решены ни вопрос о балканском союзе, ни территориальные вопросы,

³² Emin A. *Turkey in the World War*. New Haven, 1930. P. 72. Kurat A. N. *Turki'ye ve Rusya*. Ankara, 1970. S. 200; Шеремет В. И. *Босфор*. С. 119–120.

³³ Bayur Y. H. *Türk İnkilabi tarihi*. Cilt 3. Kisim 3. Ankara, 1957. S. 155: «Tanin». 29.10.1944. Новичев А. Д. *Экономика Турции в период мировой войны*. Л.-М., 1935. С. 37.

ни проблема капитуляций. На рейде в Мраморном море покачивались на легкой волне могучие крейсера «Явуз султан Селим» и «Мидилли», бывшие «Гёбен» и «Бреслау». После утреннего построения 15 августа 1914 г. на них был поднят турецкий флаг, на борт вступило с десятком робко озиравшихся турок — палубных уборщиков; немецкие экипажи остались на кораблях, щеголяя новенькими фесками. Офицеры поигрывали четками из полудрагоценных камней (подарки «нового хозяина» крейсеров — морского министра Джемаль-паши). Гордость германского флота была фиктивно, как признавал сам Джемаль-паша, куплена турецким правительством. Фактическим главой военно-морских сил Османской империи стал старший морской начальник «Гёбена» и «Бреслау», опытный, энергичный адмирал В. Сушон.

К середине сентября все члены английской военно-морской миссии покинули Турцию. Их места заняли немецкие офицеры. Начали свертываться торгово-банковские операции стран Антанты в Османской империи. Прекратила свою деятельность английская пароходная кампания, осуществлявшая рейсы на Месопотамию и Индийский океан. Османская Турция как бы отсекалась от сложившихся экономических связей с Европой и остальным миром.

В то же время присутствие в Проливах германских крейсеров под флагом со звездой и полумесяцем изменило в пользу Германии и ее союзников соотношение сил на Черном море. Проливы оказались закупоренными. Для связей России с Антантой оставалась Балтика и морской путь вокруг Скандинавии. Взаимные экономические связи России и Турции также оказались парализованы, так как реализовались большей частью через Проливы.

В октябре 1914 г. Высокая Порта и Антанта обменялись резкими нотами по поводу упоминавшихся выше крейсеров. Впрочем, это был свершившийся факт. Несравненно большее значение имела нота Высокой Порты от 9 сентября 1914 г. об упразднении с 1 октября 1914 г. режима капитуляций как несовместимого с честью и достоинством империи и об отмене всех основанных на нем привилегий для иностранцев³⁴. Соответственно повышались таможенные тарифы. Султанскими указами от 13 и 17 октября 1914 г. было объявлено об упразднении юридических обоснований режима капитуляций.

³⁴ Bayur Y. H. *Türk Inkilabi tarihi*. S. 162; Ладыженский А. М. *Отмена капитуляций в Турции*. М., 1914. С. 1.

Борьба за «балканскую гегемонию» вообще отошла на задний план. Турция оказалась перед неожиданным фактом: и страны Антанты, и Германия с Австро-Венгрией, вопреки обещаниям, протестовали против отмены капитуляций. Как отметил, опираясь на документы султанского архива, турецкий историк З. Топрак, Высокая Порта предложила всем державам, включая балканских соседей, перезаключить договоры, урегулировать экономические обязательства, учесть взаимные интересы и определить статус всех иностранцев в Османской Турции. За исключением Германии, все западные державы отказались от любых переговоров по этому поводу. Балканские страны и Австро-Венгрия отмолчались³⁵.

Тяжелое впечатление в Стамбуле произвело ставшее достоянием столичной прессы требование американского посланника прислать в турецкие воды эскадру военных кораблей США в связи с несоблюдением турками режима капитуляций. Окончательная отмена капитуляций растянулась на три года, вплоть до января 1917 г. Все эти годы Турция по этому вопросу оставалась в полной изоляции, несмотря на ряд обращений к Центральным державам и к соседним балканским странам.

Со второй половины октября 1914 г., когда стали известны донесения турецких послов из Лондона, Вены, Берлина и Петрограда о нежелании стран Антанты гарантировать османской целостность и о нараставшем раздражении Германии и Австро-Венгрии в связи с «двусмысленной и явно несоюзнической позицией триумvirата» (так заявил Вангенгейм Джавид-бею в середине октября)³⁶, умеренные силы в турецком правительстве быстро теряли свое влияние. «Ввиду захвата всей власти в Стамбуле немцами, — сообщал руководитель военно-морской разведки России в Турции А. Н. Щеглов, — Энвер стал полным диктатором. Во главе правительственных учреждений поставлены немцы. Почта и телеграф — под немецкой цензурой. Ферманы на проход судов [через Проливы. — В. III.] визируются [германцами] несмотря на протесты. Грузы захватываются без расписок. Фактически капитуляции отменены. На иностранных, кроме русских [выводятся из строя. — В. III.] радиотелеграфы»³⁷.

21 октября 1914 г. Энвер-паша был утвержден главнокомандующим и первым же распоряжением В. Сушону приказал готовить нападение на русский Черноморский флот.

³⁵ Toprak Z. *Türkiye'de Milli İktisat*. Ankara. 1982. S. 73.

³⁶ Из дневника Джавид-бея. *Tanin*, 2–4. X. 1944.

³⁷ А. Н. Щеглов — начальнику Морского Генерального Штаба. Б/д 1914 г. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2969. Л. 17.

Стратегические планы военно-морского ведомства Османской империи на случай войны с Россией, как выяснилось, были готовы, когда Энвер-паша завлекал Леонтьева. Они строились на двух отправных, весьма противоречивых, позициях. Во-первых. Предполагалось обеспечивать долговременную оборону Стамбула и Проливов созданием системы минных заграждений на подступах к Босфору, организовать систему опорных баз ВМФ на всем черноморском побережье Турции от Босфора до Трабзона, сосредоточив там до 50–60 тыс. наиболее подготовленных войск. Предполагалось возможно шире использовать подводные лодки из Германии для рейдов на Черном море на предельном отдалении от Стамбула и Проливов против русских судов и по возможности портов. Наконец, обеспечивать оборонительный характер защиты Проливов за счет тесного взаимодействия флота и армии³⁸.

Во-вторых, и это была другая концепция, исходить из прецедента занятия Севастополя в 1855 г. и Порт-Артура в 1905 г. преимущественно силами флотов и десантов. Навязать русским изнурительную подводную войну, ускоренно строить и закупать именно субмарины, миноносцы и эсминцы вместо легко уязвимых плавучих батарей — дредноутов. Вести против России беспощадную наступательную войну силами быстроходного надводного и новейшего подводного флотов. Тщательно изучить и претворить в Черном море опыт войны 1904–1905 гг. Японии против России³⁹.

В конце концов было принято компромиссное решение. По плану действий, согласованных между Энвер-пашой и В. Сухоном, следовало довооружить босфорские форты; под прикрытием флота организовать мощный десант на Одессу или на один из пунктов России на Черноморском побережье Кавказа. В случае достижения военного союза с Румынией считать наиболее перспективным соединенный румыно-турецкий десант через румынскую территорию на Одессу⁴⁰.

Удачная операция по затоплению английской подводной лодки в Дарданеллах поощрила турецкое командование на разработку серии рейдов к берегам России подводных лодок. Таковые должны были быть полу-

³⁸ Риза Шакир-бей. Лейтенант флота 1-го класса, оперативный офицер 8-го Русского Морского Штаба Османской империи. «Записка на случай войны с Россией». РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4225. Л. 27—27об.

³⁹ Али Риза-бей. Фрегат-капитан, оперативный офицер 3-го, Черноморского, Отдела Морского Штаба Османской империи. «Записка о наступательной стратегии в войне с Россией». Там же, л. 29—29об.

⁴⁰ М. Н. Гирс — С. Д. Сазонову. 31 августа 1914 г. Там же. Д. 4264. Л. 106.

чены из Болгарии и Румынии в дополнение к двум новейшим, доставленным в октябре 1914 г. из Германии. Немецкие советники раскритиковали идею одесского десанта и предложили основные усилия сосредоточить на плотной обороне Проливов и на действиях на Кавказе. Однако Энвер-паша настоял на своем⁴¹.

Турецкая эскадра, в составе которой были упомянутые германские тяжелые крейсера, 28 октября 1914 г. встретила в нейтральных водах к северу от Босфора отряд в составе русского минного заградителя и трех миноносцев. В ходе скоротечного огневого контакта один русский корабль был затоплен, команда взята в плен. Турки узнали, что отряд шел ставить мины у входа в Босфор. Тогда же были причинены некоторые повреждения одному из русских портов. Так изложил нападение турецкого флота на русские корабли и обстрел Одесской гавани, Севастополя, Феодосии и Новороссийска 28–30 октября 1914 г. турецкий посол в Париже Рифаат-паша французскому МИДу. Посол сделал неловкую попытку придать пиратскому рейду без объявления войны некоторую благовидность. «Турецкое правительство, — заявил Рифаат-паша, — считает, что русский командир корабля ставил мины у Босфора без одобрения своего начальства и готово пленных русских моряков возвратить»⁴². Рифаат-паша был очень удивлен, что Делькассе выслушал его совершенно рассеянно и любезно с ним простился, не дав никакого ответа.

В состав экипажей турецких кораблях, совершивших пиратский рейд в Черном море, как и на кораблях, обстрелявших английский миноносец вблизи от Дарданелл, входили моряки германского флота.

Совместная агрессия Османской империи и Германии против России и, следовательно, ее союзников стала свершившимся фактом. «Война началась в 5.30 ночи 29 октября» — телеграфировал А. Н. Щеглов.

Посол в Петрограде Фахретдин-бей попытался и в этой ситуации заручиться обещанием России не посылать свои корабли к турецким берегам в обмен на заверение, что османский флот больше не появится в Черном море. В ответ С. Д. Сазонов в ультимативной форме потребовал заведомо невозможного — немедленного удаления всех немцев из армии и флота в качестве предварительного условия переговоров о компенсации за «вероломное нападение на наши берега и причиненный от этого ущерб». Послы Антанты поддерживали требование России.

⁴¹ Muhlmann C. *Deutschland und die Türkei*. S. 100–102.

⁴² А. П. Извольский — С. Д. Сазонову. 20 октября – 2 ноября 1914. РГАВФМ. Ф. 418. Д. 4264. Л. 227. *Международные отношения в эпоху империализма*. Т. VI. С. 457–460.

Великий везир Саид Хильми-паша, председатель меджлиса Халиль-бей, даже ряд высших офицеров армии на экстренном заседании военного кабинета и Комитета иттихадистов 1 ноября 1914 г. высказались за аннулирование союза с Германией и за удаление всей германских военных советников.

Поздно... Слишком поздно. Губернатор Стамбула Мехмед Талаат-паша после краткого обмена мнениями с членами триумvirата напомнил собравшимся о том, что город под прицелом орудий германских (под турецким флагом) крейсеров. Вокруг особняка, где шло заседание, стояли караулы германских моряков. Джавид-бей «добил» колеблющихся: заем в 100 млн франков золотом утвержден в Берлине; через Болгарию уже поступили первые 2 млн турецких лир золотом в счет займа. К тому же, заметил прижимистый и рачительный министр финансов, Турция тоже начала подкармливать Германию: в Берлин отправлено на 300 тыс. марок муки и консервов местного производства.

— Уж продукты немцы нам никогда не вернут. Все, видимо, съели, — с грустью заметил Джавид-бей⁴³.

Последний довод был, естественно, неотразим, заседавшие заколебались. Энвер-паша вздохнул с облегчением и предложил подготовить воззвания к армии, флоту, ко всем мусульманам империи с призывом к «священной войне» против неверных держав Антанты.

11 ноября 1914 г. султанскими ираде было объявлено о войне с Россией, Англией и Францией. Война с Антантой в целом была провозглашена в тот же день фетвами (воззваниями) шейх уль-ислама. 18–19 ноября Англия и Франция объявили войну Османской империи. Великая империя османов сделала последний шаг к своему падению. Империя Романовых шагала туда же...

⁴³ Сводка агентурных донесений из Стамбула. Октябрь–ноябрь 1914 г. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2969. Лл. 21, 26–27, 28–29.

Дарданелльская операция Великобритании в годы Первой мировой войны

Силы и замыслы

Уинстон Черчилль, главный инициатор событий, ревниво относился к тому, что основные планы раздела Турции были составлены до него, как морского министра, и без него. Будущее соглашение Сайкс-Пико относительно зон влияния в Турции не имело ни формального, ни фактического участия военно-морского министра Великобритании У. Черчилля.

По сведениям из военного атташата России в Лондоне⁴⁴, У. Черчилль заявил в феврале 1915 г., что лично ему представляется важным предпринять в отношении Турции настолько решительные действия, чтобы перспективная операция по занятию пролива Дарданеллы напрямую вывела Великобританию на столь сильные позиции, в военном и дипломатическом смысле, чтобы можно было диктовать свои условия турецкому руководству. Черчилль подчеркивал, что Дарданелльская операция выходит далеко за рамки первоначально планировавшегося прикрытия Суэцкого канала и Египта. Военные наблюдатели в Лондоне считали, что идея об операции на Дарданеллы сложилась у Черчилля, видимо, в самом начале войны. Возможно, здесь русские архивные данные неверны и замысел существовал еще весной 1914 года.

При оценке взглядов Черчилля на перспективы Дарданелльской операции следует учитывать, что и он, как морской министр, и Адмиралтейство, и военное ведомство Великобритании — все они находились под сильным

⁴⁴ Дешепи военно-морского атташе в Лондоне Волкова см.: Российской Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 2977.

впечатлением от раздувавшейся в прессе так называемой «Босфорской операции» русского ВМФ с привлечением сил сухопутной армии России.

Как свидетельствуют русские архивные документы, Босфорская операция (возникновение этой идеи относится еще к 1896 г.) планировалась в 1914–1915 гг. так широко и так громогласно, что детали «похода на Босфор» обсуждались в лондонских пабах — пивных всю осень 1914 — весну 1915 гг.⁴⁵. Россия бравировала. Англия сделала свои, силовые выводы.

По сообщениям от русских военных наблюдателей из Лондона, Великобританию и морского министра особенно озадачивал тот пункт записки об операции на Босфоре, где прямо говорилось, что Россия должна занять не только Босфор, но и Дарданеллы.

Ряд документов из того же источника, т. е. аппарата военно-морского атташе России в Лондоне, дает основание предположить, что Дарданелльская операция задумывалась в британском Адмиралтействе, во-первых, задолго до того как о ней было сообщено союзникам по Антанте; во-вторых, здесь имела место самая непосредственная связь с давлением Великобритании на Грецию⁴⁶.

Дело в том, что германизации турецкого военно-морского флота и росту влияния Германии на высшее военное руководство Турции Англия с весны 1914 г. противопоставила отчетливый курс на усиление британского влияния на военно-морской флот Греции.

Выражением этого процесса был известный план английского вице-адмирала М. Керра (март 1914 г.) о создании мобильного греческого флота для действий на мелководье Эгейского моря и Восточного Средиземноморья, предложенный им греческому правительству⁴⁷. Для Англии было важно заранее уточнить, кто будет рядом с ней в Дарданелльской операции. Слабая, но амбициозная Греция подходила более других партнеров.

В октябре 1914 г. Англия весьма прозрачно намекнула Афинам, что неизбежные действия английского флота в зоне Черноморских проливов будут иметь дальние перспективы, и что Греции следует обдумать свои территориальные претензии в этой зоне.

Осенью 1914 — зимой 1915 г. Афинам несколько раз по дипломатическим и военным каналам давали понять, что Англия обязатель-

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2936. Л. 2, 2об. —5. «Босфорская операция».

⁴⁶ Там же. Л. 14–20. Доклад по Морскому Генеральному Штабу.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Генеральный Морской Штаб. Д. 2985. Л. 4–5.

но проведет крупномасштабную операцию именно в Дарданеллах, и стратегические греческие острова Лемнос и Лесбос в интересах самой Греции передать в распоряжение британского военного командования. Причем лучше до того, как Греция и Турция войдут в прямое военное противоборство.

Русская осведомительная служба в турецкой столице и в соседних балканских странах с нескрываемым удивлением сообщала «наверх», что тогда же (осень – зима 1914/15 гг.) через Каир, Салоники и города Леванта в военное ведомство Турции поступали сведения о готовящейся масштабной операции Великобритании в Дарданеллах. Причем источником информации были британские подданные: торговцы, люди свободных профессий и т. д., проживавшие в этих городах, либо тесно связанные с турецкими партнерами по коммерции.

Складывалось впечатление, что военная по замыслу Дарданелльская десантная операция британских военно-морских сил имела отчетливую заданность: подтолкнуть к участию в столкновении как Грецию, весьма «спокойно ожидавшую развертывающихся событий», как сообщал военно-морской атташе России в Греции А. Макалинский, так и Турцию, едва не ставшую союзником России в «Большой войне Западных держав» (выражение турецкой прессы)⁴⁸.

К началу марта 1915 г. англичане Грецию «дожали»: она приняла решение участвовать в Дарданелльской операции силами трех сухопутных дивизий в составе британского десанта на Галлиполийский полуостров. Причем Афины скрывали это решение и от Франции, и от России, но что можно скрыть от острого взгляда военных наблюдателей...

Разумеется, турецкие осведомительные службы тоже не пропустили без внимания факт оживления на военно-морских кораблях Греции, начавших с 10–15 марта деятельную подготовку к боевым действиям. Известно туркам было и о серьезных разногласиях в высшем эшелоне власти Греции относительно участия и в войне в блоке с Антантой, и в самой Дарданелльской операции.

В течение всей весны 1915 г. подготовка Англией Дарданелльской операции носила в первую очередь политический характер, и только потом речь шла о военной стороне дела.

Русские архивные документы позволяют сделать предположение о том, что идея Антанты об операции в Дарданеллах — первоначально

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. Генеральный Морской Штаб. Д. 3769. Л. 3–5 и след.

весьма личная инициатива суперчестолюбивого морского министра⁴⁹ Черчилля — ранней весной 1915 г. стала обрастать амбициозными планами заинтересованных сторон со скоростью, сравнимой разве что с бурным раскрытием весенней зелени на бульварах Афин, Софии и Стамбула. Черчилль мыслил широко и надеялся из Дарданелльского десанта получить максимум политических выгод. Шла речь о Болгарии, союзной Центральному договору.

Болгария готова была определенным образом в рамках Дарданелльской операции взаимодействовать с Грецией против Турции во имя того, чтобы получить территориальную компенсацию в турецких Македонии, Фракии и Добрудже. Возможным было нападение Болгарии на Сербию.

В Греции значительная часть правительственных кругов (кроме короля) надеялась отторгнуть, опять же в виде компенсации за участие в операции, турецкую Смирну (Измир) и часть прилегающего побережья. Греческие воинские подразделения должны были войти в Стамбул, ограничившись посещением храма Святой Софии, и покинуть турецкую столицу. Не исключалось вторжение в Болгарию и нанесение ей поражения (как союзнику Турции) либо существенного территориального ущерба⁵⁰.

Поскольку в России с достаточной полнотой представляли себе размеры не только общебалканской, но и всеевропейской катастрофы в случае вовлечения иных, кроме британских и французских, войск в десант на Проливы, отношение к расширению состава участников операции было крайне сдержанным. Однако сложившаяся после англо-русского соглашения 1907 г. о разделе Ирана на зоны влияния уверенность русского генералитета и мидовских кругов, что Турцию также удастся поделить на зоны преимущественного влияния, разбилась об упорное сопротивление турок в Дарданеллах. Затем пришли революция в России и крах Антанты.

Расстановка сил турецкой армии была достаточно продумана и хорошо организована. 1-я турецкая армия прикрывала Стамбул и европейские берега Босфора. Командующий — фон дер Гольц.

Кроме того, в береговой зоне Босфора находилось 3 батальона «низама», 24 батальона «редифа» и 8 эскадронов конницы.

⁴⁹ Основательная убежденность в этом, т. е. в личной заинтересованности Черчилля в «громком деле в Проливах», была высказана в «Стратегической записке по Морскому Генеральному Штабу» (середина декабря 1914 г.), предназначенной для высшего морского и сухопутного командования России (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2974. Л. 7–9, 13, 15. Данный документ и мнение были известны Ставке и, возможно, царской семье.

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Генеральный Морской Штаб. Д. 3025. Л. 40–41.

2-я турецкая армия прикрывала Адрианополь и пространство до Стамбула. Ей (армии) подчинялось 40 батальонов «низама», 24 батальона «редифа» и 16 эскадронов конницы.

5-я турецкая армия под командованием Лимана фон Сандерса прикрывала Дарданеллы. Это была огромная сила: 271 батальон (из них — 111 «редифа»), 29 хорошо оснащенных пулеметных рот, 44 конных эскорта, 115 орудий.

Разведка отмечала, что турки имели на обороне Дарданелл скорострельные австрийские гаубицы, которых не было даже на многих участках Западного и Русского фронтов. Кроме того, разведка сообщала, что турки хорошо обращаются с очень редкими тогда зенитными орудиями против британских аэропланов и имеют минные аппараты, чтобы стрелять по морским целям⁵¹.

Операция Черчилля была изначально обречена на поражение, что и получилось. Антанта утратила возможность привлечь Турцию на свою сторону, хотя весной и даже летом 1914 г. для этого сохранялся определенный шанс⁵².

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 418, 1. Д. 4260. Л. 15. Иностранная статистика.

⁵² Об этом см.: Шеремет В. И. *Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны (По материалам русской военной разведки)*. М.: ТБС, 1996.

Раздел 3

Вопросы Теории

Становление Османской империи

700-летие османский государственности (1299–1999) — событие, отмеченное ООН и по-разному встреченное общественностью и учеными различных стран. Оставим в стороне острые политические оценки и ретроспекции тенденциозного характера, которые в избытке появились в связи с этой — достаточно условной — датой.

Автора подвигли на заявленные очерки отнюдь не юбилейные штудии. Речь могла бы идти прежде всего об удовлетворении острого и несправдливо любопытства широкой общественности к «образу соседа».

Два южных соседа России — Турция и Иран — неизменно присутствуют в ментальном поле россиянина. Персидские сказки как норма детского чтения и турецкие обиходные слова в русском языке, элементы быта и культуры турок и иранцев, которые уже не осознаются у нас ни чуждыми, ни тем более принадлежащими «супостату» — противнику, наконец, поразительная открытость «берега турецкого» русскому туристическому нашествию (с Ираном — существенно сложнее) — множество обстоятельств заставляет османиста ответить на ряд вопросов о стране соседа.

Эволюция «образа соседа», восприятие исторического наследия наиболее полно, на взгляд автора, реализуется через осмысление роли и места «соседа» в мировом цивилизационном процессе. Многоплановость таких образов и очевидная неразработанность имагологии как науки об «образе соседа» заставила автора прибегнуть к жанру исторического очерка, традиционного для российской ориенталистики и более всего отвечающего задачам создать научно достоверный и жизненно близкий — все тот же образ соседей по пространству и географическому историческому прошлому¹.

¹ Теме становления Османской империи посвящена обширная литература, в частности, см.: Миллер А. Ф. *Краткая история Турции*. М., 1948; *Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы*. М., 1963; Новичев А. Д. *Турция. Краткая исто-*

Становление бейлика

Европа еще не остыла от Крестовых походов, как с Востока потянуло опаляющим жаром новых войн. Сначала у границ усталой Византии, а затем и дальше — на пыльных дорогах Балкан, истоптанных крестоносцами, появились молчаливые смуглые всадники. Во второй половине XIII – начале XIV в. на полуострове Малая Азия, или иначе в Анатолии, начала складываться новая держава — Османская империя. Ее становление, как вся специфика цивилизационного типа, была напрямую связана с военно-миграционными процессами.

Суть дела в том, что вторая (после сельджуков) волна переселения тюркского этноса в Малую Азию из далеких просторов Центральной Азии была инициирована мощным давлением татаро-монгольского вторжения; поток этот как бы разбился на несколько направлений.

Часть сил под общепринятым условным названием татаро-монгольских войск устремилась в направлении раздробленных, ослабленных междоусобицами восточно-славянских княжеств, расположенных к западу от Волги. Вскоре татаро-монголы покорили почти всю Древнюю Русь.

Другая часть сил вторжения двинулась через Иран и Среднюю Азию по направлению к Средиземному морю. Они как бы гнали перед собой волны разрозненных и многочисленных, но воинственных тюркских племен. В 1243 г. татаро-монголы разгромили в Малой Азии войска Сельджукидов. К этому же времени их войска разбили и киевских князей. Установить в Малой Азии такую же централизованную систему власти, как на Руси,

рия. М., 1965; Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. *Очерки истории Турции*. М., 1969; Еремеев Д. Е. *Этногенез турок*. М., 1971; Книга законов султана Селима I. 1983; *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII вв.* М., 1984; Жуков К. А. *Эгейские эмираты в XIV–XV вв.* М. 1988; Петросян Ю. А. *Османская империя: могущество и гибель*. М., 1990; Еремеев Д. Е., Мейер М. С. *История Турции в средние века и новое время*. М., 1992; Шеремет В. И. *Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время*. М., 1996; Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи* / Под ред. М. С. Мейера. М., 1999; Самборский В. Прекраснейшая. Историко-документальное повествование из жизни Османской империи. Журнальный вариант. *Наука и религия, 1995–2000*; Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 1–10. Pest, 1827–1835. Akdag M. *Türkiyenin İhtimai ve İktisadi tarihi*. Cilt 1–2. Ankara, 1959–1971; Cahen Cl. *Pre-Ottoman Turkey*. London, 1968; İnalcik H. *The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600*. London, 1973; Imber C. *The Ottoman Empire. 1300–1481*. Istanbul, 1990; Shaw St. J. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. V. 1 (1280–1808). Cambridge, 1976; *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914* / Ed. İnalcik H., Quataert D. Cambridge, 1994; Özkaya Y. *Osmanlı İmparatorlugunda Ayanlık*. Ankara, 1994.

татаро-монгольские полководцы не смогли. И сил не хватило, и Византия еще довольно крепко держалась, да и Иран оставался в тылу продвигавшихся к западу войск.

В Западной и Центральной Анатолии сложилось почти 20 мелких княжеств, лишь формально признававших вассальную зависимость от монгольских правителей, оставшихся далеко на востоке, в сердце Центральной Азии. Эти княжества, или *бейлики* (от слова *бей* — правитель) населяли отступившие под натиском войск Чингизхана и его преемников кочевые турки и осевшие еще раньше в Анатолии кочевые и полукочевые племена тюркского корня.

Племена говорили на одном, с диалектальными различиями, языке, были отрезаны Ордой от ставшей недостижимой родины — далекого Туркестана. Естественным состоянием их была вооруженная мобильность мужчин и военно-кочевой в целом образ жизни. Часть вольных или невольных переселенцев воевала друг с другом и с соседями — византийцами, греками, армянами, персами, арабами; другие тоже сражались, но больше занимались земледелием и пасли скот. Те и другие группы тюркских переселенцев замещали друг друга в общем цивилизационном потоке. Объединяло и воинов, и пастухов-земледельцев общее сознание: чтобы выжить в чужих землях, надо было крепко держаться за собрата-соседа и хорошо владеть оружием.

Выделяются умелые военные вожди — *эмиры*, *беи*, бродячие проповедники — *дервиши*, исламские (мусульманские) руководители — *баба* (буквально — отец), или *шейхи*. Вожди: светские — эмиры, т. е. «повелевающие», и религиозные, «отцы» — объединяли своих воинственных собратьев силой оружия и силой убеждения — слова. Достаточно рано вокруг эмиров сложились дружины воинов, фактически профессионалов. А куда направить горячего скакуна и острый, изогнутый, как серп молодой луны, клинок из голубоватой стали — на это указывали вожди религиозные.

Любая война с «неверными», т. е. людьми другой веры, была делом вполне богоугодным и очень выгодным. Устойчивое противостояние всему инакоустроенному, иначе газават («победоносные действия за веру») как системное качество помогло выжить наиболее компактному, крепкому бейлику на северо-западе Малой Азии.

Здесь правил первый независимый бей по имени Осман (1288–1324). От его имени государство стало называться Османская держава, а позднее по-западному — империя, — и проживали тут турки-османы. Оно про-

существовало как монархия (султанат) до 1922 года, то есть непрерывно и при одной и той же османской династии, что достаточно раритетно для мировой истории, почти 700 лет!

Сам Осман и его ближайшие преемники Орхан (1314–1362), Мурад I (1362–1389) и Баязид I (1389–1402) были людьми лично очень храбрыми и умелыми в бою (иначе какой пример воинам?), необычайно деятельными, энергичными и расчетливыми в политике. При этом они умели точно просчитывать свое место в окружающем мире, чужеродном в этническом, социальном и культурно-религиозном смыслах.

Во-первых, беи-османиды взяли за пример жизнь пророка Мухаммада и его праведных сподвижников – халифов, которые при жизни только одного поколения мечом и Кораном создали Великий Арабский халифат. «Мы правим, мы повелеваем, — считали они, — значит, и мы отмечены милостью Аллаха!»

Во-вторых, и это было не менее важно, их владение, т. е. их бейлик оказался вдали от ордынских наместников-баскаков, столь же беспощадных в Азии, как и на Руси. Соседство Византии, которая вначале благосклонно взирала на новых воинственных соседей-турок, как бы отгородивших Византию и от арабов, и от ордынцев, первые османские правители, или султаны, использовали с выгодой для себя.

Они хотели и умели учиться. Всему — и военному делу у опытной великой державы «ромеев» Византии, в первую очередь. Кроме того, турки перенимали опыт тысячелетнего управления государством, искусства византийской тонкой, построенной на разведке и личных преемственных связях дипломатии, а также налаженной веками организации земледельческих работ в Анатолии, житнице древнего мира, которая вскормила хеттов и допотопные цивилизации. Если где-то утвердилась сильная власть и раскинулись тучные поля, то туда и направят свои кибитки все новые и новые переселенцы из тюркских племен. Они вливались в османский бейлик, создавали по соседству с османидами свои поселения, которые впоследствии, когда добровольно, а когда хитростью или оружием, присоединялись к бейлику. Нетерпимость к соперникам, фанатическая устремленность к подчинению всего инакого, неосманского, были заложены в генотипе молодой государственной системы.

К началу 50-х гг. XIV в. турки-османы уже поили своих коней в водах Босфора, жадно поглядывая на пока неприступный византийский Константинополь. Они укрепились в г. Бруса (Бурса), в некогда богатых византийских городах Никея (Изник) и Никомедия (Измит). Далее, за

проливами Босфор и Дарданеллы, простирались богатые и вечно конфликтовавшие балканские земли. Османы ждали своего часа, готовились к мощному рывку в Восточную Европу, укрепляли, разумеется, не формулируя такой постулат — свою социально-экономическую систему и государственное устройство. В основе экономической и политической организации османидов лежала военно-ленная система.

Заложенная при первых султанах династии Османов, эта система стала стержнем османского государства и одновременно — основой и воплощением мощной боевой организации, три столетия подряд осуществлявшей распространение и удержание османского господства в Азии, Северной Африке и на Балканах.

Военно-ленная система как специфика османидов и как аналог подобных структур в других странах Востока складывалась постепенно; на это ушло около 100 лет. Она оформилась к середине XV в., т. е. ко времени падения Константинополя в 1453 г. Отдельные позиции военно-ленной системы сложились и упрочились именно в ходе завоевательных походов турок на Балканы, начиная примерно с 1352–1357 гг., т. е. в период, предшествовавший падению Византии.

Военно-ленная система доказала свою относительную устойчивость уже тем, что с изменениями, надломами и подправлениями просуществовала с XIV в. до середины XIX в., т. е. пять столетий. Она была введена «сверху» — султанами и отменена была тоже «сверху», когда полностью изжила себя и не позволяла туркам войти — не формально, как временный военный союзник, а как партнер, готовый адаптироваться к новым условиям, — в складывавшееся сообщество европейских держав, когда шел этап завершения первой промышленной революции.

В основе военно-ленной системы лежала идея абсолютной собственности османского султаната на всю имевшуюся и вновь мирно присоединяемую либо вооруженной силой захваченную землю. На условии обязательной, в первую очередь военной, службы *лично* султану ленник, или *сипахи* (что значит «вооруженный воин на коне»), получал в держание (не в собственность!) земельный надел. В зависимости от величины подати, которая собиралась, наделы назывались *зеамет* (примерно 20–100 тыс. акче в год, т. е. серебряных монеток весом по 1 грамму серебра) или *тимар* (если подать с надела составляла от 3 до 20 тыс. акче). Были очень крупные наделы — *хассы*, с которых подать превышала 100 тыс. акче, т. е. 100 тыс. грамм серебра в год. Но эти наделы получала только высшая знать и только на время активной службы.

Держатели наделов назывались *тимариоты*, и вся система называется тимарная, или военно-ленная.

Примечательно, что пока турки не заняли много земель на Балканах, сипахи, т. е. военный ленник имел право только на какую-то не очень значительную долю подати с завоеванных земель. Все остальное шло на дальнейшее расширение экспансии, т. е. на сугубо военные цели.

Сипахи был, естественно, лично заинтересован в увеличении своей доли, в новых успешных походах. От его длительной, на всю жизнь, службы, от оцененных очевидцами подвигов и от личной преданности султану зависело получение (или утрата, было и такое!) новых тимаров и зеаметов. Тем более что передать по наследству надел было нельзя. Сыновья сипахи с детства учились военному делу, но добывать свой надел им предстояло самостоятельно. Своим мечом! Личной службой и личной верностью султану!

С годами сложилась самая многочисленная прослойка военной структуры — «мужи меча». Их задачей была военная служба в рядах конного войска с юности — едва мальчик начинал стремена ногами доставать — и до старости, пока рука держала ятаган, особый меч (буквально — «укладывающий врага на месте»). Одновременно сипахи отвечал за «тишину и порядок» в своем наделе и за исправное поступление всех налогов в казну. Вооружался сам и содержал за свой счет положенное количество воинов.

Дело не простое, если учесть, что Османская империя фактически не знала крепостного права. Формально любой крестьянин-общинник и самый приближенный к трону сипахи были равны и лично свободны. Идея осознанной, как неотъемлемая часть жизни, воинской службы султану, тени Аллаха на Земле, пронизывала все существование турка-османа.

Это было общество воинов, живших войной и во имя новых войн! Новые земли увеличивали количество сипахиев. Росла численность армии, возрастали ее возможности к захвату новых земель. Причем крепостное право на захваченных землях, если оно там было до прихода османов, фактически отменялось. До турок-османов в Малой Азии были распространены поселения с этнически смешанным населением, а веротерпимость первых османидов и доступность перехода в ислам местного населения делали переход в состав воинов — основной общественной силы нового государства — первопоселенцев Малой Азии (греков, армян, курдов, славян, грузин и т. д.) и первопришельцев (огузов, сельджуков и т. д.) явлением вплоть до XV в. обыденным. Исследования отечественных и зарубежных, в частности турецких, османистов дают основания

полагать, что этногенез турок в Малой Азии реализовался в процессе как хозяйственного освоения анатолийских земель, так и военного расширения османского бейлика.

Военную силу конного войска латников-сипахи удачно дополняли пешие постоянные части, состоявшие на полном казенном содержании под названием *янычары*, или «новое войско». Созданные еще при Орхане I (1320–1359) из добровольцев-военнопленных в качестве ударного пехотного отряда, янычары к концу XIV в. приобрели общепризнанную славу лучшей в мире пехоты. И оставались таковой почти 300 лет.

Постепенно, с утратой открытости начального этапа государства османов янычар стали набирать из детей славянского, албанского, греческого населения Балкан в порядке «налога кровью» — *девширме*. Мальчиков (6–8 лет) обращали в ислам, воспитывали в турецких семьях наравне с родными детьми, учили военному делу и с детства прививали им чувство безграничной веры в турецкого (османского) султана и уверенность в превосходстве янычарского боевого братства над всем остальным миром.

Лишенные семьи, жившие до конца дней в казармах, эти дети разных народов были преданы только своему корпусу, как семье. Они умели хорошо, профессионально воевать и, подчиняясь только воле султана и его представителей, как бы уравнивали в государственном устройстве тимариотов, имевших и искавших собственность. В военном деле они дополняли конных рыцарей — сипахи. Янычары часто сидели за спиной мчавшегося на прорыв сипахи и, соскочив с седла, рубились в пешем строю. Вместе они — янычары и сипахи — были непреодолимой силой для разобщенных, слабо дисциплинированных рыцарей и ополченцев центральноевропейских и балканских государств. Они же воплощали этническое слияние и религиозное единство под знаменем ислама, бесконечное разнообразие этносов и общественных устройств, унаследованных османскими правителями в Малой Азии и на первых завоеванных ими землях Балкан.

Военно-ленная система была упорядочена, кодифицирована в первой половине XV в. Ее сутью стала централизованная власть над главным богатством во все времена — собственностью на землю, состоявшей из мелких условных держаний воинов-сипахи при наличии немногих частных, передаваемых по наследству богатых земель мусульманского духовенства и высшей знати. Причем частные владения в большинстве своем появлялись на территориях, захваченных во время военных походов на Балканах и в других регионах.

Внешняя экспансия османидов

Первые крупные победы и первые захваты турки-османы совершили уже при втором своем правителе — Орхане в 50-х гг. XIV в. Примерно за 30 лет, то есть при жизни одного поколения воинов они заняли значительную часть Балкан. Это удалось прежде всего благодаря тому, что пришлые турки использовали бесконечные распри и столкновения местных правителей. Кроме того, тюркские кочевники несколько веков (до османидов) уже нанимались на военную службу к многочисленным претендентам на византийский престол и использовали ситуацию в свою пользу. Все правители нуждались в крепкой руке и остром клинке тюркских наемников. Однако именно османиды поставили и реализовали далеко идущие цели. Они даже перенесли свою столицу из Малой Азии в Адрианополь (сегодня — Эдирне) и, оставив Константинополь в тылу, все силы бросили на Сербию и Болгарию.

В 1389 г. в жестокой битве на Косовом поле турки разбили храбрых, но плохо дисциплинированных сербов и боснийцев. Сербское государство потеряло независимость (эта дата и сегодня в Сербии отмечается как день национальной трагедии). В течение следующих семи лет турки-османы разгромили Болгарское государство (1393 г.), нанесли поражение объединенным силам венгров, валахов, болгар и западноевропейских крестоносцев (1396 г.). Византия потеряла своих христианских союзников в борьбе с османами и стала платить дань султану.

Вторжение в 1402 г. войск великого завоевателя Азии Тимура (Тамерлана, 1370–1405) на полсотни лет приостановило распространение османской экспансии в Европу. Впрочем, борьба с Тимуром велась на просторах Малой Азии беспощадная, крайне истощила местные сообщества, и османиды были близки к полному разгрому. Но они уже опирались не только на анатолийские владения.

В новых балканских землях турки притаились, накопили сил и к 1446 году, когда угрозы сокрушительного удара со стороны преемников Тимура не было, овладели даже самым югом Балканского полуострова — Мореей. Константинополь теперь стал близкой и вполне доступной целью османов. Фактически турки стояли под его стенами более 50 лет — с 1396 г., когда на азиатском берегу Босфора они построили сильную крепость Анадолу-хисар. Вероятно, это была самая долгая осада в мировой истории.

Мехмед II Фатих (1451–1481 гг.) претворил в жизнь цель четырех поколений турок-османов. 22 мая 1453 г. после длительной, умело орга-

низованной осады и яростного штурма пала древняя столица Византии. Вместе с тремя другими датами — открытием Христофором Колумбом пути в Америку (1492), изгнанием потомков арабских завоевателей (мавров) из Испании (в том же году) и вновь освоенным проходом из Европы в Индийский океан вокруг мыса Доброй Надежды на юге Африки дата падения Восточной Римской империи (Византии) открывала новую страницу, новую историю в жизни тогдашнего обитаемого мира. Это и есть цивилизационно значимая, иначе — бифуркационная точка в развитии обществ Европы, Азии и Америки.

Султан Мехмед II, прозванный Фатихом, т. е. Победоносцем, Завоевателем, перенес сюда столицу Османской империи, которая и по сегодняшний день носит турецкое название Истанбул (Стамбул).

Последний восточно-римский император Константин XI Палеолог погиб в бою. Детей он не имел. Султан настойчиво приглашал к себе на службу, под покровительство его племянников — вероятно, чтобы взять под контроль судьбу императорской короны Византии. Из трех прямых наследников византийского императорского титула на службу к турецкому султану поступил и всю жизнь прожил при султанах младший из братьев — Мануил. Его старший брат Андрей и их сестра Софья-Зоя Палеолог оказались после 1470 года в Москве, где *Софья* — наследница византийского трона стала женой Великого князя Московского Ивана III. Мехмед II до самой смерти в 1481 году не мог смириться с этой потерей, а также с тем, что после 1480 года Московское государство окончательно избавилось от тюркско-монгольского господства Золотой Орды. Впрочем, единственное, что османиды смогли противопоставить укреплению Московского государства, — это овладение северными водами Черного моря.

В 1475 году сильная турецкая армия заставила Крымское ханство признать себя данником турок. На три века Крым стал форпостом османской цивилизации в Северном Причерноморье, мощным антимосковским оружием османидов.

Столица Османской империи Стамбул была выгодно расположена на пересечении мировых торговых путей, в ней жили тысячи умелых ремесленников, были огромные запасы оружия и товаров Средиземноморья и Причерноморья. Все эти возможности покоритель Вечного города Мехмед II хорошо использовал для новых военных походов. Окончательно были подчинены Сербия, Босния, юг Греции, а также Дунайские княжества — Молдавия и Валахия. После 30 лет боев турки заняли большую часть Албании. Независимой осталась маленькая героическая

Черногория. В 1480 г. была сделана попытка захватить юг Италии, но она оказалась неудачной, и от Южной Европы османы все внимание перенесли на более освоенные направления экспансии.

Преемники Мехмеда II продолжали его политику в трех главных направлениях: Юго-Восточная Европа, Северная Африка (Египет, Алжир, Тунис) и земли Аравийского полуострова. Наносились удары по Ирану и Закавказью. В 1569–1571 гг. были сделаны попытки отбить у Ивана Грозного Астрахань и, возможно, Казань и тем самым обойти с севера главного соперника на Востоке — Иран.

В русских землях турки были наголову разгромлены и обессилены. В Европе османы потерпели в 1571 г. сокрушительное морское поражение при Лепанто (Греция). В 1606 г. на территории Венгрии был подписан договор Османской империи с Австрией, фактически остановивший продвижение турок в Европу.

Тем не менее, это была одна из самых мощных мировых империй. Ее силу составили не только военные походы, но и систематическое внимание султанов к государственному устройству империи. Это было главным условием столь долгого существования, почти семь веков, данного цивилизационного типа общества.

Развитие структуры власти

К XVI веку сложилась довольно гибкая система управления собственно османско-турецкими территориями в Малой Азии и вновь завоеванными землями. Своего рода испытательным полигоном систем управления стали Балканы. Турки установили свои военные и политические порядки таким образом, чтобы отделить «свои» Балканы от остальной Европы «барьером из копий» (военной силы) и новых законов. Османы-захватчики сильно отличались по экономическому и культурному уровню, по религии и, в меньшей степени, этнически — в связи с наличием большего нетюркского компонента — от христиан, преимущественно славян, греков, молдаван и валахов, живших на Балканах. Причем балканцев численно было во много раз больше, чем османских захватчиков.

Османиды хорошо понимали, что одной военной силой покоренные народы не удержат. Они передоверяли или сохраняли фактическую власть многим местным правителям. Но только тем, которые выражали им покорность — сложили оружие и приняли ислам, религию победителей.

Поощрялись создание исламских религиозно-культурных центров и переход простого люда в ислам. Формально новообращенные мусульмане уравнивались с завоевателями и переходили от своих христианских хозяев под «милостивую руку исламского султана». На деле чаще всего получалось так, что правители и держатели земли из местной знати были мусульманами, а основная масса крестьян и ремесленников оставалась христианской.

Конечно, исламизировать, т. е. обратить в ислам, городской люд было легче — компактно жили. Поэтому на Балканах сложилось так, что город, где обосновались власти и знать, был мусульманским, а деревня оставалась христианской. Это было весьма зыбкое, неустойчивое равновесие, существовавшее за счет придавленности экономического развития балканской периферии османским центром власти.

Османские правители сумели, впрочем, воспользоваться массовым недовольством православного населения в Византии и на Балканах заключенной по инициативе Константинополя в 1439 г. унией православной и католической церквей, при главенстве Папы Римского над всем христианским миром. На Балканах веками помнили чудовищные жестокости пришельцев с Запада — католических рыцарей времен Крестовых походов, боялись усиления крепостничества, разрушительных налогов и в целом окатоличивания, вероятно, больше, чем внешне простых и понятных в своей уравнительности идей ислама.

Главное — османиды, захватывая власть, не отбирали у местного крестьянина землю, которую он обрабатывал поколение за поколением, а что происходило в далеком городе на Босфоре, где сидел султан, и что он планировал, никто толком не знал. Так продолжалось до определенного уровня развития общественного сознания, но это уже произойдет в эпоху Возрождения Балкан (середина XVIII–XIX в.).

Стремительное расширение Османской империи за счет разнородных по религиям, этническому происхождению, культурному и экономическому уровню народов заставило турок использовать систему капитуляций («капитул», т. е. раздел, глава).

Это понятие вошло в историю как соглашения, или договоры османских султанов с европейскими монархами. Договоры имели главы, или капитулы, определявшие порядок отношений между мусульманской Османской и христианскими державами. Первоначально, т. е. в XV–XVII вв. военная Османская империя из милости «даровала» по капитуляциям какие-то выгоды: по налогам, по ввозу-вывозу товаров, другие привилегии, например,

французским, генуэзским, английским и иным торговцам на султанских территориях.

Османиды полагали (или хотели, чтобы так было), будто все европейцы голодают и плохо одеты. Дипломатов и торговцев из Европы мыли в банях (что было порой очень полезно), кормили из рук, вкладывая в рот — высокое уважение! — отменные шашлыки и роскошные фрукты, набрасывали им на плечи дорогие кафтаны. Иногда это были меха, купленные у русских торговцев. Но все это делалось в весьма пренебрежительной форме, умалявшей личное достоинство человека. Отсюда — и устоявшееся понимание капитуляции как символа унижения.

Первый проект договора-капитуляции, ставшего прообразом многих последующих, был выработан между Османской империей и Францией в 1536 г. Французы получили право торговать на всей территории империи, при этом пошлины с них взимались такие же, как с подданных султана. Аналогичные права получали турецкие торговцы во всех владениях французского короля. «Капитуляционная» суть договора заключалась в другом — Турция соглашалась на осуществление двойного судопроизводства на своей территории, то есть основанного и на исламском праве, и на законах Франции, которыми руководствовались французские консульские суды. Предписания кади (мусульманского судьи) могли игнорироваться иностранными подданными; предписания консульского суда носили обязательный характер для османских подданных.

Кроме того, Франция получила право протектората над христианами-католиками в пределах государственных границ Османской империи. Все торговые корабли, кроме венецианских, в подконтрольных османским властям водах Средиземного моря отныне обязаны были нести, а, следовательно, покупать право на это — французский флаг. Черное море осталось закрытым для всех европейцев без исключения.

В XVII–XVIII вв. западные державы уже не нуждались в «султанских милостях», а требовали и силой добивались их, но термин «капитуляция» как сдача на милость победителя закрепился.

Другой стороной проблемы было включение в систему капитуляций отношений османского султана с теми правителями, которые вошли в империю на особых правах, т. е. имели стабильные оговоренные льготы, например, Молдавии и Валахии, некоторых островов Средиземноморья (о. Самос). Это касалось не только торговых, но и религиозно-административных проблем местного управления.

Так, на принципах соглашений, т. е. капитуляций строились отношения султана и главы православных христиан — Вселенского Патриарха. Он жил в Стамбуле под полной и постоянной защитой турецкого султана. В течение пяти веков султан и патриарх (обычно из греков) поддерживали, опираясь на взаимное капитуляционное соглашение, сложившийся порядок османского правления на Балканах. Это позволяло и туркам-правителям, и верхушке христианской церкви получать — каждому свою — немалую долю прибыли от эксплуатации местного населения. Султан и патриарх нуждались друг в друге. Это был редкий цивилизационный феномен.

Таким образом, система капитуляций носила фактически тройной характер, а общее руководство капитуляциями, как торговыми, так и религиозно-административными, осуществляло ведомство иностранных дел. Позднее, в XVIII–XIX вв. на капитуляционной основе стали строиться отношения не только с православными подданными, но и с приверженцами других религий — подданными султана.

При Сулеймане I (1520–1566 гг.), прозванном Кануни, т. е. Законодателем, Османская империя стала мировой державой. Окончательно сложилась и заостенелась система внутренних связей империи. Личность, особа султана стала воплощением полноты власти в империи. Это была даже не пирамида власти, как принято говорить, а настоящая вертикаль власти, где все сановники, даже самые высшие, были лишь исполнителями воли султана, или падишаха. Принцип восточной деспотии, о котором обычно говорят на уроках истории Древнего мира, когда вся земля принадлежит Правителю, его воля ограничена только Богом, — в Османской империи нашёл реальное воплощение.

Султан был верховным владельцем земли, главнокомандующим всеми мусульманскими войсками в войне с «неверными», а также (примерно с 1517 г.) *халифом* — высшим духовным вождём мусульман не только Османской империи, но и всего мира, от Гибралтара до Китая. Это прибавляло значимости и авторитета султану-правителю.

От имени султана административную власть осуществлял *великий везир* («главнонаблюдающий»). Эта должность существовала с 1327 по 1922 год непрерывно, что является одной из специфических черт властной системы османов.

Духовная власть не передавалась, а только препоручалась *шейху ультасламу*, то есть высшему мусульманскому духовному лицу.

Каждый из высших двух лиц империи имел свои ведомства. Великому везиру подчинялись дела военные, гражданские, финансовые, иностран-

ные и все виды хозяйственной жизни. Шейх уль-исламу были подотчетны вопросы юстиции, судебное дело, школьное дело, а главное — вся духовная жизнь империи, включая образование, и руководство огромными земельными владениями мусульманского духовенства. Шейх уль-ислам обладал уникальным правом одобрить (или не одобрить) любое решение властей с точки зрения Корана и норм мусульманского права. Даже указы султана нуждались в его одобрении.

Руководители главных государственных ведомств, иначе — *везиры*, виднейшие мусульманские правоведы — *улемы* и особо приглашенные высшие сановники составляли Августейший Диван — Совещательный орган при султанах.

Формально все высшие чины империи считались «рабами султана». Их жизнь и имущество принадлежали повелителю. Причем буквально. В любой момент палач мог накинуть шнурок на шею любого чиновника, хоть великого везира. Правда, великий везир имел особую привилегию — его отрубленная голова «покоилась» при случае на богатом серебряном блюде. Головы всех прочих сановников попадали на подносы деревянные. При такой системе казни чиновников всех рангов осуществлялись «для примера». В итоге процветали воровство и взяточничество по принципу «хватай, пока жив».

Все население страны делилось на две категории. Первая — придворные, военные, гражданские и мусульманские чиновники. Они не платили налогов и составляли правящую, высшую ступень османского общества. Вторая группа — это те, кто платил налоги. И мусульмане, и христиане.

Это обстоятельство давало формальный повод говорить, что в империи османов XVI–XVIII вв. люди равны перед султаном. Одни страдают, но управляют, другие мучаются, но исправно платят налоги. В жизни, естественно, все было иначе.

Действительно, крепостного права не было. Положение немусульман, однако, было принижено. Они были фактически и юридически неполноправными подданными уже потому, что и налогов они платили неизмеримо больше, и их свидетельства в суде не принимались. Не брали христиан ни на воинскую службу, ни на какие-либо самые мелкие административные должности. Не доверяли, значит, и равенства в принципе не было.

Жесткая централизованная система управления предусматривала деление на области, районы, уезды (с другими, конечно, турецкими названиями). Главное, что в них четко расписывались владения и доходы с

них, размеры поступлений в казну. Национальный признак расселения игнорировался, что на Балканах позднее, уже в наше время послужило дополнительным источником многих конфликтов.

Полнота власти на местах в XVI–XVIII вв. принадлежала *бейлербею*, позднее — *паше*, главному начальнику, который отвечал, в буквальном смысле головой, за поступление налогов в Стамбул. Паша был и военным, и одновременно гражданским правителем. Ему же принадлежала высшая полицейская власть.

Деятельность правителя любого ранга регламентировалась специальными *канунами* — законами, которые издавались в Стамбуле. Подотчетны такие правители были лично верховной власти — султану.

Главной фигурой в административно-судебной системе был кади, мусульманский судья, подчинявшийся шейх уль-исламу. На основе мусульманского права кади руководили повседневной жизнью мусульман. Причем настолько «деятельно» и «предметно», что к кади люди шли жаловаться на обмер-обвес на базаре, на супружескую неверность, на порку, которой, по мнению пострадавшего, отец «не по делу» подверг сына, и многое другое из мелочей повседневной жизни.

Постепенно жизнь немусульман перешла в ведение (за исключением уплаты налогов) местных религиозно-национальных общин, или *миллетов*. Малозначащие в XIV–XV вв., они приобрели большой вес в XVIII–XIX вв. благодаря тому, что получили право от имени султана собирать налоги с единоверцев. Постепенно на миллеты стали распространяться капитуляционные права, которые турецкие власти предоставляли подданным европейских держав в Турции.

Вопреки стремлению султанской власти предельно ужесточить и контролировать «вертикаль власти», сама практика захватов чужих земель и необходимость ими управлять раскачивала эту вертикаль за счет различных отклонений от первоначальных правил.

Становление османского варианта цивилизации в целом укладывалось в апробированные самим историческим процессом рамки. Сюда можно включить социокультурную и экономическую подготовленность малоазиатского региона вобрать и ассимилировать компактные массы тюрков-номадов (VI–XII вв.); военно-кочевое устройство последних пришельцев-тюрков в Малую Азию (XII–XIII вв.), которое трансформировалось в военно-ленное устройство под воздействием уже имевшихся в регионе форм и методов власти и ведения хозяйства; хрупкое равновесие между экспансией и обороной Османского бейлика (затем Османского

государства), нарушавшееся османидами в пользу экспансии тем чаще, чем разобщеннее был сопредельный мир — на западе и юге Анатолии, на Балканах. Балканские территории стали объектом, затем опорой и сравнительно прочным тылом для османидов периода противостояния Тимуру, междоусобиц и формирования устойчивых структур властной султанской вертикали.

Приобретение все большего количества специфических черт в ущерб тому общемировому процессу, который несло Возрождение, и стремление скорее сохранить прошлое, чем адаптироваться к переменам в Европе; ряд военных поражений как следствие опоры османидов XIV–XVI вв. исключительно на силовые решения конфликтов с соседями; экономическая дезинтеграция — вот далеко не исчерпывающий перечень признаков османской ветви цивилизации на стадии отделения от общемирового цивилизационного ствола.

События и процессы Нового времени вызвали губительное для любой цивилизации противоречие — либо конвертироваться до схлопывания в кажущееся стабильным прошлое, либо приспосабливаться к неопределенному и динамичному будущему. Османиды вступали в эпоху перемен.

Европейская Турция как контактная зона междивизиационного обмена в османскую эпоху XIV – начало XX века

Заявка на цивилизационный подход к проблемам исторических феноменов, — таких устойчивых во времени и пространстве, как многовековая империя Османов, — неизбежно создает ряд проблем методологического и категориального свойства. Среди важнейших — вычленение культурно-исторической судьбы Европейской Турции, периферийного региона Османской империи, непосредственно связанного с самим понятием «цивилизации»².

Европогенность данного понятия очевидна. Припомним упорное толкование историками последних двух или даже более столетий территории Балканского полуострова (прежде всего материковой Греции и островов в Ионическом и Адриатическом морях) как единственно значимого центра Атлантической цивилизации.

² Под Европейской Турцией понимаются территории, расположенные на Балканском полуострове и в Юго-Восточной Европе в период от османских завоеваний в конце XIV в. до Балканских войн в 10-х гг. XX в. Термин достаточно условный, географически и политически не вполне корректный ввиду эффекта «шагреновой кожи», характерного для османских владений в этом регионе, которые испытывали непрерывное «геополитическое сжатие» и реставрацию государственности народов, покоренных на этапе экспансии Османского государства в сторону Европы. Еще менее удачно называть эти земли Турецкой Европой, хотя в некоторых работах по истории Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, появившихся в последние годы, в трудах ученых афро-азиатских стран употребляется и этот термин. Подробнее см.: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.* М.: Наука, 1984. С. 218–236; *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* М.: Наука, 1998. С. 240–250; Шеремет В. И. Становление Османской империи. XIII–XVI вв. *Новая и новейшая история.* 2001, № 1. С. 60–69.

За пределы этого понимания, как известно, первым вышел А. Дж. Тойнби. Он опирался на «свои и чужие» исследования, причем одновременно и по истории Восточного Средиземноморья, и по туркологии. Он же первым «ушл» во внезападные ареалы и в описание порожднных там типов цивилизаций. Впрочем, в поле зрения самого Тойнби и целого ряда других исследователей, включая всем известного С. Хантингтона, оставались неизменно и преимущественно идеи конфликтности — противоборства одной локальной цивилизации с другой — в контексте поисков достаточно устойчивых и значительных (по временным и пространственным параметрам) долговременных типов цивилизаций³.

Если не у самого Тойнби, то после него (и вне его влияния, как правило) изучение локальных общностей, их противоборства (конфликтность) как сути развития цивилизаций трансформировалось в оценку (переоценку) геополитических парадигм⁴.

В известном диалоге двух выдающихся мастеров цивилизационного анализа Тойнби и Дайсаку Икеды среди идей, предвосхищавших глобализацию как один из вариантов развития нового миропорядка, содержатся подходы к осмыслению воздействия фрагментов (регионов) на целостную цивилизационную структуру⁵.

Следует признать, что ряд довольно острых дискуссий, состоявшихся в последние годы в России и за рубежом, весьма стимулировал изучение проблемы взаимодействия регионов через призму отношений «периферия — центр имперской власти». Исследователи отмечали межцивилизационные зоны Кавказа, Центральной Азии, Центральной Америки, Малайский этнолингвистический перекресток, но, как ни странно, не освещалась Балканская цивилизационная зона — Европейская Турция⁶.

Рассматривая Европейскую Турцию как контактную межцивилизационную зону, мы концентрируемся на взаимодействии преимущественно двух социокультурных типов: восточно-христианского и

³ Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Прогресс, Культура; СПб.: Ювента, 1996. С. 182–188.

⁴ Wittfogel A. K. *Oriental Despotism: Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957. P. 120–123; Рожковский Е. Б. Цивилизации мира в современной науке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2001, № 11. С. 6.

⁵ Тойнби А. Дж., Икеда Дайсаку. *Диалог Тойнби — Икеда: Человек должен выбрать сам*. М.: Леан, 1998. С. 312, 383.

⁶ Назаретян А. П. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории*. М.: Персэ, 2001. С. 106–115; *Encounter or Conflict of Civilizations on the Balkans. International Scientific Conference*. December 10–12, 1997. Belgrade, Historical Institute. Belgrade: Pravoslavna Reč — Novi Sad, 1998. P. 23–68.

исламского в его османско-турецком варианте. Этот контакт (обмен) репрезентативен для изучения взаимодействия имперского центра власти и Балканской периферии на протяжении более полутысячелетия. Опосредованное, минимизированное, но реальное влияние этого обмена на обстановку в регионе не только не снижается в начале XXI в., но и ощутимо возрастает.

Категория «формация», которой оперирует масса историков, связана с динамическими переменными: сменность форм собственности, перерывы государственности, этнополитические и этносоциальные катаклизмы, включая революции, и т. д. Мы инструментально оперируем с понятием «социокультура», которая, по нашему мнению, есть *совокупность духовных, социальных и материальных ценностей, сложившихся (сформировавшихся) в хронологически длительном процессе деятельности человечества в целом, общности людей и отдельных индивидов.*

На социокультурном основании, образно говоря, как на «стержне», откладываются витки цивилизационного процесса. В нашем понимании «цивилизация» — это исторически сложившееся единство духовного начала и материальной культуры общества, продукт (внешнее оформление) относительно длительного и стабильного развития социокультурной и этнической общности, заселившей определенную часть обитаемого мира. Такое человеческое сообщество включает обычно один или несколько этносов (для восточно-православного сообщества это, прежде всего, славяне и греки, а также ближневосточные христиане из сиро-арабов, армян и др.). Ареал расселения пульсирует в определенных параметрах. Однако ядро цивилизации сохраняется. Под таковым мы понимаем самовоспроизводящуюся демографическую и этносоциальную систему в определенном пространственном контуре. В нашем исследовании этим параметрам как раз и отвечал регион Европейской Турции.

Общепризнанно, что цивилизация «старше» формации и проходит, если это устойчивая цивилизация, две-три формации. Контактная зона Европейской Турции к тому времени, когда сюда пришли османы, вобрала в себя элементы родовой, рабовладельческой и феодальной систем общественной организации и соответствующие социокультурные традиции (основания).

К своему «приходу» в Европу османы «освоили» фактически эпоху демократии военно-феодального типа с мощным влиянием родовых отношений.

С чем они на Балканы пришли и что застали?

Ситуативно Европейская Турция с IV в. оказалась в зоне «цивилизационного разлома» — деления античного мира на Западную и Восточную Римскую империи. Большая часть Балкан вошла в Восточную Римскую империю и в восточно-христианское православное пространство. До XV в., то есть до османов, здесь прослеживаются два системообразующих компонента развития: феодализация и этно-консолидация. Они легли в основу восточно-христианского цивилизационного типа, зародившегося в Сиро-Палестинском регионе, но окрепшего именно на Балканах после разделов христианской церкви 395 и 1054 годов.

Здесь родилась славянская письменность, дополнившая грекоязычные богослужебные книги доступным широким массам материалом. Здесь в последующие века в яростной борьбе утверждались и проверялись огнем и кровью принципы взаимодействия церкви и государства, сталкивались вооруженные ненавистью друг к другу христианские толки — католичество и православие, христианство в целом и мусульманство.

Другим типом цивилизации было исламское общество, возникшее на юго-восточном излете христианского мира, в зоне взаимодействия иудаизма и христианства.

Мусульманская цивилизация прошла по краю Балканской контактной зоны первый раз в VIII в., когда воины халифата осаждали Константинополь. Контакты приобрели характер взаимного истребления во времена Крестовых походов XI–XIII вв., последовавших за разделением единой христианской церкви и проявлениями кризиса и распада в Арабском халифате.

Следует обратить внимание на тот факт, что, с цивилизационной точки зрения, немедленно после прекращения Крестовых походов (корректнее — после переноса их тяжести на восточно-славянские земли) последовал — в середине XIV в. — османский марш на Балканы.

Следует ответить положительно на вопрос, бросало ли балканское общество, оседлое и преимущественно аграрное, свой вызов османскому обществу, военно-кочевому или сравнительно недавно переставшему быть таковым. Неодолимое, фатальное для балканского мира вторжение было проявлением инерционного момента в движении тюркско-монгольского кочевого мира с Востока на Запад.

Османам дышало в спину безжалостное и чудовищное в своей истребительной потенции тюрко-монгольское сообщество ильханов, позднее Чингизидов и, наконец, Тимуридов. Кочевой мир «выдавливал» сельджуков, затем турок-османов все ближе к *Балканской контактной зоне*, закрываясь от нее и одновременно подпитываясь за ее счет.

Османское вторжение в XIV в. прервало локально-региональный уровень развития на Балканах, при котором в эту цивилизационную зону входили, не без борьбы, конечно, разные взаимодействующие, но векторно одинаково ориентированные этносы и государства.

Османь не подняли Балканскую цивилизационную зону (Европейскую Турцию) до субрегионального уровня, хотя попытки этого можно проследить в истории. Османизм, например, стал наиболее полным выражением единства имперского центра и периферии.

Османь изначально несли более низкий структурный тип цивилизации⁷. Создать в Европе общность даже регионального уровня с позитивными обратными связями было для них заведомо нереалистично.

Османь надолго застыли на цивилизационно-разрушительной стадии взаимоотношений центра и периферии: с XIV–XV вв. и до конца XVIII – начала XIX в. Затем они довольно резко перешли к стадии цивилизационно-созидательной, воплотившейся в реформах Селима III, Махмуда II и эпохе Танзимата (1790-е – 1870-е гг.). Внешние условия существования Балканской цивилизационной зоны были неизмеримо более динамичны, чем реактивные возможности османского механизма власти.

Османь фактически провели в завоевательных походах всю эпоху Европейского Возрождения. Они не среагировали на Реформацию и Контрреформацию, которые внесли принципиальные сдвиги в расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке. Новое время застало их в Балканской контактной зоне на уровне бесплодных попыток сдержать ятаганом снежную лавину.

Новое время принесло новую структуру цивилизаций и новую иерархию их составляющих. Интеграция — обновление, самосознание и самопознание возобладали, миры Старого и Нового света объединялись. Османь же стагнировали, отдалялись от мира перемен и динамичного осмысления социокультурных составляющих Прогресса.

Напротив, сравнительно быстрая адаптация Балканской цивилизационной зоны в западную систему цивилизационных ценностей была заложена в социокультурной основе балканских обществ. Балканские социумы в османский период не прерывали своего развития, но перешли на латентный образ развития типа «зимней спячки», когда жизнь поддерживается программой, не зависящей от неблагоприятных внешних параметров и нацеленной на выживание. А уничтоженной эта

⁷ Öztuna Y. *Osmanlı Devlet Tarihi – 2: Medeniyet Tarihi*. Ankara, 1998. S. 240–370.

глубинная социокультурная основа быть не могла в силу отмеченной устойчивости.

В сознании исследователя отмеченных процессов неумолимо кристаллизуется вопрос о роли Балканской цивилизационной зоны как субъекта становления одной из мировых империй, просуществовавшей от Средних веков до Новейшего времени — Османской империи. Приходится констатировать, что бесконечно изнурительная многовековая борьба Византии с арабами прикрыла Балканы от арабо-мусульманского вторжения, но и повлекла определенное «привыкание» к исламскому цивилизационному давлению (через Испанию, Сицилию, Левант). Это обстоятельство удачно наложилось на османское вторжение в Европу и на формирование Балканской цивилизационной зоны.

В 1364 г. османы заняли Галлиполи и нависли над Балканами, где остатки империи крестоносцев соседствовали с сербскими княжествами и осколками Византии, и отпора они не получили. Уже через полсотни лет, при Базияде Йылдырыме (Молниеносном) (1389–1402 гг.) сложился скелет Османской империи — в зоне относительной безопасности от кочевых тюрок и воинственных центрально-азиатских правителей. В его становлении и поддержании в равновесном состоянии участвовали материальными и людскими ресурсами народы, населявшие Балканскую цивилизационную зону. Преимущественно христианское балканское население ресурсами своих земель фактически обеспечивало завоевание бейликов Малой Азии. Спасение от неминуемого разгрома и полного уничтожения со стороны войск Тимура пришло султану Мехмеду Челеби (1402, 1413–1421 гг.), одному из сыновей Базияда Йылдырыма, тоже за счет воинов, дипломатов и доходов, поступавших с Балкан. Да, насильственно, но неуклонно и весьма успешно империя османов осваивала всю Анатолию, отчасти и Средний Восток, за счет опоры на Балканы.

«Газават против христиан» на Балканах развернулся при Мураде II (1421–1451). Крестовый поход Яноша Хуньяди 1443–1444 гг. не имел успеха. Османы окрепли настолько, что могли вести обширные действия по подавлению сопротивления в Европейской Турции и одновременно — экспансию на Востоке.

1448 год — вторая битва на Косовом поле открыла дорогу на Константинополь. Только после захвата всей Сербии и Боснии (1463–1484) османы сумели, привлекая силы боснийских «гази», обращенных в ислам то силой, то лаской, укрепиться в Малой Азии, где добились, наконец, Трапезундскую империю. В Египте (1517 г.) уже активно действовали основ-

ные и вспомогательные силы воинов-мусульман балканского происхождения. Парадокс истории — внуки и правнуки христианских защитников православия объективно помогли турецкому султану Селиму Явузу (Грозному) (1512–1520 гг.), завоевав Египет, стать халифом — главой всех мусульман.

Балканы импульсно подпитывали вторжение османов на земли Юго-Восточной Европы и России. Занятие Герцеговины, устьев Днестра и Дуная обезопасило Баязиду II (1481–1512) выход на контакт с Крымом — могущественными Чингизидами и позволило отнять у Венеции пять портов на Адриатике. Балканы невольно заслоняли и спасали османов.

После борьбы за Белград в 1521 г. и создания мощного плацдарма, состоящего из Крыма, Дунайских княжеств, Семиградья и Венгрии, Сулейман Кануни (Законодатель) двинулся на Персию и на Армянское нагорье, поскольку обезопасил европейский тыл и задействовал все резервы Балканской цивилизационной зоны. На Балканах изначально отрабатывались многие элементы военно-бюрократической машины османов, а также их политико-дипломатические методы. Опираясь на Балканы, Сулейман Кануни заключил в 1535 г. первый договор с Францией, одновременно продолжая походы на Среднем Востоке и не слишком тревожась за сохранность Балканской периферии, гарантированной союзом с Парижем⁸.

Для понимания роли Европейской Турции как контактной зоны следует оценить функции и роль церкви в Балканской цивилизационной зоне.

Православная церковь в Восточной Римской империи была изначально тесно связана с институтом центральной власти. То же положение она сохраняла в балканских государствах, принявших православие еще в доосманскую эпоху. Турки сокрушили формальные, но не формосодержавшие признаки государственности на Балканах. Ибо физически сделать это было невозможно, не уничтожив всех или большинство православных подданных, то есть основу существования империи, по крайней мере, в регионе Юго-Восточной Европы. Высокая витальность Балканской цивилизационной зоны оказалась напрямую связанной с ее духовной ориентацией.

Турки-османы после нескольких веков сложного и опасного переселения из Центральной Азии на Малоазиатский, а затем на Балканский полуостров абсолютизировали функцию сохранности в неизменности военно-кочевого социокультурного стержня. В подвластной, но никогда не покоренной до конца балканской среде они довели эту идею до самоценности и впали в застой.

⁸ Öztüna Y. *Osmanlı Devlet Tarihi – I: Siyasi Tarihi*. Ankara, 1998. S. 108–183.

Османский центр власти исчерпал, утратил способность к адаптации и фактически мешал своим подданным-европейцам усваивать и генерировать новые идеи в стремительно менявшихся парадигмах войны, политики и экономики Европы Нового времени. В этом казусе скрыта двоякая острота социокультурного стержня — устойчивое воспроизведение информации, проверенной поколениями людей определенного социума, есть главная составляющая социокультурного процесса. Но связь поколений и передача (усвоение) наиболее значимых результатов духовного и материального прогресса из окружающего мира реализуется только при условии высокой реактивности центра власти данного социума. Эта непреложная истина не была воплощена османами в их политике на Балканах. Относительно утвердившись на западных и восточных рубежах империи, османы перестали уделять Балканской контактной зоне то внимание, которое они уделяли ей как ресурсному источнику и военно-политическому коридору эпохи активного вторжения в Европу.

Балканская цивилизационная зона из периферии системоподдерживающего уровня быстро деградировала в банальное пограничье османов с чуждым им миром «франков». Европейской Турцией османы как бы отгородились от остальной Европы, контактная зона стала зоной карантина. Расплата не заставила себя ждать.

Шел процесс сначала ослабления, а затем потери вертикальной мобильности и обратных связей между метрополией и контактной зоной — Европейской Турцией. Это стало очевидно в XVII – начале XVIII в.⁹ Частичное восстановление вертикальной мобильности, предпринятое в интересах сохранения присутствия османов в Балканской цивилизационной зоне, проявилось в реформах низам-и джедида и затем танзимата конца XVIII – середины XIX в. При этом сила воздействия «снизу», от Балкан, на центр власти была настолько сильна, насколько духовно сильнее и прочнее оказался социокультурный стержень балканского социума по сравнению с османско-турецким. Очевидно, что высокая способность к адаптации ставит Европейскую Турцию в число основных звеньев развития мировой цивилизации.

Однако межцивилизационный обмен в этой зоне не оказался в полной мере продуктивным и перспективным ввиду доминанты военно-бюрократического отношения центра имперской османской власти к своей балканской периферии.

⁹ См. Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи* / Пер. с англ. М.: Крон-Пресс, 1997. С. 343–386; Сотниченко А. А. *Традиционная геополитика Османской империи*. СПб.: Изд. СПбГУ, 2002. С. 30–39.

Султан и Патриарх

Заметки по исторической конфликтологии

Взаимоотношения османского центра власти, персонифицированного в личности султана (после подчинения Египта, Сирии и Палестины принявшего титул *халифа*), и его христианских подданных, этнических нетурок, проживавших в этих землях и до, и после османов, суть проблема междисциплинарная. Неоднократно — на протяжении своего полутысячелетнего существования — обретавшая контекст политической борьбы, эта многомерная конструкция «османская власть — подданные-иноверцы» может и должна рассматриваться как цивилизационно значимая для всего обширного субрегиона — Передней Азии и Балканского Средиземноморья.

Когда в XIV в. турки пришли на Балканы, они встретились с абсолютным преобладанием православия в этнически чужеродной среде. Здесь исламизация — добровольная (часть населения Боснии, Албании, Болгарии) и принудительная — была связана с правами землевладельцев и носила выраженный характер отуречивания.

Ничего подобного (т. е. исламизации) не могло быть в Египте и на Леванте с подавляющим преобладанием мусульманского населения. Социокультурная константа этого региона (включая коптов-христиан и арабов-христиан), по определению, отуречивание исключала.

Тем не менее, специфика османского государства и религиозно-политических установок османского центра власти предполагает оценку ситуации, скоординированную, насколько возможно, с общеимперскими задачами Стамбула по поддержанию равновесия в отношениях со всеми *реая* — христианами.

Исследователи обычно отмечают неразрывную связь государства и религии в системе османских политических структур, апеллируя к

Балканам. В отношении Арабского Востока эта связь прослеживается с не меньшей, если не большей определенностью, если учесть большие возможности принуждения.

«Рум милleti» — «православное сообщество» (по удачному определению К. А. Панченко, 1998) самых многочисленных из немусульманских подданных — было образовано Мехмедом II Завоевателем (Фатихом) вскоре после захвата Константинополя в 1453 г. Вселенский (Константинопольский) патриарх получал в свое управление все православные общины, существовавшие на землях, которые шаг за шагом завоевывались османскими войсками.

Постепенно сложились Печский (Сербский), Охридский и Кипрский патриархаты, а с захватом Египта, Сирии и Палестины — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Исследователи уже отмечали далеко не однозначную роль этих церковных устроений в том, что османам сравнительно легко удалось установить свои политические институты.

Иногда колонизируемые османами христианские земли, тем более уже находившиеся под мусульманским управлением (Египет), оказывались в двойном или тройном подчинении (центр власти — патриарх — местный паша). Однако неопределенность, а точнее — неоднородность такой ситуации была в числе решающих обстоятельств при стабилизации структур управления на землях формально исламских, но с таким значительным элементом православного населения, что пренебрежение им угрожало серьезно ослабить рычаги управления.

Вопрос о соотношении уровней влияния на ситуацию с положением православных арабов и, соответственно, на взаимоотношения между султаном и патриархом приобрел особую остроту во второй половине XVI в. Приостановка военного продвижения османов на Арабском Востоке и в Европе не остановила, а, скорее, стимулировала исламизацию в Европейской Турции. Одновременно, как противовес этому процессу, существенно окрепли связи арабских и балканских православных патриархий. Православное население Египта обрело стимулы — и возможности — к возобновлению и развитию общения с собратьями по ту сторону Средиземного моря.

По ряду причин внутреннего характера Вселенский патриархат в конце XVI в. раздирали острые противоречия отнюдь не духовного свойства. В этих условиях выдвинулись энергичные и высокообразованные, в отличие от многих греческих (фанариотских) иерархов, патриархи Александрии.

Фигуры Мелетия Пигаса и Кирилла Лукариса были связаны с укреплением влияния собственно представителей египетского православия при Высокой Порте, что было немаловажно для судьбы, например, глубоко почитаемого в православном мире Синайского монастыря Св. Екатерины.

Эти Александрийские патриархи (напомним, что они проживали в Каире) фактически воплотили в практику церковной жизни свои престольные титулы «вселенских судий». Это давало им формальное право (поддержанное Стамбулом) на определение соответствия действий иерархов православного мира и на Арабском Востоке, и в Европейской Турции установлениям авторитетов православия.

Подобная линия Александрийских патриархов в определенной мере отвечала османской практике — фетвам шейх уль-исламов, удостоверявших соответствие актов светских властей нормам ислама. Это лишь иллюстрация к вопросу об отношениях православного патриарха и османского центра власти. Учтем при этом два обстоятельства.

Во-первых, патриарх имел максимум предоставленных властью прерогатив (и, разумеется, влияния) на периферии империи, где и были компактно размещены православные приходы. Султан (как властный центр) после Сулеймана Законодателя, Кануни (1520–1566) заметно утрачивал свое абсолютное влияние по мере удаления от столицы к окраинам государства.

Во-вторых, Константинопольский (Вселенский) патриархат имел ко времени прихода османов в самом городе, будущей столице империи, развитую систему приходов, в основном совпадающую с системой городских кварталов. Приход и его функции сформировались на основе общего канонического права. Квартал (*махале*) и приход были восприняты турками-османами как естественные звенья организации огромного города. Прежде всего потому, что такая структура в принципе одобрялась шариатом и восходила к квартальной структуре городов мухаммеданской эпохи.

Само по себе это совпадение в структурах — вечного града Константина и исламской опоры Каира, священных городов Мекки и Медины — отнюдь не случайно. Его истоки — в специфике темпа и форм жизни средневекового города Передней Азии.

Многонациональные Константинополь, Каир, Дамаск с их системами приходов и подворий (вспомним, что каирское подворье Синайского монастыря Св. Екатерины было не менее, если не более influentially в XVI—XVII вв., чем Александрийский или Иерусалимский патриархаты) были

абсолютно приемлемы для турок в своей логике организации и строгой иерархичности, чего так добивались османы.

Что же привлекало османские власти в структуре и деятельности патриархатов? Прежде всего, мощный и во всех своих проявлениях очевидный пласт латинофобских настроений греческого православного духовенства и той части светской прослойки (по вероисповеданию — опять же православной), что уцелела в Константинополе после 1453 года, а в Египте и на Леванте уверенно занимала свою социальную нишу.

Во-вторых. Поддержанный преемниками Мехмеда II Фатиха именно Константинопольский патриархат в глазах Высокой Порты был действенным и управляемым противовесом как антиосмански настроенным учреждениям православия на Балканах (Охрид, Печ), так и простамбульским, но погрязшим в распрях патриархатам Арабского Востока.

Итак, важно отметить, что в основе отношения османского центра власти к Константинопольскому (Вселенскому) патриархату лежали сугубо политические потребности в механизмах управления.

Вместе с тем, такие мощные городские центры, как Константинополь, Дамаск или Каир, представляли собой социальные организации с мощной саморегулирующейся системой внутренних связей. Поквартальная — приход-община — замыкала на себя, помимо культовых, практически все административно-хозяйственные и культурные функции. В рамках прихода-общины постоянно проживало имущее, торгово-ремесленное податное население. То самое, что реально наполняло, через структуры прихода, налоговую сумку османского дефтердара и нуждалось в защите от чрезмерного притеснения местных пашей и беев. Заметим, что в списках регулярно выдворявшихся из Константинополя «беяров» — бобылей и бродяг — христианских имен, как правило, не было.

Следовательно, другая сторона парадигмы «султан — патриарх» — сугубо меркантильная.

Вселенская патриархия с преимущественным влиянием греков-фанариотов и близких к ним властных структур (драгоманат, господарства Дунайских княжеств, управления по делам иноверцев при ведомствах реис-эфенди и башдефтердара и др.) составила для Мехмеда II Фатиха и позднее регулярно обновляла реестры свобод и ограничений для реаятов — христианских подданных Высокой Порты.

Далее. Вселенская патриархия, признавшая власть османов и легитимизированная ими для всего Православного мира османских владений, вошла в систему ценностей, политических акций и хозяйственных правил

османов. Патриарх как ответственный за налоговые поступления в османскую казну с членов «румского миллета» оказался напрямую вовлечен в османскую налоговую систему.

Вселенская патриархия, как известно, не призывала к самоубийственному неповиновению османам (за редким исключением, например, в 1821 г.). И на нее, в отличие от патриархатов, например, Сербии или Леванта, распространялась (с перерывами по случаю вопиющих распрей в высшем клире) защитительная функция османского исламского государства. Исследователи признают, что гибкость, переходившая в лавирование и откровенное приспособленчество к нормам исламского права, сделала Вселенскую патриархию эталоном в глазах османского центра власти в XVI–XIX вв. Однако это породило жесточайшие распри между православными патриархатами, что, в конце концов, ослабило позиции православия перед натиском прозелитизма в XVIII – начале XX в.

Построив отношения с православными патриархатами на принципах капитуляций, Высокая Порта ожидала, что таковые же лягут в основу отношений Константинопольского (Вселенского) патриарха с христианскими общинами (миллетами) на перифериях. Это породило дополнительные осложнения в отношениях православных церквей с католиками, армянами и грегорианцами. Стимулировались острые конфликты, например, монахов монастыря Св. Екатерины с Иерусалимским патриархом Досифеем в 1690 г. или армяно-фанариотская борьба за Святые места в 30-е гг. XVIII в. Арбитром с удовлетворением, которое зафиксировано в официальных османских хрониках, выступала Высокая Порта.

Нет основания считать, что лоббирование то шейх уль-исламом, то некоторыми пашами-правителями интересов отдельных групп клириков при Синоде или Вселенском патриархе было проявлением терпимости центральной власти. «...Суть корысть, сребролюбие и нерадение в отношении Порты к православным на Востоке», — заметил уже в XIX в. Н. И. Березин, блестящий знаток Православного Востока.

Капитуляционный подход Порты к делам церковным стал меняться в эпоху Танзимата (акты о реформах 1839 и 1856 гг.). И то лишь потому, что церковь как административно-регулирующая подсистема утрачивала свои значение, а миллеты из этно-религиозных общин начали перерождаться в институты, адекватные социуму в стадии вестернизации. Обе стороны — султанская власть и православный патриархат — больше не вписывались в систему капитуляционных отношений.

Сами капитуляции в политике и экономике империи просуществовали вплоть до Первой мировой войны. Тот имперский институт, который первым втянулся в капитуляции, первым это позорное ярмо и сбросил. Это была Православная Церковь. В этом освобождении решающую роль сыграли:

— долгая борьба христиан за автокефальность православных церквей в Османской империи;

— мощный католический прозелитизм, связанный в 30–40-х гг. XIX в. с вовлечением имперских земель в мировые хозяйственные и культурные связи;

— политические, революционно-освободительные процессы на землях, населенных христианами;

— многочисленные изнурительные войны Османской империи с христианскими державами.

Закljučая краткий экскурс в отношения патриарха и султана, позволю себе конфликтологическое резюме.

Константинопольская патриархия, преимущественно греческая по составу иерархов и всей направленности деятельности, была своего рода метрополией, копией, подобием центра власти для православных церквей, имитируя османские центры власти в аналогичных структурах подчинения. Именно в качестве такого демпфер-фактора, компенсировавшего напряжение социальных подсистем, выступала несколько веков Константинопольская патриархия в системе связей Высокая Порта (султан как имперский центр власти) — христианские подданные.

Христианские подданные как иницилирующее начало и первый адресат османских реформ в XIX веке

Согласно распространенной точке зрения, реформаторский процесс в Османской империи и более ранние попытки реформ в XVIII в. были призваны обновить и укрепить систему военно-административных методов управления империей. Такого взгляда придерживались многие османисты¹⁰. Это, несомненно, так, но это лишь часть проблемы, если понимать, что реформы — не их формальное провозглашение властью «сверху», а претворение в жизнь — возможны только как диалог заинтересованных сторон.

Зададимся вопросом об объектах реформ с позиций социокультурного подхода к явлениям общественной жизни. Такой подход рассматривается нами как перспективный и наименее подверженный различным идеологическим искажениям.

Для начала отметим, что две эпохи: реформ «сверху» в Османской империи и активной фазы борьбы народов Балкан за освобождение «снизу» — совпадают по времени. Ожидание реформ, их предложение властью, реализация на местах составили суть того реформаторского диалога, в котором Высокая Порта и ее подданные в Европейской части Османской империи искали разрешения жизненно важных проблем.

Следует подчеркнуть, что центр власти — Высокая Порта в меру понимания остроты задач в делах внутренних преобразований и подготовленности османского общества в целом к реформам на современном уровне

¹⁰ Подробнее см.: Новичев А. Д. *История Турции*. Т. II. Гл. I. Л., 1963; Мейер М. С. *Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса*. Гл. 3. М., 1991; Шермет В. И. *Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты*. М.: АВИАР, 1994; Петросян Ю. А. *Османская империя. Могущество и гибель*. М.: Наука, 1990.

пыталась сохранить имперскую общность не только силовым путем, но и путем диалога с собственными подданными.

Другая проблема в налаживании реформаторского диалога состояла в том, что христианские подданные, проживавшие в Европейской Турции, своим последовательным стремлением к сохранению и приумножению социокультурного слоя с собственными духовными ценностями явились принципиальным, во многом иницирующим элементом в парадигме преобразований, предложенной османскому обществу Высокой Портой. Вспомним, что Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г., Стамбульский хатт-и хумаюн 1856 г. и серия более ранних и менее популярных и известных реформаторских документов имели конкретного этно-религиозного адресата — христианских подданных Высокой Порты. На румелийских (европейских) территориях противостояние экономически более развитой христианской периферии и исламского османского центра власти выглядело наиболее рельефно для современников и наиболее тревожно для Высокой Порты. Духовная же ориентация Балкан на освобождение и возрождение при устойчивом социокультурном слое давала больше перспектив на конструктивный, реформаторский диалог, чем во многих других частях империи.

Другой аспект проблемы состоял в том, что за века османского владычества на Балканах противостояние малочисленных турок-мусульман (в качестве феодалов и военно-административной силы подавления) христианам — земледельцам и ремесленникам — претерпело существенную трансформацию. Такое противостояние по этническому признаку было характерно только для XV — первой половины XVII в. К XIX в. мусульманское (но в основе — местное, а не турецкое) население увеличилось весьма значительно. Оценки Кемаля Карпата, А. Желязковой, В. Мутафчиевой, К. Джамбазовского дают картину мусульманского (подчеркиваю — только в конфессиональном смысле) преобладания: в Албании — до 70 %, в Косово — до 72 %, в Македонии — до 40 % и т. д.

Различны были мотивы и условия исламизации, разным было положение новообращенных в системе военной и государственной структуры Османской империи. Речь идет о том, что румелийские земли, населенные христианами и мусульманами, социокультурная общность которых, несмотря на религиозную разобщенность, не могла быть произвольно стерта, стали первым и до последней трети XIX в. *главным объектом* реформаторской деятельности османского центра власти.

Речь шла о сохранении османского господства в наиболее сложном для управления и взрывоопасном регионе империи. И процесс этот был

объективным и мог благоприятно разрешиться только путем диалога, выраженного в форме реформ.

Еще один аспект проблемы заключается в том, что *Балканы в значительной степени оставались цивилизационной контактной зоной между Востоком и Западом*. Это обстоятельство издавна понималось Высокой Портой и стимулировало отношение к румелийским землям как к плацдарму дальнейшей борьбы за расширение «мира ислама», достигнутого в период расцвета и могущества Дома Османов. Позднее, в XVIII–XIX вв., эти же земли воспринимались как передовые рубежи обороны исламских владений от вторжений России и Запада, а поэтому подлежали первоочередному укреплению через реформы, с учетом постепенно накапливаемого османами опыта «вестернизации».

Зададимся вопросом: какие османские земли были наиболее готовы к переменам западного образца? Иначе говоря, к евразийскому диалогу того времени? Ответ очевиден. Ибо устойчивость социокультурных ценностей вполне совместима с адаптацией воспринимаемых идеалов, если они адекватны базовым параметрам таковых ценностей. Балканы стали не только полем столкновений завоевателей и покоренных, но зоной диалога и освоения новых идеалов в процессе этого диалога.

Идея уравнивания мусульман и христиан перед лицом Османского Закона была выработана долгими годами приспособления, более или менее удачного, турецкого управления к румелийскому мультинациональному обществу¹¹.

Как известно, османский центр власти физически вобрал в себя многих представителей балканской аристократии (чего стоят знаменитые династии драгоманов Маврокордато, великих везиров Соколовичей). Поэтому активно используемые османами такие византийские институты, как *пронии* и *цехи*, как элементы горного права в их саксонском варианте не только органично легли в румелийской зоне евразийского диалога на османские нормы землевладения и организации городской жизни. Они создали реальную предпосылку того, что модернизаторские предписания султанов-реформаторов могли быть поняты правильно и реально воплощены в жизнь в первую очередь на Балканах. Причем почти без оппозиции, характерной для анатолийских турецко-османских территорий, где исламизм отрицал любую «франкскую» новацию — от багинета (штыка) до примитивных макарон.

¹¹ См.: Шеремет В. И. *Война и бизнес: Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время*. М.: Технологическая школа бизнеса – TBS, 1996.

Наконец, всемирно признанный авторитет в области балкано-османских штудий Омер Лютфи Баркан отмечал, что некоторые принципы хозяйственного регулирования, характерные для Балкан, легко вписывались в предлагаемые новации, причем далеко отходили от установлений ислама.

Автор бесконечно далек от того, чтобы считать, что реформы Танзимата пришли с Балкан как первоначально евразийского обмена «Высокая Porta — Запад». Однако турки-османы XVIII–XIX вв. в сфере управления и организации хозяйственной жизни чаще адаптировали воззрение и навыки покоренных народов, чем генерировали собственные новации, и наибольших успехов в этом они добились именно на Балканах.

Следовательно, существовал и благоприятный и необходимый объект реформаторских устремлений, и объективные условия их восприятия в том, что стало диалогом: требования — ответ на них в виде реформ. Христианский мир Османской империи первым испытал воздействие преобразований «сверху». Населенные христианами румелийские земли, авангардно придвинутые к территориям западноевропейских держав, стали аванпостами этих новаций, своего рода первыми собеседниками в цивилизационном диалоге.

С точки зрения исторической конфликтологии, именно на Балканах османский центр власти и христианская периферия стояли на «пороге взаимного страха», на первой фазе непримиримого конфликта. Стороны осознавали все элементы напряженности и противостояния в своих отношениях. Найти совместное решение путем диалога представлялось на первый взгляд невозможным. Факторами-помехами были: сохранявшая достаточный потенциал для подавления «внутреннего врага» османская армия, разобщенность балканских народов и их раздоры, слабое (или мало ощутимое до середины XVIII в.) иностранное воздействие на балкано-османское противостояние. Иначе говоря, «диалог» носил чрезмерно напряженный характер. Но он продолжался по османской инициативе. Балканы, христианские и исламизированные, стали первым объектом преобразовательных начинаний султанов и Высокой Порты. Причем эти тенденции отчетливо прослеживаются с начала XVIII в.

Османский центр власти оказался у «порога страха» и осознал значение евразийского диалога в итоге военных поражений в XVII–XVIII вв. Проблема охраны дальних рубежей империи воочию предстала перед османскими правящими кругами после сокрушительной для турок войны с государствами Священной Лиги 1684–1699 гг. Дмитрий Кантемир одним из первых на Балканах, а также посол России в Турции И. Неплюев и австрийский посол Тальман уловили тогда новую тенденцию в Высокой Порте. Надо остановить-

ся, оценить свои позиции в европейских владениях и затем укрепить именно здесь свою власть и вооруженные силы. Нужен был диалог!

Внешний фактор стал первым и главным побудительным мотивом османских преобразовательных инициатив. В начале XVIII в. их содержание было чисто военным. Однако важно отметить, что авторами первых проектов были европейцы. В 1710 г. это был поляк В. Понятовский (из окружения Карла XII, прибывший с ним в Стамбул); после 1725 г. — князь Ференц II Ракоци, а также анонимный выходец из Трансильвании, принявший ислам и получивший имя Ибрагим и прозвище «Мютеферрика», то есть «доверенный советник» при высочайшей особе. В 1732–1747 гг. реальное значение для Порты имели проекты австрийского наемника Александра Бонневалья, перешедшего на службу к туркам. Все они хорошо знали ситуацию на Балканах и активно поддерживали евразийские устремления своей новой родины в отношении реформ.

При всех различиях авторов проектов и самих проектов их отличали две главные особенности:

1. Приобщение христиан Европейской Турции к защите западных рубежей Османской империи.

2. Широкое использование христианских эмигрантов из Европы в военном деле. Речь шла о французских гугенотах (1717 г., проект Рошфора), об отрядах из венгров и поляков (проект Ференца II Ракоци), о создании подразделений из румелийских христиан (Александр Шкарлат и Николай Маврокордато).

Довольно широкому распространению представленных христианскими советниками проектов сопутствовало усвоение в первой трети XVIII в. среди верхов османского общества моды на европейский стиль в архитектуре и культуре парков или цветников, в быту (одежда, часы, оружие, экипажи, книги и так далее), отчасти в манере поведения. Все то, что стало именоваться стилем «аляфранга» и «эпохой тюльпанов», было проявлением, пусть внешним, стремления к диалогу культур.

Однако и военные проекты, исходившие от христиан, и отдельные элементы образа жизни затрагивали узкий слой стамбульской правящей элиты и отражали не осознание необходимости слияния «исламского духа» и османского строя с христианским миропониманием, а стремление освоить быстрее (и приятнее) опыт христианского Запада ради удержания имперских рубежей. Широкое распространение имела идея о Великом правителе по примеру Петра I, сумевшего привлечь на службу иностранцев и иностранные нововведения во имя возвышения России.

После смерти виднейших представителей христианских модернизаторских инициатив Ибрагима Мютеферрики и Александра Бонневая, т. е. с конца 1740-х и до конца 1780-х гг. наступил период отторжения преобразовательных начинаний на европейский манер. Своего рода пауза в диалоге во внешней политике совпала с курсом на поиски выгодного партнера среди христианских держав (например, Фридриха II Великого) при уклонении от реализации обязывающих союзнических отношений. Итоги этого курса были тяжелы для Османской империи в целом и безмерны — для румелийских земель, где разворачивались ширококомасштабные и многолетние военные действия с Австрией и Россией. Одновременно к концу XVIII в. возросли все виды дискриминации христианских подданных Высокой Порты.

Однако уже к середине 1790-х гг. намечился новый этап османских реформаторских начинаний, и соответственно менялась роль христианского фактора в них. Евразийский диалог означал выход из тупика.

Ужесточение режима конфессиональной и социальной структур вызвало двоякую реакцию румелийских немусульман. С одной стороны, это была новая волна добровольной исламизации в группах состоятельных горожан и землепользователей, а с другой — подлинная борьба, исполненная драматизма и еще не получившая должного освещения в литературе, за получение османского *берата* (грамоты) на право пользоваться иммунитетами иностранного подданного на имперских землях. Эти два способа ненасильственного сопротивления османскому центру сопутствовали активному поиску решений со стороны Порты и в известной степени стимулировали его.

В новых условиях, на рубеже XVIII–XIX вв., как новый этап диалога появилась и новая серия реформ. Ее отличие от проектов начала XVIII в. состояло, во-первых, в беспощадной констатации прогрессирующего военного упадка Османской империи; во-вторых, в поиске выхода через военное обновление, но собственными силами Османской империи; и, наконец, в том, что все проекты исходили от турок-мусульман, как правило, «мужей меча». Инициативу в диалоге взяли в свои руки турки-османы.

Более двадцати дошедших до нас *ляйиха* — докладных записок представителей военно-административной элиты Селиму III и *сефарет-наме* — отчетов о посольствах в западные страны содержали не только общие картины упадка, но и конкретные предложения реставрации аппарата управления и обновления армии с учетом реального европейского опыта.

Подавляющая часть этих сочинений была написана на турецком языке и предназначалась непосредственно для Селима III, который, собственно,

и потребовал от своих сановников правдивой картины положения дел в государстве.

Диалог становился более предметным. При этом его суть и состав участников расширялись.

Проблема превращения в современное государство, или, по терминологии турецких авторов — «европеизации» овладевала умами правящих кругов Османской империи постепенно. При этом понимание отрыва от европейского военного дела и промышленного развития пришло раньше, чем понимание причин застойности османского общества.

Происходившее на протяжении всего XVIII в. накопление знаний, весьма отрывочных и разобщенных, о военной и политической жизни Европы, которые привозили чрезвычайные турецкие посольства к европейским дворам, сочеталось с многовековыми убеждениями в незыблемости шариатских социальных морально-правовых норм, их качественном отличии и превосходстве над политикой и моралью «франков». Так, отчеты видного государственного деятеля Турции Ахмеда Ресми-эфенди (ум. в 1783 г.) о его посольских миссиях в Европу в 1740-х – 1750-х гг. и памфлеты о положении в стране содержали разбор внутренних причин слабости Османского государства по сравнению с западными державами и среди них войн, влекущих за собой, по мнению Ресми-эфенди, не столько выгоды, сколько бедствия для всего османского населения. В его сочинениях прозвучали призывы к проведению мирной политики, соответствующей «шариату и разуму»¹².

Предназначенные для турецкого читателя труды Ресми-эфенди содержали рекомендации усваивать все лучшее в организации военного дела Западной Европы и России эпохи Петра, но в рамках исправленного новым управлением османского государственного строя. Причем только в таком виде европейские новации наилучшим образом соответствовали бы интересам османов и международному престижу империи.

На рубеже XVIII и XIX вв. с «Обзором новых военных установлений в Османской империи» и «Диатрибой о современном военном искусстве и инженерном деле» выступили активные участники реформ Селима III, видные государственные деятели Махмуд Раиф-эфенди и Сеид Мустафа-эфенди. К этим, впервые предназначенным не только для турок, но именно для западноевропейского и балканского читателя, опубликованным

¹² В русском переводе еще с 1780-х гг. известна книга Ресми-эфенди «Суть достопримечательного», изданная в Константинополе только в 1890 г. См. подробнее: Сенковский О. И. (Барон Брамбеус). *Собрание сочинений*. СПб., 1869. Т. 6. Сенковский пользовался турецким рукописным списком памфлета.

по-французски обзорам примыкает и изданное в переводе с турецкого «Разъяснение о введении низам-и джедид» Челеби Мустафы-бея, одного из ближайших сподвижников Селима III в деле реорганизации армии.

Подробно рассматривая те или иные стороны военных реформ и военного производства, сообщая о нововведениях в области просвещения, авторы подчеркивали важность сохранения славных боевых и культурных традиций османского прошлого. Подчеркивали, что реформированная, усвоившая лучшие военные достижения Запада, но только некоторые государственно-правовые нормы (например, конституционную монархию, по мнению Махмуда Раифа-эфенди) Османская империя вновь станет одной из ведущих держав мира. Готовность учиться современному военному делу соседствовала с гордостью за принадлежность к народам Востока, некогда бывшим «очагам и просвещения» для западного человека.

Большей остротой критики недостатков в системе управления, в финансах и в армии были проникнуты другие документы. Это были докладные — лийиха Селиму III от великого везира Коджи Юсуф-паши, от румелийского казаскера, а также от века-и нювиса Татарджика Абдуллы-эфенди, известные нам по «Истории» Ахмеда Джевдета (1790-е гг.). Все они могут пониматься как очередные страницы того напряженного диалога, который вела Османская империя с Западным миром.

Смысл и значение этой группы записок в том, что они обосновывали введение европеизированной армии и соответствующих служб потребностями укрепления единства страны (в понимании османов), требовали использовать реформированную армию против произвола местных властей и против янычарской вольницы.

Особую тревогу у составителей этой группы записок вызвали рост освободительного движения на Балканах и поражения Турции в войнах с Россией в 1768–1774 и 1789–1791 гг. В отличие от современных ему официальных историографов, да и ряда последующих турецких историков, века-и нювис Татарджик Абдулла-эфенди основную причину восстаний христианской реайи увидел в усилении «сверх меры и обычая» гнета и притеснений, чинимых пашами и янычарскими ага — командирами. Новая система управления, построенная на дисциплине в армии и среди представителей органов власти на местах, помогла бы избежать как новых восстаний, так и вооруженного вмешательства России¹³. Это был серьезный прорыв в новом направлении взглядов османской элиты.

¹³ См.: Шеремет В. И. Некоторые вопросы сербского освободительного движения начала XIX века в турецкой историографии. *Југословенске земље и Русија за време Првог српског*

Отношение к реформам, к их глубине и широте охвата явилось в конечном итоге наиболее ясным отражением бесконечных споров и осложнений в общественно-политической жизни страны на рубеже XVIII и XIX вв. В работах русских, турецких, европейских авторов раскрыты основные этапы и содержание реформаторской деятельности Селима III и Махмуда II, нацеленной на восстановление военного потенциала Османской империи и укрепление центральной, абсолютной власти. Поэтому нет надобности повторяться.

Для нашей темы важно подчеркнуть, что в основу всех реформ 1792–1806 гг. было положено укрепление тимариотского, военно-ленного землевладения. Развивая известное постановление от 1777 г. о строгом несении военной службы как условия держания тимаров и зеаметов, Селим III издал в 1792 г. «новый закон», по которому все ленники-тимариоты старше 15 лет объявлялись не только военнообязанными, но и должны были выполнять все повинности по содержанию определенного числа воинов-латников на доход от своих ленов. В противном случае держания изымались и подлежали перераспределению, фактически — продаже в пользу короны.

Поскольку в ряде пашалыков, особенно в Европейской Турции, разложение сипахийского ленного землепользования зашло достаточно далеко и многие сипахи либо утратили лены, либо превращали их в собственность, а Селим III вполне осознавал этот процесс, то в «новом законе» предусматривалась возможность выкупа у государства прав на тимар / зеамет и освобождение тем самым и от обязанности нести службу в армии.

Средства от этих операций, имевших весьма мало общего с военно-ленным османским строем, поскольку само государство — собственник земли предпринимало операции с землей как с товаром, поступали в контролировавшуюся лично Селимом III «казну новых доходов» для субсидирования реформ.

На первый взгляд, эти акты далеки от евразийского диалога, о котором идет речь в статье. Однако — нет. Практика реформ подкрепляла общие суждения о диалоге с Западом.

Впрочем, противоречий было много. Так, декларация о сохранении ленов расходилась с практикой. Серьезный шаг к ликвидации самого тимариотского землепользования был сделан вопреки этим заявлениям. Однако проведение в жизнь «нового закона» встретило бешеное сопротивление местных сипахи, вообще держателей ленов всех уровней дохо-

устанка 1804–1813. Београд, 1984; Мейер М. С. Предисловие к русскому изданию книги: Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи* / Пер. с англ. М.: Крон-пресс, 1999; Шеремет В. И. Становление Османской империи. *Новая и новейшая история*. 2001. № 1.

да. Не было реальной военной силы и достаточно обученного аппарата для составления кадастра земель и проведения в жизнь суровых угроз в адрес непокорных феодалов. Главное же состояло в том, что охваченные острой борьбой за перераспределение власти при султানে-реформаторе *эхл-и орф*, то есть правительственные круги, фактически не контролировали проведение в жизнь обнародованных мероприятий, на деле срывали цивилизационный диалог центра власти с периферией.

Необходимость воевать с наполеоновской интервенцией в Египте в 1798 г., затем изнурительная война, предпринятая в 1806–1812 гг. против России, заставляли Порту прибегать вновь и вновь к военной силе сипахи-ев. Фактически независимые местные правители и феодалы повсеместно уклонялись от выполнения султанских хаттов, пользовались военной обстановкой для возвращения бежавших крестьян и усиления *ангарьи* — барщины. Несколько хатт-и шерифов Махмуда II (в частности, 1816, 1818, 1828 гг.) о запрете ангарьи в Румелии не выполнялись. Реакция населения была очевидна. Диалог власти и подданных снова сбивался, терпел урон.

Тем не менее, надо признать, что будущие реформы 1839–1876 гг. были подготовлены еще в конце XVIII в. Исключительно важную роль в этом сыграли именно реформы в армии, обдуманные в диалогах середины XVIII в. Османская армия в период правления Мустафы III (1757–1774) и Абдул Хамида I (1774–1789) представляла собой аморфную, почти неуправляемую массу, разбивавшуюся о дисциплину и выучку европейских армий и едва справлявшуюся с внутренними карательными функциями. С эпохи Селима III именно в военном деле обозначились очевидные для всех «собеседников по диалогу» результаты.

Правда, процесс замены феодального ополчения регулярной армией, набираемой на системной основе воинской повинности, так же, как и ликвидация основы сипахийского войска — тимариотского землевладения, растянулся более, чем на треть века, но начало было положено и очередная страница диалога цивилизаций перевернута.

Решительное уничтожение летом 1826 г. янычарского корпуса и близких им феодальных формирований, а также воинственных дервишей ордена «бекташи», бывших в первых рядах ниспровергателей всех «гяурских» новшеств Селима III и Махмуда II, проводились силами новых регулярных войск и, видимо, впервые — при участии вооруженного для расправы с янычарами населения Константинополя. Это было трудным, но необходимым шагом.

Создание и укрепление «нового победоносного войска» на принципах, заложенных в 1790-х гг. Селимом III, продолжалось в 1820–1830-х гг.

Махмудом II с большей последовательностью и успехом. Одновременно ликвидировалась экономическая основа сипахийского ополчения — ленное землевладение.

Удаче реформ Махмуда II содействовали в куда большей степени представители мусульманских богословских кругов — улемы и шариатские судьи — *кади*, обычно турки по национальности, настроенные против *эли-орф*, «людей престола», нередко нетурецкой национальности; против военно-бюрократической верхушки, включая янычарских ага — командиров: последние были виновны, по мнению как шейх уль-ислама, так и султана, в нарушении принципов ислама, уклонении от защиты османских земель, попустительстве врагам престола, провоцировании восстаний в христианских провинциях и т. д. Объяснения такого рода, выдвинутые в труде современника — официального историографа Порты в середине 1820-х гг. Шейх-заде Эсад-эфенди, неоднократно повторялись затем в трудах турецких историков османской эпохи (А. Лютфи-эфенди и А. Джевдет-паша). Встречаются они и в новейших исследованиях турецких авторов 1980-х – 1990-х гг. Диалог давался не просто, и освоение реформаторского процесса было сложным.

Это вполне соответствует данным, полученным исследователями из архивных и иных документальных источников. Вместе с тем надо уточнить следующее. Успехи войны сербов (1804–1815 гг.), завоевавших автономию, и греков, добившихся независимости (1821–1830), отражали общую тенденцию социокультурного, затем и государственно-политического развития Балкан.

Но при этом существенно улучшился климат для восприятия реформ в самой Турции, в ее этно-конфессиональном малоазиатском ядре.

Крайне медленно, но начало укрепляться национальное самосознание этноса, поставленного центром власти в разрушительную для социокультурного слоя ситуацию «этноса-повелителя». Диалог — путь в две стороны. И османский центр власти его прошел.

Христианский адресат первоначальных реформ, как участник диалога, далее развивался по своим собственным законам. Открывались перспективы не «господство — подчинение», а вполне определенного и выгодного сотрудничества. Впрочем, на этом пути вектор приращения социокультурных ценностей как балканских народов, так и турецкого народа был уже необратим.

Евразийский диалог не смог уберечь Османскую империю, но заложил основы Турецкой республики.

О Парижском мире 1856 года

В марте 2006 г. исполняется 150 лет одному из самых бесспорных, как казалось десятками лет, и, возможно, одному из наименее понимаемых мирных договоров России с внешним миром. Еще современники в 1850-х – 1860-х гг. расценили Парижский мирный трактат от 18 (30) марта 1856 г., завершивший Крымскую (Восточную) войну, однозначно как сокрушительное поражение России.

Правда, «западники» усматривали тому одну серию причин, славянофилы — другую.

Политическая эмиграция в лице А. И. Герцена из сытого и обеспеченного, далекого от действительных российских нужд и тревог Лондона укоряла, не скрывая злорадства, — предупреждали, мол! Вот и получите позорный мир! Чернышевский уже точил топор и даже спустя пять-семь лет все сокрушался, что война «не нанесла России удара слишком тяжелого».

Н. А. Добролюбов и еще кое-кто из круга светлых умов Отечества поучали, что каждый «...любящий Россию должен непременно желать, чтобы нас почаще били». Что и говорить о суетной толпе публицистов, журналистов, энергических толкователей событий в европейской прессе и скороспелых брошюрах на тему дня. Все вдруг увидели то, что хотелось — ниспровержение российского колосса.

Серия действительно фатальных военных неудач России начала XX в. и социальные катаклизмы, завершившиеся крахом российской государственности в 1917 г., сделали проблему всей войны 1853–1856 гг. и Парижского мирного конгресса удобной и приятной для новых властей в России 1920-х – 1980-х гг. Прекрасный повод для разоблачительства и всякого поругания!

Оставим сейчас в стороне политическую подоплеку изнурительно-го для истории и публики бичевания пороков самодержавной России и Парижского мира как самого порочного в русской дипломатии. Любимец

нескольких режимов (Е. В. Тарле), самозабвенно тому предававшийся, уже давно в иных мирах. Полемика возможна не с лицом, а касательно фактов и значения Парижского мира.

Россия *согласилась* на мирные переговоры в Париже. Война с державами не стала Отечественной войной с последствиями негативно предсказуемыми.

Мирный договор, подписанный в Париже, действительно знаменовал военное поражение феодальной монархии — России от союза промышленного капитализма и его резервной зоны — исламского Османского государства, шедшего по пути реформ *быстрее*, чем Россия. Заметим, что Парижский мир все же явил новую эпоху — вскоре в России было отменено крепостное рабство и началась промышленная (и военная) перестройка.

Проворовавшиеся «паркетные генералы» в миг Парижского соглашения утратили смысл и назначение. Голодная и полураздетая русская армия (когда же будет сыт русский солдат?) ушла из Крыма. Но мир запомнил, как русские инвалиды защищали Аландские острова, а монахи, крестьяне и охотники отбросили десанты союзников на Русском Севере и в Приморье.

Гением и трудолюбием военного реформатора Д. А. Милютина, новой плеяды гражданских и военных чинов пошел ускоряться процесс освобождения и обновления.

Соседнему государству — Турции — мир 1856 г. дал мощный толчок к либерализации, завершившейся установлением ограниченной монархии в стране азиатского деспотизма.

Западному миру Парижский мир 1856 г. ясно показал, что вооруженным путем Россию сломать невозможно. Понудить к пересмотру позиций — да, к гибким (или не очень) союзам — да. Поставить на колени — нет.

На Северную сторону Севастополя ушли русские — Непобежденные. В Париже русские заключили мирный договор, который, возможно, сохранял европейское равновесие наиболее щадящим способом. Кровавых революционных событий по типу 1848 г. не последовало, а ведь и это могло бы иметь место, продлилась война на 1856–1858 гг., как планировали в военных и финансовых кругах Лондона.

Так что же дало Европе согласие России на Парижские мирные переговоры? Европа и вовлеченный с нею в обмен Восток (Турция, Индия, Китай, Иран) отделались жестоким политическим кризисом 1857–1858 гг., локальными национально-революционными бурями. И не более.

Парижский мир в определенной мере обеспечил индустриальную революцию западных держав. Россия «прикрыла» неустойчивый социальный мир в странах-победительницах широко разлившимся в общественном сознании Европы удовлетворением от того, что «жандарм Европы» стоит на коленях, а его большая дубинка — Черноморский флот — покоится на дне бухты в разгромленном Севастополе.

В первую очередь это было важно для Франции и Англии, которые за счет Крымской (Восточной) войны скомпенсировали последствия очередного, после 1847 г., экономического и социального кризиса. Режим победителей — в Париже и Лондоне — на гребне раздутых прессой успехов союзников и победной эйфории в обществе завершил второй и окончательный этап промышленного переворота.

Наполеон III получил 15 лет (до 1870 г.) общественных восторгов: ну как же, победитель, покоритель Севастополя, отомстивший русским за Бородино.

В Лондоне избежали, несмотря на жесточайший кризис 1857 г., революционной бойни на манер революций 1848 г. на континенте.

Горделивая Сардиния и пока еще осторожничавшая Пруссия устремились по пути объединения Италии и Германии как доказавшие свое право на гегемонию регионального уровня победой над русским колосом (Сардиния) или сочувствием к державам-воительницам (Пруссия). Не забудем также, что перегретый котел национального движения в Индии рванул сипайским взрывом там, на Индостане. Не на многонациональных и мультирелигиозных просторах Крыма и Кавказа, куда Лондон готовился перебросить сипаев.

Прекрасно вооруженный Ротшильдами и Монтефиоре еврейский экспедиционный корпус не вышел из-под Яффы на Одессу, не взорвал зыбкое социальное равновесие на Украине и в Польше своим походом через Юг России, предполагавшимся на 1856–1857 гг.

Что же касается итогов войны 1853–1856 гг. для судеб балканского и ближневосточного (восточно-христианского) православия, то надо признать, что они до сих пор не подведены. Ни политиками, ни историками. Толком никто еще не рассматривал весь процесс крупных подвижек в пользу русского влияния на христианском Востоке, включая и Сиро-Палестинский регион, и балкано-христианскую зону.

Само парижское сидение закончилось для России военно-ограничительными, а не деструктивно-политическими статьями. В его ходе были отработаны, при сотрудничестве турецкой стороны и при консультациях

с лучшими знатоками Православного Востока (К. М. Базили и его круг), предпосылки совместного исламско-христианского движения к модернизации, к реформаторству. В рамках сложившейся государственности, но с очевидной тенденцией к инициативной роли христианского реформаторского начала в многонациональной ближневосточной среде.

Позднее, в 1870-х гг. Россия утратила завоеванные русской кровью позиции инициатора перспективных преобразований для христиан и мусульман. Впрочем, это — другая песня. Не забудем, однако, что Парижский мир открыл яркие страницы деятельности духовных православных миссий на Сиро-Палестинском Леванте.

И совсем «мелочь»: вскоре после Парижского мира по всей России при всех церквях появились кружечки для пожертвований. С надписью «На улучшение была православных паломников в Палестине».

И мирная, христианская Россия шла к Святым Местам.

Припадала к исконным своим Ценностям.

И была уважаема за не показное, а истинное благочестие.

Миром ислама в первую очередь.

Проблема «свой — чужой» глазами христианского Запада и мусульманского Востока Эволюция во времени и пространстве¹⁴

Предлагаемый материал носит отнюдь не востоковедно-исторический и уж совсем не политологический характер. Несмотря на и вопреки очевидной остроте восприятия носителями цивилизационных типов современного мира ситуаций вокруг «исламской проблемы». Наличие различных цивилизационных типов поведения, равно как и моделей развития, выявляет с нарастающей жесткостью процесс глобализации.

Авторы дистанцируются от расхожих до банальности суждений относительно столкновения цивилизаций, заполнивших прессу и часть научных (опять же политологических в основном) трудов.

Мы постулируем ниже ряд имагологических парадигм и апеллируем к определенной культурологической подготовленности наших читателей. При этом мы опираемся в своих частных методиках на следующие представления, которые лежат в основе данной работы и ряда других материалов — как опубликованных, так и прозвучавших во время мастер-класса, состоявшегося в рамках Учебно-научной академии «Россия, Европа и ислам: концепции ‘своего’ и ‘чужого’».

Во-первых, это понимание того, что верифицируемость данных и корректность выводов есть необходимейшее условие при исследовании полей взаимодействия таких разновекторных цивилизаций, как христианство и ислам, либо их крупных репрезентативных групп на примерах России и Европы.

¹⁴ Статья написана в соавторстве с Л. В. Зелениной. — *Прим. Ред.*

Во-вторых, мы исходим из того, что несобытийное структурирование исторических процессов и явлений, присущих взаимодействующим цивилизациям, в данном случае христианской (атлантический подтип) и исламской (переднеазиатский подтип), позволяет корректнее выявить пространственно-временные параметры таковых взаимодействий.

Наша проблематика так или иначе корреспондируется с цивилизациями, по крайней мере на уровне понятийного аппарата.

Существует достаточно много определений того, что же называется «цивилизацией». Мы опираемся на свое, апробированное в российской образовательной сфере (1998–2006 гг.):

«Цивилизацией может быть названа устойчивая развивающаяся общность людей, достигших определенного уровня материального и духовного развития, позволяющего структурировать свои представления о пространстве и времени, и овладевших способами получения (извлечения), накопления и передачи информации» (1998).

В условиях современной Европы и обострения отношений с миром ислама по ряду параметров, вероятно, было бы корректно говорить о различных *культурах*, их взаимодействии и столкновениях в пространстве и во времени.

При этом в данном контексте *«культура»* понимается как совокупность идей, которыми живет какая-нибудь определенная группа людей, а также то, как эти идеи проявляются в их представлениях, повседневной жизни, поступках и изделиях.

Само слово *«ислам»* восходит к староарабскому корневому «силм», что имеет многозначное содержание, адекватное тому восприятию, на которое в первую очередь настроено лицо, данный термин употребляющее. Это и «мир» (*салам!*), и «предание» (о событиях), «перемирие», но так же и — «спокойствие, покой».

В наши дни в мире европейских мусульман (крайне условный термин) чаще всего встречается толкование *«ислам»* как «предание себя Всевышнему». Оно наиболее распространено как в мусульманской (буквально — «уверовавший») части человечества, так и в его неисламизированной части.

Исламский мир исходит из понимания единобожия (*таухид*), законченности и окончательности Бытия, дарованного Им. Причем надлежит принимать во внимание следующее обстоятельство, которое долго не учитывалось христианским миром, что много хуже — игнорировалось учеными, политиками, просто верующими немусульманских конфессий.

Последний Пророк человеческой истории по имени Мухаммад является проявлением милости Всевышнего ко всем без исключения предметам, явлениям и существам Земли, ибо являются таковые в мир по Его воле. Мухаммад воспринимается в исламе как «Печать», т. е. «запечатывающий все откровения Бога», завершающий цепь пророков. Первым был Адам, за ним последовали: Идрис, Ной (в исламской традиции — Нух), Худ, Салих, Лот, Авраам (Ибрахим), Исмаил, Исаак (Исхак), Иаков (Якуб), Иосиф (Йусуф), Иов (Айюб), Моисей (Муса), Аарон (Харун), Давид (Дауд), Соломон (Сулейман), Иона (Юнус), Илия (Ильяс), Зулькифл, Закария, Хызр, Иоанн (Яхья) и Иисус (Гайса, или Иса).

Как мы видим, подавляющее большинство из этой плеяды пророков коранических совпадает с пророками библейскими. То есть все они — авраамические пророки.

Мухаммад — последний. Печать пророков. О нем сказано в Коране:

«Мы послали тебя как милость ко всем мирам. Ко всему сущему; живому — не живому, людям — джинам [духам], одушевленному и неодушевленному...» Сура «Энбия», 21 (107).

Отсутствие противопоставления Мухаммада другим пророкам не есть отрицание инаковости. Осознание себя «иным», «иными» пришло, как мы считаем, после Посещения Мухаммадом Всевышнего и обретения им особых свойств.

При этом Человек в божественном понимании есть венец Его же собственных творений, венец всего сущего. «Мы сделали человека достойным почтения», — говорится в суре «Исра», 17 (70). Это следует понимать, и именно так это трактуется современным исламским богословием (улемами), что жизнь, достоинство личности и имущество любого человека, в том числе и немусульманина, неприкосновенны. В такой трактовке не усматривается идея «чуждого», но лишь «чужого», которого следует просветить и увлечь в ряды «уверовавших».

Провозглашение справедливости, или *адалет-и махза*, закреплено в Священном Коране, тогда как лишение жизни даже одного невинного человека — настолько же тяжкое преступление, насколько тяжко убийство всех людей на Земле. Попраание прав одной личности недопустимо, даже если это может рассматриваться с точки зрения интересов всего общества. Идея «чужого» в этом контексте вообще, на наш взгляд, отсутствует.

Мы привели лишь пару примеров тех расхождений в понимании ценностных посылок, с которыми в эпоху Средневековья (начиная с VIII–IX вв.) столкнулась Европа, утратившая к тому времени многие черты

римской цивилизации и только вырабатывавшая новые подходы к месту и роли личности в молодом христианском сообществе разноплеменных этносов.

Ислам сложился как цельное учение в VII в. на юго-западе Аравийского полуострова. Естественная череда веками сменявших друг друга относительно структурированных протогосударственных образований, наличие многовековых устойчивых религиозных общин, например, иудеев и ранних христиан, предопределили, наряду с причинами экономическими (торгово-денежными и транспортно-коммуникационными), преемственность и завершенность (в представлении мусульман) ислама.

Мухаммад осознавал как себя лицо, *завершившее* череду основных библейских пророков — Авраама, Моисея и Иисуса Христа, которые наиболее уважаемы в исламском мировосприятии. Понятие авраамической религии, по крайней мере для образованного мусульманина, в теории допустимо и вполне приемлемо. На обыденном уровне — встречает отторжение и непонимание.

Пророчества Мухаммада раннего этапа ислама (с 610 г. и до смерти в 632 г.) позитивно (как правило) и с адекватным пониманием сути воспринимались его современниками — иудеями и христианами — по простой причине. Понятие «чуждости» в это время вообще не просматривалось.

Пророк, живой человек из мирян, доходчиво убеждал, что видит свою миссию в повторении, уточнении, в письменном запечатлении и очищении до завершенности постулатов своих предтеч — библейских пророков. Идея «законченности» предназначалась прежде всего для мусульман — сподвижников Мухаммада, но также понималась и — в какой-то мере (в части мессианского, постоянно ожидаемого появления некоей личности-мессии) — разделялась местными иудейскими и христианскими общинами. В определенной части мусульман и в начале XXI в. сохраняется уверенность в том, что их взгляды примут и *разделят* те христианские общества в Западной Европе, куда они приехали на работу. Заблуждение, но этому искреннему непониманию: как это можно не разделять идеи Мухаммада, — многие сотни лет.

Преследования со стороны арабов-соплеменников как «своих», но обретших инаковость, вызвали *хиджру* — переселение в 622 г. от Рождества Христова сподвижников Мухаммада из Мекки в Медину. Идея «законченности» и совершенства, «запечатанности» нового учения не могла не вызвать нарастания отчужденности среди этнически и культурно близких, но религиозно далеких этносов.

На первое место выходили два фактора. Во-первых, желание обособиться от соседствующих племен — исповедующих иудаизм кланов в Медине и дальше от нее, от враждебных монотеизму Мухаммада по меркантильным больше, чем по каким-либо другим соображениям соседей (как арабов, так и неарабов). Во-вторых, безусловная заинтересованность ряда вождей — соседей нового пророка в прагматической ценности очередного провозглашения (сколько их было в том плотно населенном обитаемом мире!). Эти факторы определили два характерных и, на наш взгляд, самых устойчивых признака организации исламского сообщества. Эта устойчивость объясняется социокультурными константами исламского общества.

Мы говорим — два, считая их важнейшими (и сохраняющимися в XXI в. во всей полноте) во взаимоотношениях с немусульманским миром.

Во-первых, это идея *уммы*, т. е. особого и вполне завершенного в социальном, идеологическом и политическом отношении сообщества.

Во-вторых — идея деления обитаемого мира на неравновесные части: «земля ислама» и «земля остального мира». Отношения между ними формируются социальным и политическим договором, который предлагается и формулируется именно исламской стороной. И только *добровольно*! Тогда соблюдение такого договора *обязательно* и свято для исламской уммы и ее руководителей. Вот почему решения европейских властей о тех или иных сторонах жизни и даже внешнего вида (хиджаб) могут быть расценены как неприемлемые.

Пророчества Мухаммада в 610–632 гг., хадисы — предания о его жизни, а также деяния преемников — *халифов* сформировали понимание «уверовавших» и «окружавших» Мухаммада людей (т. е. мусульман и немусульман), но остающегося и поныне базового восприятия ислама как *особой формы совокупной человеческой жизнедеятельности*, обладающей рядом абсолютных общих черт и лишь некоторыми регионально-культурными особенностями.

К первым относится *шариат* как единственный источник прав, обязанностей и норм поведения мусульманина в умме и вне ее. За 1400 лет шариат стал своего рода формой сакрализации житейских данностей мусульманина, где бы он ни жил — от Сингапура до Гамбурга и Хьюстона.

В то же время нельзя игнорировать культурно обусловленную специфику того или иного регионального варианта исламской цивилизации. Страны Магриба, Турция, Ближний и Средний Восток, мусульманские страны «теплых морей» — эти и другие области исламского мира имеют

свои особенности; каждая из них по-своему переживает столкновение с европейской культурой. Все же культурологи-мусульмане, изучающие свою традицию «изнутри» (среди наиболее глубоких мыслителей я бы назвал достопочтенного Фетхуллага Гюлена), выделяют некоторые моменты, общие для всей мировой уммы — общины правоверных.

Принципом, определяющим отношение мусульман к материальному благополучию и преуспеянию, является представление о том, что Аллах спасает верующего от *любых* земных невзгод и несчастий. Он дает жизнь и отнимает ее по своему произволению и может вновь возвратить человека к жизни.

К оценке качества жизни верующий мусульманин подходит через различение праведности и греха. Можно это сформулировать следующим образом: качество жизни в исламском понимании есть прежде всего избежание греха любого вида. По исламской концепции, существует грех личный, т. е. в отношении себя самого, грех перед Аллахом, грех в отношении всего человечества, грех перед конкретными людьми, наконец, грех перед своей общиной — *джамаатом*.

Стержневой момент исламского мировоззрения — значимость и ценность *каждой человеческой жизни*, дарованной Аллахом. Но, в отличие от «иудейско-христианского материализма» (по выражению мусульманских теоретиков), всячески подчеркиваемого, но не изучаемого в его культурной составляющей, ислам провозглашает, что долгая жизнь сама по себе не является ценностью, к которой нужно стремиться любыми путями. Гораздо важнее не совершать несправедливостей и помнить о том, что Всевидящий Аллах не оставит дурные деяния безнаказанными. Подчеркивается важность и необходимость веры в Аллаха, без которой долгая земная жизнь (какого бы то ни было уровня обеспеченности!) теряет свой смысл.

«Доля блаженства в будущей жизни» превосходит все обманчивые наслаждения жизни здешней: «Желание наслаждений в ближайшей жизни приводит к отклонению от веры в Аллаха и распутству» (сура «аль-Бакара», 212). Широко обсуждаемое на Западе совершенствование качества жизни ислам XXI в. осознает и воспринимает в понятиях многовековой давности.

Что же означает — в исламском понимании — бороться за улучшение качества жизни? Ответ будет очень простым. Это значит — стараться обогнать друг друга в добрых делах. «Старайтесь обогнать друг друга в добрых делах, и Аллах воздаст вам за это. Где бы вы ни были, Аллах

соберет вас всех в День воскресения. Поистине, Аллах над всякой вещьюмошен — над смертью и над воскресением» («аль-Бакара», 148).

Важнейшим качественным параметром является активная жизненная позиция. Созидательная деятельность приветствуется как всей традицией тысячелетней мусульманской мысли, так и современными богословами. Однако ее нацеленность определяется не идеями и целями современного информационного общества, а культурной традицией, которую стараются сохранить в неизменности почти полторы тысячи лет.

В Священном Коране признается, что человек заинтересован в земном благополучии и процветании, а также в чувственных наслаждениях: «Люди испытывают страстную привязанность к женщинам, к детям, к большому количеству золота и серебра, к породистым коням, к скоту, к плодородной земле и посевам. Но все это — только для пользования и удовольствия в ближайшей, а не Вечной жизни. И ничто не сравнится с милостью Аллаха, который в будущей жизни воздаст тем, кто усердствует на его пути» (сура «аль-Имран», 14).

Таким образом, Священный Коран совершенно четко обозначает качественные параметры земной жизни человека, среди которых не последнее место занимает плотская любовь. Ислам подчеркивает важность и значимость отношений полов. Причем, согласно шариату, соитию должны обязательно предшествовать любовные игры — ведь они возвышают душу, а без душевного контакта нет подлинного сближения, соединения мужчины и женщины. А плодом сексуальных отношений обязательно должны быть дети...

Фактический отказ Запада от «плодов сексуальной революции» 1960-х — 1970-х гг. воспринимается в умме не как возрождение и развитие культурных традиций христианского общества, а как торжество взглядов ислама. Вряд ли здесь существует понимание... При этом осуждается предпочтение благ здешней жизни вечному загробному блаженству: «Ведь они (о Мухаммад!) предпочли ближайшую, невечную жизнь с ее суетой будущей жизни с ее вечным блаженством. Наказание им в геенне никогда не будет облегчено, и никто им не окажет помощи и не спасет их» («аль-Бакара», 56).

Известный российский публицист и социолог С. Г. Кара-Мурза писал, что в мировой истории существуют общества двух типов: одни стремятся к уменьшению меры страданий человеческих, другие — к расширению спектра наслаждений; первые относятся к «аскетическому» типу, вторые — к «гедонистическому». «Аскетическими», согласно этому разделению, будут средневековая христианская цивилизация (с подозрением

относившаяся к любым «плотским удовольствиям», включая даже баню) и ранняя советская. Классический пример «гедонистического» общества — сегодняшний мир «золотого миллиарда».

Возникает естественный вопрос: к какому типу можно отнести традиционную исламскую цивилизацию в XXI в., учитывая, с одной стороны, свойственный ей абсолютный религиозный императив, а с другой — высокий статус телесного наслаждения и просто комфорта в мусульманской культуре?

Если исходить из предложенной схемы, которая нам в принципе близка, можно отнести мусульманское общество к «умеренно гедонистическому типу». Для исламской традиции характерен призыв к умеренности и благоразумию. Взрывы страстей, безусловно, существуют, но они должны находиться под контролем Веры и Разума. Низменных страстей, разумеется, следует избегать. Нужно во всем соблюдать меру. Каяться же за любые проявления своей чувственной сферы — нет никакой необходимости. Ведь плотская радость — это естественное движение души, а что естественно — то угодно Аллаху!

В *хадисах* (преданиях о пророке, высказываниях и поучениях Мухаммада, закрепленных в свидетельствах его современников) говорится: творение добра угодно Аллаху, но и *несотворение зла* — тоже благо. Есть в хадисах и такая истинная мудрость: «Если ваш взор случайно остановится на человеке, превосходящем вас по богатству, по социальному положению, по внешним данным, то посмотрите на того, кто уступает вам по всем этим показателям — и будете довольны».

Кроме того, в исламской цивилизации (в отличие от, например, средневековой Европы) нет представления о святости бедности. Бедность вообще-то не поощряется, а мирное испрашивание помощи есть грех. Эта идея очень часто повторяется для молодежной среды. Следствия очевидны.

«...Однако истинно бедный, — говорится в одном из хадисов, — тот, кто, не имея достаточных средств для существования, не являет свою бедность другим, дабы получить вспомоществование, и не стоит на виду с протянутой рукой». Иными словами, попрошайничество для истинно верующего мусульманина — просто невозможно, но отъятие необходимого — допустимо. Хотя и не приветствуется открыто.

Сама по себе крайняя нужда отнюдь не приближает к Богу, поскольку заставляет человека буквально биться за свое выживание, не давая ему возможности задуматься о высшем смысле существования. К тому же бедный человек не способен оказывать помощь и поддержку тем, кто в

ней действительно нуждается. Считается, что если ты хотя бы относительно трудоспособен, то должен приложить все усилия для того, чтобы выйти из бедности. В экстремистских кругах «трудоспособность» мягко, но настойчиво подменяется на «вооруженность».

Общественное мнение в странах ислама поощряет красивую одежду, обувь, хорошие машины (современный аналог «породистых коней»), — но только если их обладатель сохраняет богобоязненность и помогает слабым и убогим. Те бедняки, которые впали в нужду из-за каких-либо объективных обстоятельств (болезнь или инвалидность, семейные несчастья, война или какая-либо катастрофа), — могут в полной мере рассчитывать на защиту мусульманского общества. Впрочем, глобализация — это и есть стихийная, хуже Великого цунами 2005 г., катастрофа для уммы.

Общественное благополучие мусульман тем выше, чем больше отчисления состоятельных и состоявшихся собратьев в пользу бедствующих, увечных и немощных. Правда, эти отчисления могут пойти и не на мирные цели — увечье можно обрести не только за станком или за рулем трактора...

В исламе существует ясно разработанная концепция социальной справедливости. Насколько ты содействуешь улучшению качества жизни своих собратьев по умме — настолько ты можешь рассчитывать на милость Аллаха. Тот, кто предоставит своему должнику достаточно времени для выплаты долга или простит ему долг — тот в Судный день будет находиться под защитой Аллаха. А вот ростовщикам, банкирам и финансистам, живущим на проценты, рассчитывать на милосердие Всевышнего особенно не приходится... Чаше всего звучат обвинения в адрес богатых «неверных», живущих на проценты от капитала. Еще один повод для недовольства...

Ислам устанавливает определенную последовательность адресатов помощи. Вначале человек должен помочь самому себе (то есть, только твердо встав на ноги, можно заниматься поддержкой других), затем — своим детям, жене или женам, своей общине... Иными словами, человек вначале должен поддержать своих ближних, затем — дальних.

Современные мусульмане, особенно живущие в европейских странах, очень ясно отдают себе отчет в том, что современный мир — «мир насилия». Восприятие культурной традиции «насилия» разошлось в западном (христианском) и исламском мире слишком далеко. Для исламского общества большое значение имеют слова Мухаммада: «Есть три категории людей, обвинителем которых я буду в День Суда: те, кто поклялся моим именем и нарушил клятву; те, кто сделал свободного человека рабом или

те, кто продал человека и потратил выручку; те, кто нанял на работу человека, использовал его рабочую силу и не заплатил». Современные европейские муфтии — наставники мусульманской общины — подчеркивают, что под категорию закабаления свободных людей попадают и различные способы незаконного, негуманного использования гастарбайтеров, что очень актуально в век глобализации.

Признаем, что историческим фактом является отставание исламского мира от Запада — отставание в сфере точных наук, военного дела, индустриального развития. Соревнование цивилизаций сегодня — это прежде всего соревнование технологий. И в этом состязании исламский мир пока что проигрывает. По крайней мере, в большинстве стран ислама. И это — очередной повод для «выравнивания ситуации», но вот методы этого зависят от условий.

Вернемся к моментам, которые мы только что затронули. Итак, ислам отрицает ростовщичество в любой форме. Использование прибавочной стоимости во имя расширения воспроизводства — не богоугодное дело. Исламский мир пожертвовал накоплением капиталов для воспроизводства во имя создания общества, в котором поддерживалась бы некая усредненная модель благополучия, не допускались бы крайние формы эксплуатации. С точки зрения темпов промышленного, технологического развития это, безусловно, был проигрыш. В этом отношении идея социальной справедливости, доктринированная и возведенная в абсолют, дала отрицательный результат.

Кроме того, в мусульманском обществе всегда были сильны позиции традиционалистов. Ислам как религия предоставляет традиционалистам сильный аргумент: о любом нововведении можно спросить: «А есть ли это в Коране?». Предполагалось, что в Коране есть все: условия жизни можно совершенствовать только в рамках, заданных Священной Книгой. И в наши дни многие мусульманские богословы подходят к оценке современных явлений (вплоть до цифровых технологий или информационного общества) лишь с точки зрения того, насколько они сочетаются с задачами распространения ислама.

Ответ на вопрос, как в исламе происходила трансформация «своих» в «чужих», можно найти в исторической практике жизни. Процесс этот продолжается, но без обратного вектора.

В исламской традиции не поощряется бескомпромиссная экономическая конкуренция: соревноваться стоит лишь в том, как лучше выглядеть перед очами Всевышнего...

Ислам — вопреки расхожему мнению западного потребителя информации — в первую очередь приветствует знание, науку: «Тот, кто идет по пути знания, идет напрямую к Аллаху». Но здесь имеется в виду прежде всего знание гуманитарное. Что же касается технологий эпохи промышленного капитализма, то в XVIII–XIX вв. заимствовались в первую очередь знания военные. Причем они воспринимались изолированно, вне связи с общим техническим прогрессом.

Избирательность заимствований и инкорпорирования таковых в жизнь исламского сообщества всегда зависела от лидеров духовного ранга; напомним о неразрывности светского и религиозного начал. Ситуация, когда «свой» с абсолютной властью светского и духовного авторитета решает, «кого» или «что» считать «своим — чужим — чуждым», укрепляет властные, но не культурные начала в обществе.

Кроме того, возникал и продолжает возникать соблазн — никак не подпадающий под понятие греха, запретности («харам»), но опасный для окружающего мира.

Манипулирование относительно мирным образом «чужого», трансформируемого в «чуждого» и обратно, в зависимости от появления (необходимости решать) военно-политических проблем. Мы вернемся к этому тезису.

Рассмотрим проблему волнового вторжения ислама и заимствований ниже, а сейчас вернемся ко второй из заявленных выше групп особенностей восприятия ислама западным миром.

Изначальным и векторно контрастирующим (по нарастанию через века) было следующее понимание (или, чаще — непонимание) сути изначальных постулатов христианства и ислама:

В христианском мире Слово Божье **воплотилось**, т. е. стало (буквально!) плотью Господа нашего Иисуса Христа.

В исламе Слово Божье воплотилось в Священном Коране.

Следовательно, уже первые расхождения христиан и мусульман базировались (и продолжают базироваться) на фундаментальных и в принципе несравнимых константах.

Должны сравниваться между собой не Библия (прежде всего Евангелия) и Коран, а Коран и Личность Иисуса Христа.

Трудно совместимые в христианском сознании позиции. Однако именно это детерминирует взгляды и дуализм ценностей, сложившиеся в историческом сознании мира ислама и мира христианства. Заметим, что в Передней Азии они сосуществуют в непрерывном взаимодействии с VII в. от Рождества Христова и, полагая, до Судного Дня.

Первыми немусульманами, обратившимися лицом к проблеме «понять ислам», были гонимые Римом и Византией: христиане-еретики и иудеи Передней Азии. Среди христиан были копты, ариане, несториане, якобиты; иудеи — выходцы из Сасанидского Ирана и в небольшом количестве — из Египта.

Здесь не было подавления немусульман и покорения их прямой силой исламского оружия. «Еретики» христианства I – III вв. «хиджры» (VII–IX вв. н. э.) искали в «новых соседях», в крепко сплоченной умме мусульман *социальное освобождение* от римской или византийской власти и развитие идей своих богов: ведь они вначале вполне зримо угадывались в раннем исламе.

Иисус Христос предсказал (по Евангелию от Иоанна. См. главу о Св. Духе: 14, 26) деяния Мани (ум. 276 г.); последний же требовал уточнения и очищения пророчества Мусы (Моисея) и Гайсы, или Исы (Иисуса). В таком взаимном изучении прошли первые века продвижения ислама и его восприятия в мире соседей – немусульман.

Нарастание «чужести» от исламского мира имело ряд этапов и особенностей.

Напомним, что первоначально продвижение ислама за пределы Аравийского полуострова шло не натиском, но «просачиванием» с опорой на христианские еретические толки. И еще один момент — опорой для расширения влияния раннего ислама служили торговцы, которых объединившиеся под знаменем Пророка племена избавили от разбойников и грабителей на старых караванных путях.

К числу основных торговых троп Старого Света того времени, которыми постарался воспользоваться ислам, были широтный Великий Штлковский Путь и меридиональный путь «из варяг в греки», иначе говоря, великий рабский путь с Севера Европы через Киев в Средиземноморье. Далее он разветвлялся в новые европейские владения ислама — на Иберийский полуостров и в Сиро-Палестинский район, в Счастливую Аравию и даже в Северную Африку.

На меридиональном направлении ислам столкнулся сначала с иудейским Хазарским каганатом, затем с языческой, а потом православной Киевской Русью. Здесь религиозное проникновение ислама затормозилось. Все ограничилось взаимовыгодными торговыми и культурными контактами.

Иначе сложилась ситуация на широтном пути — Великом Шелковом и его ответвлениях. На этих путях ислам по дороге торговал, если по-

лучалось — завоевывал, освобождал и — о чудо! — уравнивал раба и господина. Безусловно, весьма формально. Эту мифическую свободу — умереть, сражаясь за новых господ, внешне столь же нищих, как и вчерашние рабы, — воспевают фундаменталисты-политиканы от ислама с дипломами Сорбонны, Йеля, Института стран Азии и Африки...

Ислам привлекал к себе прежде всего силой единства и сплочения. Подобно тому, как это происходило в Сиро-Аравийском регионе, сложилась ситуация (столетия спустя) в Нижнем Поволжье или на Северном Кавказе (Дагестан): местные язычники легко приняли сторону сильного своей сплоченностью и взаимовыручкой исламизированного общества.

Православная Византия и католический Рим слишком активно боролись с ересями, чем оттолкнули от себя массы христиан. В конечном итоге древняя Византия рухнет, но под натиском не исламских воинов, а католиков-крестоносцев.

Тем временем ислам шел в Европу быстро и почти бескровно с юга Средиземноморья и укрепился по ту сторону Пиренеев. В начале VIII в., в 711 г. Тарик высадился с небольшим войском бедуинов и туарегов в том месте, которое до сих пор носит его имя (Гибралтар, Джебель ат-Тарик — т. е. Скала Тарика). В битве против арабов погиб Родерих — последний король вестготов. На то, чтобы пройти до территории современной Франции, потребовалось всего несколько лет. К 715 г. в руках завоевателей был весь Иберийский полуостров. Отступление мусульман началось после битвы при Пуатье 732 г. На то чтобы окончательно вернуть Иберийский полуостров под власть христианских монархов, потребуется 760 лет!

Неудивительно, что сегодня в некоторых проповедях исламских священнослужителей в Европе прямо или косвенно звучит идея о возвращении в земли, омытые кровью исламских предков первых веков хиджры.

Военный аспект продвижения ислама в Средиземноморье, в Центральной Азии и на Среднем Востоке со второй половины VII в. н. э. и до начала XXI в. должен изучаться, на наш взгляд, с учетом суннитской и шиитской концепций легитимности наследования власти в умме. При этом следует принимать во внимание факты и события буквально последних месяцев: волнения исламской молодежи во Франции, Бельгии и Германии, «карикатурный скандал» в Дании, обстоятельства, благодаря которым в Палестине на парламентских выборах одержало победу военно-политическое движение (появление на политической арене нового ордена?..) «ХАМАС»...

Напомним, что в исламе духовное и мирское начала неразрывны. Отсюда концепция мирской власти, осуществляющей одновременно и власть духовную.

Изначально при столкновениях ислама и христианства возникали и столкновения понятий. Религия в Европе включала в себя культы и ритуалы. Религия в исламском мире или, иначе, «дин» — это законы Бытия, ритмизированной жизни людей во всей полноте.

В исламе «церковь» как система в принципе не существовала и не существует. Тогда как «церковь» как постройка, культовое сооружение в первые века ислама вообще не была обязательна. Нередко мусульмане делили строение христианской церкви, если можно так сказать, на две религии — ею пользовались попеременно те и другие, мусульмане и христиане.

Церковь и государство в концептуальном смысле составляла проблему только в западном мире. Извечная тема: Папа и император, патриарх и царь, их соперничество и сотрудничество, борьба за власть мирскую и духовную, — для большинства мусульман даже в XXI в. так же непостижима, как и в VII–VIII вв. Ведь в исламе, как сказано выше, обе функции неразделимы, нередко слиты в одном лице (например, многие высшие должностные лица Исламской Республики Иран, включая избираемого демократическим путем президента, являются аятоллами). На этой основе ислам полемизировал с христианством, выдвигая следующий постулат.

Чего добился своей жизнью и смертью Иисус Христос: страданий для себя, покаяния ближайшего круга сподвижников, искупления грехов грядущих поколений.

Чего добился Мухаммад: при жизни одного поколения он построил систему, которая в том или ином виде существует почти полторы тысячи лет, причем в различных уголках земного шара.

Христиане знали, что при жизни их ждут гонения, страдания, просветление и где-то в отдалении — возможное спасение.

Ислам изначально призывал и обеспечивал свободу, равенство и победы, победы, победы...

Не станем обсуждать эту догматику, но подчеркнем, что изначально и христианские, и исламские правоведы тяготели к единому правовому полю. Сегодня это Евросоюз, с одной стороны, и исламское государство — с другой. И те, и другие осознают себя носителями *истины* и предрекают горе тем, кто ее не приемлет.

Важно отметить, что в последнее время в исламской пропагандистской догматике акцентируется идея, что христиане, конечно, люди Писания и единобожия, но за многие века, утратив Христа, который по своей воле ушел от них, они «натворили» много ошибок, которые могут быть поправлены с помощью исламской мессианской доктрины.

В наши дни требует пристального и особо бережного изучения рельефно выделившийся после трагедии 11 сентября 2001 г. признак внутри-исламского размежевания на тех, кто:

— чтит только Коран

— чтит Коран, но также шариат-адат

— наконец, тех, кто признает окончательность и вечность Корана, но также и изменчивость мира, в отношении которого нужно выносить богословские суждения.

Весомость этих трех условных групп в умме, возможно, определит взаимоотношения миров — ислама и неислама — в XXI в. и впоследствии.

Понятия толков — *масхабов* и тезиса «*халиф-имам*» подлежат особому рассмотрению.

В новой истории Европы неадекватность восприятия монархами и лидерами христианского мира реалий исламского мира приводила нередко к казусам.

Христианство VII–VIII вв. настороженно встретило исламские постулаты, и таковая настороженность транслировалась в христианском сознании в течение многих веков прежде всего Церковью, ее иерархами, причем Римско-католической Церковью и Православной с одинаковым рвением. В основе подобного отношения лежали и остаются следующие позиции:

1. опасение высшего христианского клира соперничества со стороны ислама как последней авраамической религии, имеющей четко прослеживаемые общие корни с христианством при отсутствии религиозных учреждений, посредничающих между Богом и человеком;

2. ввиду изначального понимания христианскими отцами церкви сущностной логики ислама (что хорошо прослеживается по современным изданиям документов, хранящихся с неизменной бережностью с VII в. до наших дней в монастырях Синая в Египте), а именно:

ислам есть этика и нормы повседневной жизни массы людей (уммы), а не создаваемое (и подновляемое по необходимости или по велению, например, власти) философское учение;

3. христиане Ближнего Востока (Аравии, Египта и Сирии) и Византии увидели в абсолютных ценностях ислама (Вера, Жизнь, Потомство, Разум,

Собственность) зачатки того, что мы, в XXI в., понимаем под гражданским обществом.

Ошибочное, как доказывает современный турецкий теолог Ф. Гюлен, но существующее восприятие ислама как воинствующей религии фанатиков-смертников сложилось во многом под влиянием сокрушительных по масштабам социально-политических сдвигов крестоносного вторжения в Передней Азии, в Юго-Восточной и Центральной Европе в Позднее Средневековье.

Следует учитывать, что реальные потери Запада, т. е. фактические итоги боевых столкновений сарацин и рыцарей, воспринимались на уровне христиан-мучеников. Тогда как в восточно-христианской церкви, пережившей одновременно столкновение с мусульманами и сокрушительный удар в спину рыцарей-католиков, всн это вскоре стало восприниматься на уровне потерь только со стороны противников-мусульман.

Тогда, в XI–XII вв. и закрепилось в бытовом сознании христианина-европейца, что мусульманин — это беспощадный убийца со склонностью к публичному суициду в ходе теракта. Мы же должны осознавать, что в крестоносной трагедии исторически более весомую роль, чем столкновение с воинами ислама, сыграл раскол христианских церквей XI в. Ведь православная Византия была разгромлена и разбита на несколько сравнительно слабых государств именно рыцарями-католиками и затем стала легкой добычей для турок-османов в середине XV в.

Следует подчеркнуть, что Священный Коран фактически завершает ряд категорических запретов авраамических религий на убийство невинных: Библия (Исход, 21:12; Левит, 24:17–18), Коран 2, 178–179. Коран стоял и стоит в ряду монотеистических учений, запрещающих самоубийство (4, 29) и убийство женщин и детей как деяние, равное безбожию [См. Коран: 25 (68); 6 (151)].

Постулат «не мир, но меч» [см. Евангелие от Матфея, 10 (34–35) и Евангелие от Луки 12 (51–53)] никак не корреспондируется с исламским пониманием «джихада» — «священной войны» как служения человеку, в том числе и путем определенного насилия (см. Коран: 5 (54), 9 (19), 8 (72), 16 (110), 29 (6, 8) и др. суры и аяты).

Как прежде всего исламское было оценено Западом монголо-татарское вторжение. Эта ошибочная позиция существует до сих пор и мешает реальным оценкам и выводам. Монголо-татарское вторжение исламское общество в Египте и в Арабистане (XIII–XIV вв.) восприняло столь же отрицательно, как и Запад. Тем более что исламские государства

Центральной Азии рухнули под натиском монголо-татар, среди которых, кстати, в годы правления Чингисхана было немало христиан-несторианцев и просто язычников.

К сожалению, эта важная, цивилизационно значимая тема до сих пор не стала основой в перспективе весьма конструктивного диалога между мусульманскими и христианскими историками.

Впоследствии монголо-татары, объединенные Чингисханом и его ближайшими потомками, действительно очень быстро приняли ислам. Вследствие этого малоизученного социально-психологического феномена на все мусульманские страны, на исламский мир в целом было перенесено восприятие христианами монголо-татарской орды как «чумы народов», «Божьей кары» и пр. — разрушителей восточно-христианской, ирано-арабской и других ветвей цивилизации.

В действительности же античное философское и естественно-научное наследие было сохранено для Запада домонгольскими исламскими халифатами, тогда как уничтожение следов античной культуры деятельно проводилось именно монголо-татарами.

На протяжении Средневековья, Нового и Новейшего времени ислам так и не принял тезис об относительно высокой адаптационной способности христианского мира со временем постепенно понять различные мусульманские и «омусульманенные» (исламизированные) народы. Запад сумел расчленить и выделить в понятийном и общекультурном смысле сарацин («шаркейн» — т. е. «люди Шарка, Востока»), мавров, босняков, помаков (принявших ислам болгар) и др. во имя потребности понять «иного». Мы убеждены, что на Западе таковая потребность сейчас существенно выше, чем на Востоке, что определяется спецификой культурных традиций Запада, а также сложившейся за последние годы системой глобализации: мир стал меньше, «иной» приблизился к дому среднего европейца или американца.

Нельзя вечно жить в мире «чужих» и «чуждых». Но именно к этому привык исламский мир.

Полторы тысячи лет сохраняется косный подход исламского сообщества к *ромеям, сакалиба, франкам, назара, кяфира* и др., под которыми понимается весь христианский мир без этно-культурных различий.

На наш взгляд, причина таковых расхождений — в изначально разных объемах миропонимания: у Запада, начавшего открывать Новый Свет — Америку и соединять куски обжитой ойкумены; и у «загадочно-го» Востока, жившего в своем мире, не нуждавшемся в дополнительных

открытиях. Эти процессы проходили одновременно, в эпоху позднего Ренессанса и изгнания мавров из Испании (падение Гранады и открытие Америки свершились в один год — 1492). Исламский мир на рубеже XV–XVI вв. превращается в конгломерат взаимно враждующих, сражающихся друг с другом и со всем окружающим миром государств-крепостей.

Многое в типологии взаимоотношений исламского и христианского мира становится более понятным, когда анализируется малоизученный как на Востоке, так и на Западе волновой, адекватный мировому цивилизационному процессу характер исламских вторжений в Европу, осуществлявшихся турками-османами с XIV в. Это создает базу для последующего изучения мифологии исламского сознания нынешнего гражданина европейской страны — мусульманина и его взглядов на исторический процесс расселения собратьев-мусульман в Европе.

Концептуально следующее положение: угроза западному миру со стороны мусульман-османов (3-я – 4-я волны вторжения в Европу из Азии, начиная отсчет от Аттилы и его гуннов) носила отнюдь не религиозный характер, а вполне ощутимый социальный и военнополитический. Аналогия с переселенческой политикой мусульман в Европу XXI в. состоит как в социально-демографической экспансии, так и, отчасти, в военной форме — в облике терроризма и латентных конфликтов низкой интенсивности, периодически, как на рубеже 2005/2006 гг., изливающихся социальным взрывом.

Следует принять во внимание различный уровень ожиданий двух сторон — христианской Европы и исламской Турции в период их стремительного и враждебного сближения (под влиянием османского вторжения на Балканы в XIV–XV вв.). Необходимо также учитывать несопоставимость темпов эволюций социумов эпохи Реформации в Европе и расцвета Османской империи (XVI–XVII вв.). Все это самым негативным образом сказывается на современных отношениях турецкой исламской уммы и демократического общества Западной Европы. Следует также учитывать высокий уровень исторической памяти исламского общества. При этом на поверхности оказываются чаще всего не самые удачные исторические примеры. Отсутствие или низкий уровень политической культуры в умме существенно осложняют ситуацию. Воздействовать на нее можно только через средства культурного общения.

При этом можно воспользоваться следующими историко-культурными данными. Европа Нового времени в динамичном, возраставшем по экспоненте развитии потребления и многофакторном воспроизводстве нужда-

лась *прежде всего* в стабильных поставках из стран исламского Востока дешевого и качественного продовольствия и только в конце XVIII – начале XIX в. стала нуждаться в сырье оттуда же. В конце XX в. Европа стала нуждаться в дешевой рабочей силе Востока.

Государства Ближнего Востока до конца Первой промышленной революции нуждались преимущественно в налоговых поступлениях, или, иначе говоря, интересовались только числом своих подданных.

Должна рассматриваться «опрокинутая аналогия»: ислам внедрялся в Европу и на христианском Востоке в VIII–XII вв. преимущественно методами «просачивания» в слабые звенья христианской цивилизации.

Западная модель развития нашла «брешью» в исламской (в частности, османской) цивилизационной модели в XVIII–XIX вв. в лице немусульманских подданных исламских государств, энергично защищавших *свои* социокультурные ценности и возможность адаптировать исламские личные свободы к европейским преимуществам.

Стремительное нарастание напряженности отношений, отторжение до замкнутости исламского мира эпохи индустриализации внешне носили религиозно-ограничительный характер. В основе процесса лежали факторы стремительного экономического исламского отставания: через стагнацию и углубляющийся разрыв к частичной и поверхностной имитации образцов потребительского спроса.

Имели место два сосуществовавших, но разноречивых процесса:

— соби́рание Западом Нового и Новейшего времени стадияльно-однозначного ему мира

— и сохранение исламом откатывающегося в прошлое *его* мира с частичным приспособлением к внешним факторам — через модернизацию и вестернизацию.

Таким образом, несколько веков шло не взаимное изучение, а лишь частичное взаимное приспособление потребительского уровня Запада и Востока.

Фактическая стимуляция великими державами в XIX – начале XX в. исламского (прежде всего османского) изоляционизма как следствия нараставшего отставания и нереализованного очага напряженности на окраинах Европы вызывало в объекте защитную реакцию неадекватного уровня.

Возобладание в Турции внутренних стимулов к преобразованиям (1850-е–1980-е гг.) сопровождается постепенно нарастающим (особенно после эпохи секуляризма Ататюрка) исламом.

Малая амплитуда колебаний покупательных запросов исламского социума в XIX – начале XX в. сочеталась с массивным поглощением европейской потребительских товаров, символизировавших якобы присоединение османов к миру Европы. В исламе этой эпохи *Идея открытия мира* вообще не звучала.

Массовость и стандартность потребительского спроса носили демонстрационный эффект: «Я, дескать, одет как Селим, а Вылко или Христо еще лучше». Османский центр — императив власти — не сумел удовлетворительно обеспечить распределительные функции и не ставил задачи изучения глубинных процессов прогресса западного мира. Поэтому потерпел катастрофический провал. Есть смысл задать вопрос: какие столкновения с западным миром вызвали наибольшие подвижки в традиционных исламских представлениях о качестве жизни?

Первым этапом таких трансформаций была, на наш взгляд, эпоха султана Сулеймана Кануни, т. е. вторая треть XVI в. Тогда в столь близкой нам с профессиональных позиций Османской Турции мусульмане впервые столкнулись не просто с Европой, а с развитой и превосходящей их по многим параметрам цивилизацией, средоточием которой была императорская Вена.

Следующий исторический рубеж — конец XVII в., когда исламский мир потерпел ряд сокрушительных поражений от Европы, объединившейся в «Священную Лигу».

Натиск Запада продолжился в эпоху наполеоновских войн (1798–1815). Именно тогда «исламскому проекту» был впервые противопоставлен столь же глобальный европейский, но светский проект, основанный не на христианских ценностях, а на универсализме эпохи Просвещения. Не будем забывать, что замыслы Наполеона имели поистине мировой размах — они включали не только прорыв в Восточное Средиземноморье, но и значительную активизацию Франции в Индостане, в Южной Африке... В этот период мусульманский мир осознал, что пренебрежительно-презрительное отношение к «неверным» — «гяурам», «франкам», т. е. европейцам более невозможно. Точно так же, как невозможно было и прежнее экстенсивное распространение ислама в балканском, например, регионе.

Последовал следующий этап цивилизационного диалога ислама с Западом. В середине и второй половине XIX в. мировая умма переживала время реформаторских прорывов и адаптационных движений. Назовем здесь реформы Мохаммеда Али в Египте, реформы периода Танзимата

в Турции, движения бабидов и бехаитов в Иране, активизацию (продолжившуюся и в XX в.) политических исламских организаций в Индостане.

Говорить об итогах встречи ислама с новоевропейской цивилизацией, очевидно, пока рано. Но можно отметить один безусловный момент. В отличие от синтоистской и конфуцианской цивилизаций, сумевших целостно адаптировать, «переварить» западные явления, сделать их своими, — мир ислама всегда прибегал к селективному, избирательному восприятию и заимствованию прежде всего военных технологий. Получалось, грубо говоря, что пушки — это хорошо, а книгопечатание — недопустимо (печатать Священный Коран по европейским технологиям в Турции начали только в 1730-х гг.).

Таким образом, в отношении заимствований передового опыта мусульмане шли по пути пользователей, а не создателей. Причем заимствования начинались в экстремальных ситуациях — обычно в годы военных столкновений с Европой или Россией. Повторим, что речь идет о примерах турецкой истории.

Вектор основных усилий Османского исламского государства был нацелен на автаркичную военно-политическую систему и поэтому уходил в бесконечность, определившую неудачи Танзимата (1839–1876). Это вызвало еще большее ее отставание. Этот процесс был прерван только республиканским режимом новой Турции во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком.

Вектор случайных решений и поисков по усилиям стабилизации османской подсистемы принципиально разошелся с вектором развития и познания, ставшим основой атлантической цивилизационной модели. Мы позволили себе привести данный пример по Турции, учитывая высокую активность именно турецкой исламской уммы в современном обществе Европы, прежде всего Германии.

Примеры неверных выводов с обеих сторон бесконечны. И перспектива взаимного исправления ошибок утрачивается, если не осуществляется комплексное, систематическое изучение культурных ценностей обеих сторон. Так, систематическое изучение ислама в Европе началось в XIII в., изучение христианской модели (не путать с изучением античности) исламским миром — только в конце XVIII в.

Запад довольно усердно изучал интеллектуальную составляющую Востока. К сожалению, слишком часто поверхностное знакомство с этим миром выливалось в увлечение наркотиками (рубеж XIX–XX вв.), дзен-буддизмом в самом поверхностном и прагматическом его примене-

нии (с середины XX в.) и т. д. Исламские практики и ученые изучали и продолжают изучать военное дело (теперь и атомную энергетику), юриспруденцию конфликтных состояний, инженерное дело (начиная с эпохи промышленных революций), но не философию развития атлантической цивилизации.

Прагматизм исламского изучения западных ценностей в наши дни проявляется достаточно характерным образом:

посещаются торгово-промышленные выставки и редко, почти никогда — библиотеки;

ислам превращается в форму консенсуса социума перед лицом сознательно закрытых исламскими властями возможностей понять Запад.

Примат исламского тезиса «изучил — сделал своим», отказ от тезиса «изучил — понял — улучшил» ухудшает перспективы сотрудничества ислама и христианства, чему должен быть посвящен XXI век.

Общие выводы

В мире идет активизация догматов исламского пути через жесткое размежевание развитого («золотой миллиард») и периферийного (преимущественно исламского — Азия, Африка, страны Теплых морей) сообществ.

Внутренние проблемы исламского сообщества нарастают как следствие замедленности адаптации в глобальном информационном пространстве.

События последних месяцев, т. е. рубежа 2005/2006 гг. демонстрируют абсолютную нереальность каких бы то ни было силовых решений в объединенном (европейском) пространстве как с той, так и с другой стороны. Гражданин Европы — мусульманский переселенец превратился в специфическое противоречие XXI века. При этом нарастает стремление обеспечить себя массовым доступом к оружию, что в странах Востока до сих пор является символом самоидентификации полноправного гражданина.

Все чаще звучит и вызывает сочувствие в маргинальных крунах исламского общества вызов «исламского одиночки» против консолидированного европейского гражданского сообщества.

Обостряется гендерная зашоренность и неравноценное осознание права исламской личности в новом пространстве единой Европы. В этом отношении символична трагическая гибель голландского кинорежиссера Тео Ван Гога, убитого за попытку раскрыть положение мусульманской женщины в исламской умме Европы.

Но мусульмане существуют не в вакууме. Чем больше будет социальной справедливости в обществе в целом, тем меньше будет самоизоляции, самозамкнутость уммы. Данность сия применима к любому государству, в любом уголке Земли.

При изучении вышеозначенных проблем, на наш взгляд, необходимы: историзм, сдержанность, высочайшая степень информированности о базовых культурных ценностях различных ветвей цивилизации, взаимопочтение и бережность в отношении традиций христианства и ислама.

Таковы основные структурные элементы имагологического взаимопонимания в сущность субъектов поиска.

*Февраль 2006 года от Рождества Христова –
мухаррам 1427 года хиджры*

Архивное востоковедение: пыль веков или информационное оружие эпохи глобализма?

Гуманитарный аспект современного этапа российской модернизации — это уже общее место всех планов, дискуссий и конструктивных предложений, звучащих на эту тему во властных структурах и обществе. Намного глуше, порой до невнятности звучат суждения об *историзации политики и общественного сознания российского социума*.

Тому много причин, и, на мой взгляд, из них наиболее серьезные:

— определенное привыкание общества к «управляемости» нашего прошлого

— пока не устраненные провалы в преподавании отечественной и зарубежной истории и всего гуманитарного цикла.

Очевидно и объяснимо пережитыми социальными потрясениями XX в. скептическое отношение значительной части нашего российского общества к историкам и обществоведам в целом как к специалистам убеждать людей в том, чего сами не видели, на основании того, в чем сомневаются, но — по указанию «сверху». Вполне прослеживается и другой процесс — огромная тяга самых различных слоев современного российского мира к исторической просвещенности, к истории документированной и живой, не схематизированной, не вульгаризированной «оперативниками» от противоборствующих идеологий.

Это отчетливое настроение обучающейся молодежи последнего десятилетия для меня как читающего различные курсы преподавателя с почти полувековым опытом, равно как и для моих коллег по МГГУ им. М. А. Шолохова, по востоковедным, военным, гуманитарным вузам является фактором, стимулирующим нашу работу, но и крайне обязывающим. Поэтому обращение к сугубо, казалось бы, академической проблеме — *orientalistica archivica* — связано и с новационными подходами

в образовании, и шире — с государственной исторической политикой. Выработать ее и донести до массового общественного сознания без обращения в первую очередь к историку — школьному, вузовскому, научному сотруднику, архивному работнику и т. д.

Под «**архивным востоковедением**» (*orientalistica archivica*) понимается неотъемлемая часть российской ориенталистики, опирающаяся преимущественно на документы национальных архивов России как основной источник при создании исторических и социологических трудов, и изучение профильного материала архивов как самостоятельного объекта исследований. Как научная поддисциплина всеобщей истории *архивное востоковедение*, вероятно, одна из самых реактивных областей гуманитарных наук с позиций Стратегии науки и инноваций в РФ на период до 2015 г.

При этом архивное востоковедение устойчиво и традиционно работает в сфере теоретических ориентальных изысканий и одновременно на стыке образовательной и практической деятельности по крайней мере двести лет, т. е. наряду с собственно научным архивоведением и учебно-прикладной ориенталистикой.

Хорошо известно историкам школьного дела, что в домонгольской Руси среди знаний, передаваемых в различных формах обучения — заучивание данных о дальних торговых и военных экспедициях, занятия со священниками дома и в монастырских школах, пребывание в школах светских — практически всегда присутствовали (чего греха таить, нередко мифические, легендарные) сведения о Востоке. В старинной, сейчас практически забытой былине о «много земель повидавшем» богатыре Иване Минидоровиче говорится, что в числе прочего он обучал царевну Софью «...всем наукам премудрым-то, как премудрости-то все же ей восточною...»¹⁵.

Грамотность в восточных языках и начала знаний о «делах властьюстроительных» была всегда тесно связана с паломничеством на Православный Восток; стала насущной в эпоху насильственного пребывания русских земель в составе Ордынского государства (XIII–XV вв.) и значительно позднее (XVI–XVII вв.), когда Русское государство вобрало в себя несколько мусульманских ханств Поволжья и Сибири¹⁶. Переплетение книжного «учительства» и практики делопроизводства с учетом специфики Востока прочно легло в основу архивного востоковедения.

¹⁵ Былины М. С. Крюковой. Т. 2. М., 1941. С. 234–235.

¹⁶ См. Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962; Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XIII–XV вв. Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2005; Михайлова И. «Грамота ему в наук пошла». Родина. Спецвыпуск «Образование в России». М., 2010. С. 19–21.

Ориенталистика — комплексная, трудоемкая (языки, культура и т. д.) наука о мире «иного — чужого» человека и общества на Востоке. Поэтому в России и за рубежом веками (по крайней мере, XVII – начало XXI в.) она ориентировалась на подготовку новых кадров. Многолетнюю, с ранней юности до зрелости «архивных юношей», обивавших пороги Азиатского департамента МИД Российской империи, где и жалование было выше, и производство могло быть быстрее, через 1–2 чина (вспомним А. С. Грибоедова). Тем объясняется неразрывность и компетентность специалистов архивного востоковедения в образовательном процессе, наша особая заинтересованность в слиянии науки и образования.

Не лишне подчеркнуть, что в наши дни механизмы взаимодействия высшей школы и академической науки находятся, как и многие другие инновационные проблемы, в стадии поиска и обновления. Система базовых кафедр и лабораторий (понятие вполне применимое, как показывает опыт Российской академии наук, к гуманитарной сфере) достаточно отработана. Академическая кафедра реализует себя на базе определенного академического института. В РФ сейчас, по словам вице-президента РАН В. Козлова, до 1000 базовых кафедр, где обучаются 25 тысяч студентов и работают около семи тысяч сотрудников РАН (см. интервью журналу «Родина», спецвыпуск «Образование в России», 2010).

Мотивированность студентов подобных интегративных кафедр выше, чем на других гуманитарных направлениях, за счет усиленной (включая страну пребывания) языковой подготовки, безусловной и расширяющей востребованность в деловых сферах, в госструктурах и, естественно, в науке передовых рубежей.

2010 год — это Год Учителя. Отметим, что Президентская инициатива «Наша новая школа» как системный проект, включающий современное содержание образования, методы обучения, высокую компетентность молодого учителя в истории России и сопредельных стран, особенно в зонах многовекового соперничества великих держав (Центральная Азия, регион Черноморских проливов, север и северо-запад Индостана), требует от общеисторических кафедр гуманитарных вузов качественно иных подходов. Обеспечить таковые может, в частности, объединение усилий академических кафедр, кафедр всеобщей истории, отечественной истории, методологии преподавания истории.

Модернизация всех ступеней образования учителя-историка нового поколения напрямую и немедленно, без дополнительных изысканий средств и разработки методик, может быть обеспечена сотрудничеством гуманитарных университетов с архивным востоковедением.

Система вузовского исторического образования при формировании филиальной сети и развитии дистантной формы обучения может опереться на локальные ресурсы местных архивов. Определенная экзотичность материалов, проблем, более высокая подготовка архивистов-востоковедов в национальных регионах Поволжья, Урала, Хакасии, Тывы, Якутии, Дальнего Востока не только имеет подтвержденную привлекательность для подготовки выпускных квалификационных работ. Это я могу подтвердить на примере студентов кафедры всеобщей истории и теологии исторического факультета МГГУ им. М. А. Шолохова. Однако отчетливую значимость в контексте государственной исторической политики архивное востоковедение демонстрирует через связь образования и науки на местах.

В средне- и долгосрочных проектах выработки государственной исторической политики как составной части Стратегии науки и инноваций архивное востоковедение, на мой взгляд, может и должно занять свое место за счет современного инструментария, высокого профессионализма востоковедов-архивистов и овладения расширенной документальной базой российских архивов при усвоенной изначально привычке к строгой аналитике как рабочей тональности исследовательского поля.

Адекватность архивного востоковедения задачам выработки государственной исторической политики РФ, включая историческое образование, обоснована, прежде всего, ростом по экспоненте глобального информационного обмена культурно-историческими ценностями, в котором наша страна — в числе безусловных мировых лидеров в связи с неисчерпаемостью документальной обеспеченности прошлого, необходимого для создания национальных историй как России, так и других, чаще всего лимитрофных, субъектов мировой цивилизации.

Принципиально отметить в этой связи многонациональность и поликонфессиональность российского государства со времен создания и начала систематического изучения в России самих объектов исследования — архивов. Если учесть, что в XIII–XV вв. русские княжества составляли единое государственное целое (Великая Орда, Золотая Орда) с типичным для Востока централизованным государственным устройством в основе своей китайского типа, заимствованного Джучидами, а затем вобрали в себя исламизированные тюркские и иные земли после ослабления чингисхановского центра власти (XIV в.) возникают уникальные возможности у себя, в России изучить по документам регионального хранения (Казань, Уфа, Северный Кавказ и др.) эволюцию взаимоотношений этнического центра титульной нации с эволюционировавшими землями. Проекция на

современность очевидна, тому пример — готовящееся издание (с участием автора статьи) «Имперская власть и вайнахский этнос» (план 2010 г.).

Информационный продукт архивного востоковедения обладает уникальной для гуманитарного знания универсальностью, достоверностью и сопоставимостью данных, что исключает фальсифицированные версии национальных историй. В последние годы подобные «труды» появляются в ближнем зарубежье на основе конструирования «образа врага» из числа соседних народов либо «травли нации», вина за которую возлагается на того же внешнего врага, и т. д. Для архивного востоковедения не существует по определению проблемы искаженной истории в сознании «нулевых поколений», равно как и гипертрофии «супердревнего, суперкультурного» и прочее этноса, создающего так называемый «большой национальный нарратив».

Работы коллег — востоковедов-архивистов (2008–2010 гг.) и дискуссии на заседании Отделения историко-филологических наук РАН (февраль 2010 г.) аргументировано опровергли весьма популярные в среде публицистов, пишущих на исторические темы, идеи профессора А. Коллингвуда. Он утверждает, что каждое новое поколение *должно* переписывать историю своим собственным способом; так как исторические свидетельства меняются с изменениями метода исследования¹⁷.

Для опирающегося на преемственные документы, например, Казанского ханства XII–XVI вв., Крымского государства XIV–XVIII вв. архивиста-востоковеда просто не возникает проблемы истории как мифологизированного прошлого, выстраиваемого под сиюминутные политические авизы.

Загронув «достоверность» как один из базовых принципов архивного востоковедения, нельзя не акцентировать своего рода **необратимость архивного документа**. Сомнительно найти в публикациях о странах Востока (да и не только) не подчищенные, не переписанные не раз «набело» хроники, летописи. А возникающие при переложении, размножении, издании такого рода документов лакуны субъективного свойства неизбежны и... как правило, необратимы.

При всей «непредсказуемости нашего прошлого», что делалось в интересах ушедших режимов, невозможно вообразить себе осуществляемое в российских архивах «вольное» изложение либо вариант «осмысления» депеш, донесений, сообщений и пр. российских представителей за рубежом. Некоторые документы в бывшем СССР могли десятилетиями не выдаваться

¹⁷ Родина. 2010. № 3. С. 8–9.

исследователю, но никому не приходило в голову, например, сфальсифицировать доклады по Корпусу жандармов времен осады Севастополя 1854–1855 гг. Иное дело, большая их часть пролежала в нераспечатанном виде с момента передачи в ставку П. С. Нахимова в руки фельдъегеря и до, скажем, 1981–1982 гг., когда я получил право (и счастье) с ними **первым** ознакомиться.

Речь идет о нерушимости сохранения *информационной первозданности*, запечатленной в архивном документе. Таковой обычно носит гриф ведомственного (что особенно надежно) либо государственного хранения.

История социальных катаклизмов в России XIX–XX вв. фактически обошла своим испепеляющим взором основные пласты документов о странах Востока в российских архивах. Пребываю в определенной уверенности, что в обозримом будущем документы, ценные для архивного востоковедения, уже не «завалятся» Бог знает, куда, как, например, «деликатные» материалы об оплате японскими спецслужбами закавказских социалистов-радикалов в 1904–1905 гг. Не пропадет оригинал Адрианопольского трактата 1829 г...

Надеюсь на дискуссию с коллегами и по следующему тезису. Архивное востоковедение в силу «прозрачности» (при высокой сложности) методов и, как правило, *коллективных усилий* ученых-пользователей и архивистов-ориенталистов содействует, причем чем теснее связь с образованием, тем выше планка успеха, так как нельзя врать нулевым поколениям — будущее очень жестоко к лжеца науки, оптимально для:

— сохранения исторического знания в российском обществе в целом, в его составляющих «малых» (условно говоря) этнических группах (например, юкагиры, буджакские татары, ненцы) от внедисциплинарного воздействия политиканов, олигархов, «курирующих» некие регионы, PR-идеологов;

— укрепления непрерывности, в длительной перспективе (при неизбежности хроно-спазмов, хроно-разрывов в течение веков), социокультурных традиций, с поправкой на религии;

— фактографического противодействия фальсификации «исторических источников», точнее, того, что может быть выдано за них; раскрытия сущности претенциозных псевдоисторических монументов типа «Рухнама» времен туркменского лидера Туркменбаши — С. Ниязова, пытавшегося создать аналог документам адата, шариата и конституции XXI в.;

— объективного анализа этнократических историософских идей, нередко заостренно националистических, в регионах и в бывших республиках СССР; сюда же относится и аргументация относительно

якобы извечности (до Пророка Мухаммада) ислама в вайнахских тейпах Северного Кавказа, об изначальной военизированной исламской уммы и тому подобные искажения в интересах политизированного ислама; примером оперативной реакции ориенталиста-архивиста может послужить успешная полемика с профессором Гарвардского университета др. Джоном Шоберлейном (Институт востоковедения РАН, 07.05.2010), утверждавшего историческую, на его взгляд, маргинальность исламской общины Центральной Азии и как следствие — особого пути центральноазиатской уммы в сторону ислама, шедшего со стороны Британской Индии в XIX в. и двигающегося в 10-х гг. XXI в.; заметим здесь, что самоцензура и репрезентативность в данных и их анализе исключительно сильна в цеховом сообществе востоковедов-архивистов в силу устойчивых традиций и жесткого рейтинга в кругу экспертов по архивам.

Наконец, архивное востоковедение обеспечивает оптимальное взаимодействие национальной истории и памяти о ней. В свою очередь, *историческая просвещенность*, особенно через привлечение архивов в наших азиатско-южносибирских регионах, где национальная память и национализм близки или почти идентичны в массовом сознании малообразованных слоев населения, помогает региональным социумам вписаться в собственное «историческое измерение», а это уже последний шаг к гражданскому обществу.

К слову о регионах. Инновационный путь развития РФ базируется на федерально-региональных принципах. Они включают единство институциональных структур, занятых созданием и реализацией знаний и технологий, информационного продукта.

Архивное востоковедение предполагает публикацию информационного продукта значительно быстрее, чем иные формы и методы работы с источниками межнационального, межгосударственного общения, прежде всего ввиду значительного круга сторон, заинтересованных в получении эксклюзивных материалов.

Работа архивиста-ориенталиста дает редкую возможность сформулировать исторически достоверные выводы в интересах как страны-фондодержателя, так и страны — пользователя документов одновременно, поскольку вырабатывается единый информационный продукт на новой технологической основе.

И если архивное востоковедение в контексте регионального компонента содействует, среди прочего, «освежению» исторического образования фактами и жестким анализом, то дополним важность нашего предмета

для образовательных целей устоявшимися за два с лишним столетия научными принципами:

- профессионализм экспертного уровня
- академические свободы, защищенные упомянутыми кафедрами при ИИИ РАН

- не в последнюю очередь — гражданскими свободами, отстаиваемыми сообществом Большой Академии.

- очевидными успехами востоковедения в изучении «образа чужого — иного — своего» в контексте военно-политических и дипломатических вызовов наших дней;

- продолжающимся процессом самоидентификации через выход на возрождение либо обретение государственности различных этносов и этно-религиозных групп, сопредельных РФ, причем часто эти этносы и группы ограничены объемами собственных письменных источников для создания своей письменной истории и опираются на базы исторических документов РФ;

- междисциплинарностью как необходимым условием успешности любых инноваций в гуманитарной сфере; инновационная составляющая междисциплинарных методик и перспективность применения новейших технологий обработки и экстраполяции данных весьма убедительно выглядит в материалах международных конференций с участием востоковедов-архивистов 2004–2010 гг.

Сошлюсь на опыт моих коллег из РАН, которые три года (2005–2007) руководили несколькими дипломными работами студентов в Бурятии. Тема — «Завещание Чингисхана и определение места его погребения. Документы и легенды». Итог для науки положительный, для студентов — обескураживающий: нет в регионе и намека на «великую тайну». Позитив — все трое в аспирантуре (один — в Японии).

Очевидно, что в процессе принятия решений стратегического уровня на высшем и региональных уровнях (последнее предусмотрено Стратегией науки и инноваций РФ) не обойтись без учета исторически сложившихся особенностей взаимодействия центра власти в Москве с традиционными политическими, военными и гражданскими элитами регионов. Например, опыт свободных экономических зон и контактная торговая зона с Китаем в Кяхте (XVI–XX вв.), зоны Черноморских проливов и Трабзон — Батуми (XVII–XX вв.) и др.

Кто, как не ориенталист-архивист, продумает имиджевую составляющую нашей внешней политики в Закавказье, в Центральной Азии, в

Иране — Вазиристане — Пакистане?... Дизайн отношений «власть — наука — практика геополитики» должен все дальше уходить от «войн памяти» (Карс, Гюлистан, Севастополь, Гилян...) и перемещаться в сферу потенциального союза Александра Невского с Сартаком в Орде и мамлюками в Египте, в сторону Божественной Флейты мира — бессмертного Джелалэддина Руми, звучавшего, как оказывается, и на Руси... Всему этому надо учить: немного — дипломатов и военных, последовательнее — нашу историческую смену, студентов 10-х гг. XXI в.

Востребованность архивного востоковедения, отмечавшаяся в материалах специальных (архивное дело) и общих (история, международные отношения и т. д.) конференций, в работах наших коллег, и адекватная реактивность нашего «цеха» в значительной, если не в решающей степени связана с ролью государства, его властных структур в общей политике развития и в конкретике воплощения архивного дела¹⁸.

Важным шагом в становлении государственной исторической политики и, соответственно, в развитии архивного востоковедения стал Федеральный закон Российской Федерации об архивном деле от 22 октября 2004 г.¹⁹

Госучрежденческий принцип лежит в основе создания подавляющей массы архивных документов России и отражает ведущую роль российского государства в нашем историческом прошлом и настоящем. Так, правительственные учреждения, «приказы» начали складываться с конца XV в. Одновременно стали формироваться фонды, документация о связях Москвы, например, с Османской империей, а по мере расширения последней за счет Балкан, Северной Африки — со странами, поглощенными османами и возродившими свою государственность только в XIX – начале XX в. Наши документальные свидетельства по ряду стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы, Среднего Востока и Центральной Азии нередко уникальны и не имеют аналогов в самих заинтересованных, ныне суверенных государствах.

Архивное востоковедение изначально не оставляет места ни управляемому прошлому, ни его мифологизации и тем придает дополнительную устойчивость базовым принципам вырабатываемой ныне государственной исторической политики.

¹⁸ См. *Научно-практическая конференция по проблемам зарубежной архивной практики России*. М., 1993.

¹⁹ См.: *Российская газета*. 2004. № 25. Текст закона опубликован также: *Отечественные архивы*. 2005. № 1. С. 3–20.

Научное издание

Шеремет Виталий Иванович

ПОСЛЕДНИЙ ОСМАН

Избранные труды

Том 2

Редактор Д. В. Дубровская

Дизайн обложки, компьютерная верстка Н. В. Бусыгин

Подписано 11.10.2021 Формат. 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15.18. Уч.-изд. л. 14.25. Тираж 500 экз. Зак. №
Федеральное государственное Бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН 107031 Москва, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. Отделом И. В. Федулов
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, дом 28
тел. (495) 651-84-56